

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

5
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istochnika. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 6 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

- 5.5.2. Political institutions, processes, technologies
- 5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: istfak_vestnik@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»

Научный журнал

Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: istfak_vestnik@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France

D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

B. Shtettsel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

I.B. Antonova, Cand. of Sci. (Pedagogy), associate professor, RSUH

Учредитель и изатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российской Федерации

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (*заместитель главного редактора*)

И. Клюканов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российской Федерации (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

А.К. Магомедов, доктор политических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

А.С. Усачев, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция

Д.С. Фоллесонг, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.А. Шаклеина, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Методология истории, источники, историография

<i>Фраческо Гуарино</i>	
Роль идей Н.М. Коркунова в развитии мировой юридической социологии	12
<i>Дмитрий К. Макаров</i>	
Образ Болгарии в российской пропаганде и общественно-политическом дискурсе в 1917–1918 гг.	21
<i>Сильвия Г. Петрова</i>	
Влияние научного метода Дж. Дьюи на формирование метода исторических исследований китайских историков первой четверти XX в. на примере Ху Ши и Гу Цзегана	35
<i>Данил В. Рыбин</i>	
Консервативно-либеральная терминология и легализм в трудах российских и зарубежных исследователей во второй половине XIX–XX в.	48
<i>Ольга В. Павленко</i>	
Изучение истории монархии Габсбургов в России в 1990–2000-е гг.: методология – интерпретации – практики	70

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>Владимир В. Насонкин</i>	
Политико-культурные детерминанты «школьного чуда» в современной Финляндии	90
<i>Ольга В. Сидорович</i>	
Фабий Пиктор и Дельфы	113
<i>Ольга С. Силина</i>	
Рацион питания в конвентах английской провинции францисканского ордена (XIII–XVI вв.)	130
<i>Наталья В. Ростиславлева</i>	
Социалистические идеи vs марксизм: германский опыт (вторая половина XIX в.)	142

Татьяна В. Лисовская

Стратегия взаимоотношений евангельских общин с советской властью в БССР в 20–30-е годы XX в. 157

Галина Г. Ершова

Православие в Гватемале: возникновение и особенности 176

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Михаил А. Андреев

Формирование и деятельность Музыкального отдела Наркомпроса РСФСР в 1918–1920 гг. 194

Роман С. Садовников

Зарубежные поездки советских студентов как инструмент культурной дипломатии СССР (1920-е гг.) 211

Научная жизнь

Елена В. Барышева, Сергей С. Новосельский

«Будущее нашего прошлого»: современные тенденции в историографии и исторических исследованиях (к юбилейной конференции) 225

CONTENTS

Methodology of History, Sources, Historiography

Francesco Guarino

The role of N.M. Korkunov's ideas for world legal sociology 12

Dmitrii K. Makarov

The image of Bulgaria in Russian propaganda and socio-political discourse in 1917–1918 21

Sylvia G. Petrova

J. Dewey's scientific method influence on Chinese historians' research method in the early 20th century (Hu Shi and Gu Jiegang as an example) 35

Danil V. Rybin

Conservative-liberal terminology and legalism in the works of Russian and foreign researchers in the second half of the 19th – 20th centuries 48

Olga V. Pavlenko

Studying the history of the Habsburg monarchy in Russia in the 1990s – 2000s. Methodologies – interpretations – practices 70

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

Vladimir V. Nasonkin

The political and cultural determinants of the “school miracle” in modern Finland 90

Olga V. Sidorovich

Fabius Pictor and Delphi 113

Olga S. Silina

Diet in the English province convents of the Franciscan Order (13th – 16th centuries) 130

Natalia V. Rostislavleva

Socialist ideas vs Marxism. The German experience (second half of the 19th century) 142

<i>Tatsiana V. Lisouskaya</i>	
Strategy of relations between evangelical communities and the Soviet government in the BSSR in the 20–30s of the 20 th century	157
<i>Galina G. Ershova</i>	
Orthodoxy in Guatemala. Origins and characteristic features	176
<hr/>	
Sociopolitical Processes in the Past and in the Present	
<i>Mikhail A. Andreev</i>	
How the Music Department of the RSFSR People's Commissariat of Education developed and operated (1918–1920)	194
<i>Roman S. Sadovnikov</i>	
Foreign trips of Soviet students as an instrument of cultural diplomacy of the USSR (1920's)	211
<hr/>	
Scientific life	
<i>Elena V. Barysheva, Sergei S. Novoselskii</i>	
“The Future of Our Past”: Modern trends in historiography and historical research(for the anniversary conference)	225

Методология истории, источники, историография

УДК 34

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-12-20

Роль идей Н.М. Коркунова в развитии мировой юридической социологии

Франческо Гуарино

Римский университет «Тор Вергата»,

Рим, Италия, gtn.francesco@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является знакомство с юридической теорией Н.М. Коркунова и влиянием, которое его идеи оказали на формирование социологической юриспруденции в Соединенных Штатах Америки и в Западной Европе. В качестве примера такого влияния идей Н.М. Коркунова можно выделить труды американского ученого Натана Роско Паунда. Принимая во внимание различия между реалиями российского и американского общества того периода, Натан Роско Паунд адаптировал свою теорию к особенностям растущего гипериндивидуализма американской культуры.

Отдельно стоит выделить обращение к идеям ученого в постсоветский период, причем не только со стороны американских и западноевропейских, но и российских исследователей, которые рассматривают юридическую теорию Н.М. Коркунова через призму идей либерализма и правового позитивизма. Растущая популярность идей Н.М. Коркунова свидетельствует как об их оригинальности для своего времени, так и об их актуальности в современном контексте, подчеркивая его значительный вклад в развитие мировой социологической юриспруденции.

Ключевые слова: Н.М. Коркунов, право, государство, социология права, юридическая наука, история политических и правовых учений

Для цитирования: Гуарино Ф. Роль идей Н.М. Коркунова в развитии мировой юридической социологии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 12–20. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-12-20

The role of N.M. Korkunov's ideas for world legal sociology

Francesco Guarino

University of Rome Tor Vergata, Rome, Italy,

grn.francesco@gmail.com

Abstract. The purpose of the paper is to introduce the legal theory of N.M. Korkunov and the influence of his ideas on sociological jurisprudence in the USA and in Western Europe. As an example of such an influence of N.M. Korkunov's ideas, one can single out the works of the American scientist Nathan Roscoe Pound. Taking into account the differences between the realities of Russian and American societies of that period, Nathan Roscoe Pound adapted his theory to the specifics of the growing hyper-individualism of American culture.

It is worth highlighting the turn to the ideas of the scientist in the post-Soviet period, not only from American and Western European, but also from Russian researchers who consider the legal theory of N.M. Korkunov through the prism of ideas of liberalism and legal positivism. Arguing that the growing popularity of Korkunov's ideas testifies both to the originality for their time and relevance for modern context, the author thus emphasizes Korkunov's significant contribution to the development of world sociological jurisprudence.

Keywords: N.M. Korkunov, law, state, sociology of law, legal science, history of political and legal doctrines

For citation: Guarino, F. (2025), "The role of N.M. Korkunov's ideas for world legal sociology", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 12–20, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-12-20

Введение

Научные работы русского ученого-правоведа XIX в. Николая Михайловича Коркунова (1853–1904) с момента их публикации занимали особое положение как в восточноевропейских, так и в западных интеллектуальных кругах; их популярность росла и падала на протяжении более столетия. Последнее зачастую было обусловлено скорее такими политическими моментами, как установление коммунизма в России, который выдвинул свои теории о государстве и праве на передний план политической мысли.

Новаторский мыслитель в области права, Н.М. Коркунов со второй половины XIX в. оставался объектом пристального интереса

при изучении и интерпретации теории права в общем контексте и, в частности, при изучении российской доктрины. Во многом подобная популярность его идей была обусловлена их целями и новизной. Его «Лекции по общей теории права» стали знаковым вкладом в юриспруденцию, впервые были опубликованы на русском языке в 1896 г. и позже переведены на английский язык в Соединенных Штатах Америки в 1909 г.¹ Несмотря на то что в то время они не приобрели чрезмерной известности, теории Н.М. Коркунова стали предметом широкого интереса среди историков права, юристов-теоретиков и социологов [Lohr 2006; Polyakov 2018; Yaney 1966].

Идеи Н.К. Коркунова и их влияние на развитие юридической социологии

Во многих своих работах Н.М. Коркунов придерживался общей точки зрения в определении права, которое на самом базовом уровне он определял как разграничение интересов, которых придерживаются люди, поскольку нормы и отношения, в рамках которых они действуют, составляют основу их собственной власти.

В основе его теории права лежит представление о том, что индивид и государственная власть взаимозависимы и неотделимы друг от друга благодаря осознанию первым своей зависимости от второго. Согласно идеям Н.М. Коркунова, государственная власть развивается из уважения индивида к праву, которое может быть изменено в соответствии с его собственными потребностями. В то же время ввиду того, что автономно действующие индивиды не могут сохранять политическую власть, эта власть удерживается на государственном уровне и представляет собой единство воли².

Несмотря на то что Н.М. Коркунов был новатором в области права, он не является ни первым, ни последним ученым, применявшим социологический подход к праву. Многие из его идей были вдохновлены работами немецких мыслителей-юристов, например Р. Иеринга, при этом принципы доктрины русского ученого также

¹ Korkunov N.M. General theory of law. N.Y.: The Macmillan Company, 1922. 524 р.

² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб.: Магазин Н.К. Мартынова, 1909. 354 с.; *Он же*. Указ и закон. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. 408 с.; *Он же*. История философии права: Пособие к лекциям. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. 267 с.; Сборник статей Н.М. Коркунова, профессора Петербургского университета: 1877–1897. СПб.: Изд-во Н.К. Мартынова, 1898. 567 с.

сыграли заметную роль в развитии социологической юриспруденции в Соединенных Штатах Америки, учитывая, что многие местные исследователи находились под влиянием тех же юристов из Германии.

Основополагающая работа Н.М. Коркунова была основана на критике застоя общества как результата неэффективного управления и следствия особенностей российского самодержавия. Он также подвергал критике школу естественного права и позитивистскую школу, которые представляли собой доминирующие юридические школы того времени, за их абстрактные принципы, однако, надо признать, что в этом вопросе на него оказало существенное влияние внедрение западных либеральных мыслей в российские интеллектуальные круги.

Несмотря на то что он находил либеральные идеи полезными для своего общества, он осознавал, какой тщательности они потребуют при адаптации к отечественной системе, и опасался, что западный индивидуализм может помешать развитию российского общества. Коркунов подходил к праву и его проблемам с вполне обоснованной, но довольно теоретической точки зрения.

Независимо от того, что работы Н.М. Коркунова базируются на специфических проблемах, стоящих перед российским юридическим обществом того времени, принципы, разработанные ученым, нашли отклик у многих исследователей и мыслителей по ту сторону Атлантического океана. В частности, например, у американского исследователя Натана Роско Паунда (1870–1964), который также рассматривал правовую мысль через призму социологии. Паунд построил свой социологический взгляд на право на основе тех реалий, которых в большей степени опасался Н.М. Коркунов. Концепция социологического правового мышления американского ученого была разработана в ответ на гипериндивидуализм американского общества и его правовой системы в начале XX в., который, по утверждению самого Паунда, наносил ущерб коллективу³.

На примере сравнения юридической мысли Н.М. Коркунова и Н.Р. Паунда представляется возможным обозначить место российского ученого в более широкой правовой парадигме, а также подчеркнуть важность, которую он придавал проблеме индивидуализма.

³ Pound R. Mechanical jurisprudence // Columbia Law Review. 1908. Vol. 8. No. 8. P. 605–623; *Idem*. Law in books and law in action // American Law Review. 1910. Vol. 44. P. 12–36; *Idem*. Do we need a philosophy of law? // Columbia Law Review. 1905. Vol. 5. No. 5. P. 339–353; *Idem*. The spirit of the common law. Boston: Marshall Jones Company, 1921. 224 p.

Этот вопрос о месте личности по отношению к государству и законодательству был широко обсуждаемой темой в XIX в., причем конкурирующие аргументы исходили от различных школ юридической мысли, которые доминировали в интеллектуальной сфере России во времена Н.М. Коркунова. Позитивистская школа утверждала, что право исходит от управляющих структур и от воли законодателя, в то время как ее оппонент, школа естественного права, утверждала, что право должно возникать из идеальных концепций, таких как, например, справедливость.

Несмотря на то что в Российской империи правовой позитивизм и теория естественного права были основными течениями юридической мысли, им часто бросала вызов набирающая популярность теория либерализма, которая выступала за индивидуальные свободы и верховенство права, а также появление социологического, исторического и психологического подходов к праву. Такие идеи часто попадали в Россию через немецкие академические тексты или образовательные учреждения, в которых получали образование многие российские теоретики права и юристы. Многие ученые также объединили эти идеи в целях разработки нетрадиционных подходов к изучению права. Эти новые теории сильно повлияли на Н.М. Коркунова и укрепили его точку зрения, став краеугольным камнем его концепций, подпитывая его неприятие традиционных идей.

У Н.М. Коркунова были сложные отношения с правовым позитивизмом, он имел особое представление о государственной власти и не вполне ортодоксальное понимание либерализма. Его идеи базировались на специфических условиях его страны, которая вступила в период нестабильности и, в конечном счете, после революции претерпела кардинальные изменения всего государственного устройства, но эти концепции также были частью общего сдвига в правовом мышлении, происшедшего по обе стороны Атлантики на рубеже XX в.

Хотя его теории развивались в ответ на рост либерализма в континентальной Европе, они также были разработаны с учетом универсального их применения. Это означало, что они могли обсуждаться и изучаться западными учеными-юристами, особенно благодаря уникальному сочетанию консервативного и либерального содержания. Популярность Н.М. Коркунова была ограниченной при его жизни и на протяжении всей советской эпохи, поскольку советские ученые отвергали его работы из-за его кажущейся близости к монархии. Интерес к его публикациям вновь возник в 1990-х годах – после отказа от идеологии коммунизма.

Для более глубокого понимания теории Н.М. Коркунова его концепции должны рассматриваться с точки зрения хронологии,

важно понимать, как интерпретировали и принимали его современники в Российской империи, Соединенных Штатах и Европе. Особое внимание необходимо уделить тому, как они понимали его идеи применительно к правовому позитивизму, естественному праву и либерализму, чтобы реконструировать правовую культуру и атмосферу того времени и определить место ученого в ней.

Также важно понимать, как к работам Н.М. Коркунова относились и оценивали в советскую эпоху, чтобы оценить влияние его работ на ученых-юристов того времени и различия в отношении к его идеям, учитывая сдвиг в правовом мышлении, вызванный подъемом коммунизма в России. Также немаловажной представляется оценка восприятия и применения идей Н.М. Коркунова западными учеными, которая демонстрирует несоответствие в представлении Запада о западной и восточноевропейской мысли и фактическую интеграцию правовых концепций двух указанных направлений.

Кроме того, было бы ошибкой оставить без внимания возобновившийся интерес к теориям Н.М. Коркунова, возникший в постсоветский период как внутри России, так и за ее пределами. Некоторые элементы его работы продолжают находить отклик у ученых, а также наблюдаются новые интерпретации и развитие его юридических теорий.

Особого внимания заслуживает то, как современные исследователи использовали концепции Н.М. Коркунова для ретроспективной интерпретации социальных и политических событий в обществе императорской России. В этом контексте выделяются отдельные научные работы, посвященные этому юристу эпохи Николая II и опубликованные после распада Советского Союза, поскольку именно тогда его идеи оказались в центре внимания научного сообщества. Эти исследования позволяют выявить причины, по которым идеи Н.М. Коркунова были возвращены в юридическую мысль и общественное сознание, а также проанализировать влияние, которое они оказали на современное мышление [Бочкарева 2014; Галкин 2011; Еньшина 2016; Пегова 2015].

Работы Н.М. Коркунова были проанализированы и применены на практике многочисленными учеными из широкого спектра дисциплин, включая теорию права, историю права и социологию. Их различные подходы к его идеям и публикациям являются свидетельством интеллектуального богатства и оригинальности концепций российского ученого.

Теоретики права и социологи дали глубокое представление о его философии права, подчеркнув ее связь с другими правовыми идеями посредством сравнительной работы и постулатов, на которых Н.М. Коркунов основывал свои теории. С другой стороны,

историки права предложили новые интерпретации истоков правовой философии ученого, отражающие образ правовой системы общества той эпохи. Эти различные подходы позволили многогранно понять и проанализировать его работы, жизнь и идеи.

К сожалению, можно сделать вывод о том, что Николай Михайлович не был должным образом известен историкам права и теоретикам до 1990-х гг., несмотря на актуальность его идей.

До революции и при жизни Николая Михайловича часть его идей была опубликована и понята современниками, поскольку многие из них разрабатывали вопросы внедрения либерализма или реформирования российской автократической системы, которую они часто использовали как инструмент для оценки идей, а не для критического подхода к их содержанию.

Впоследствии о нем не писали. Вероятно, это было обусловлено тем, что в своих теориях он часто выносил на первый план государство. Его связь с автократией и имперским периодом, вероятно, позволила отвергнуть его идеи в советскую эпоху и в ранний постсоветский период, даже несмотря на то, что ученые-юристы того времени разрабатывали аналогичные теории, часто опираясь на его работы.

Что касается западной юридической мысли, то идеи Н.М. Коркунова действительно начали получать некоторую популярность среди теоретиков права в Соединенных Штатах Америки, став объектом внимания многих выдающихся американских ученых.

Примечательно, что ему не приписывали влияния на социологическую юриспруденцию в Соединенных Штатах, которая также стремилась сбалансировать благосостояние личности и государства, хотя его идеи предшествовали социологическому повороту в этой стране, и многие местные юристы разработали аналогичные теории. Чаще всего его идеи были очевидно связаны с историческими условиями императорской России и верховенством государства [Wesson 1968].

Распад Советского Союза привел к возобновлению интереса к Н.М. Коркунову, поскольку ученые пытались проанализировать причины и последствия коммунистического правления в обществе [Bucker 2009]. Пока идеи часто использовались для решения современных политических проблем в постсоветский переходный период, юристы уделяли значительное внимание тому, как Н.М. Коркунов уравновешивал личность и общество в своих теоретических рамках, его отношениям с либерализмом и правовым позитивизмом, его критике позднеимперского законодательства и государственного управления. Также исследователи задавались вопросом – как его правовая теория может быть использована в качестве нового метода изучения права?

Заключение

В совокупности новейшая литература демонстрирует оригинальность его идей и их сложную взаимосвязь с либерализмом. Кроме того, интерес, проявляемый к нему современными учеными, свидетельствует о том, что эти дискуссии продолжаются. Обратившись к социологическому, историческому и психологическому подходу Николая Михайловича Коркунова, исследователям удалось выявить проблемы, которые характеризовали позднюю Российскую империю, и выделить причины ее нестабильности и окончательного краха. Что еще более важно, концепции Н.М. Коркунова вновь привлекли внимание к социально-ориентированному подходу к изучению права, косвенно подчеркнув, что закон укоренился в обществе.

Вышеизложенное демонстрирует и подтверждает важность и актуальность теорий Николая Михайловича Коркунова, чьи работы внесли существенный вклад в развитие социологической юриспруденции и послужили базой для многочисленных исследований юристов по всему миру, даже несмотря на то, что сам Н.М. Коркунов, будучи новатором своего времени, не принадлежал ни к одному из известных научных течений.

Литература

Бочкарёва 2014 – *Бочкарёва В.И.* Юрист-социолог Н.М. Коркунов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 17. С. 88–100.

Галкин 2011 – *Галкин П.В.* Проблемы статуса и компетенции органов местного самоуправления в трудах М.И. Свешникова и Н.М. Коркунова // История государства и права. 2011. № 13. С. 36–39.

Еньшина 2016 – *Еньшина Е.Н.* Теория совместности властовования Н.М. Коркунова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 2. С. 35–40.

Пегова 2015 – *Пегова Н.Э.* Принцип субъективного реализма в теоретико-правовой методологии Николая Михайловича Коркунова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 4. С. 82–86.

Bucker 2009 – *Buckler J.A.* What comes after “post-Soviet” in Russian studies? // PMLA (Publications of the Modern Language Association of America). 2009. No. 124. P. 251–263.

Lohr 2006 – *Lohr E.* The ideal citizen and real subject in late imperial Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. No. 2. P. 173–194.

Polyakov 2018 – *Polyakov A.* The theory of state and law by Nikolay Korkunov // Russian legal realism / ed. by B. Brožek, J. Stanek, J. Stelmach. N.Y.: Springer, 2018. P. 67–78.

Wesson 1968 – *Wesson R.G.* The Soviet state, ideology and patterns of autocracy // *Soviet Studies*. 1968. No. 20. P. 179–186.

Yaney 1966 – *Yaney G.L.* Bureaucracy and freedom: N.M. Korkunov's theory of the state // *The American Historical Review*. 1966. Vol. 71. No. 2. P. 468–486.

References

Bochkareva, V.I. (2014), “Lawyer-sociologist N.M. Korkunov”, *The Journal of sociology and social anthropology*, no. 17, pp. 88–100.

Bucker, J.A. (2009), “What comes after ‘post-Soviet’ in Russian studies?”, *PMLA (Publications of the Modern Language Association of America)*, no. 124, pp. 251–263.

Galkin, P.V. (2011), “Issues of the status and competence of local self-government bodies in the works of M.I. Sveshnikov and N.M. Korkunov”, *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 13, pp. 36–39.

Enshina, E.N. (2016), “Theory of the jointness governance by N.M. Korkunov”, *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, no. 2, pp. 35–40.

Lohr, E. (2006), “The ideal citizen and real subject in late imperial Russia”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 7, no. 2, pp. 173–194.

Pegova, N.E. (2015), “The principle of subjective realism in the theoretical and legal methodology of Nikolai Mikhailovich Korkunov”, *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, no. 4, pp. 82–86.

Polyakov, A. (2018), “The theory of state and law by Nikolay Korkunov”, in Brožek, B., Stanek, J. and Stelmach, J., eds., *Russian legal realism*, Springer, New York, USA, pp. 67–78.

Wesson, R.G. (1968), “The Soviet state, ideology and patterns of autocracy”, *Soviet Studies*, no. 20, pp. 179–186.

Yaney, G.L. (1966) “Bureaucracy and freedom: N.M. Korkunov's theory of the state”, *The American Historical Review*, vol. 71, no. 2, pp. 468–486.

Информация об авторе

Франческо Гуарино, аспирант, Римский университет «Тор Вергата», Рим, Италия; 00173, Италия, Рим, ул. Orazio Raimondo, д. 18; grn.francesco@gmail.com

Information about the author

Francesco Guarino, postgraduate student, University of Rome Tor Vergata, Rome, Italy; 18, Via Orazio Raimondo, Rome, Italy, 00173; grn.francesco@gmail.com

Образ Болгарии в российской пропаганде и общественно-политическом дискурсе в 1917–1918 гг.

Дмитрий К. Макаров
*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия, dmakarov3107@gmail.com*

Аннотация. Участию Болгарии в Первой мировой войне и формированию ее образа в российской пропаганде и общественно-политическом дискурсе уделено недостаточно внимания в исторической науке. Вопрос о том, как в России представляли Болгарию в 1917–1918 гг., и вовсе не поднимался в историографии, поскольку исследователи уделяли внимание изучению других, более значимых для истории России событий и процессов, происходивших в данный период. В статье автор пытается восполнить этот историографический пробел. Установлено, что отношение к Болгарии изменялось дважды – после Февральской и Октябрьской революций. После Февральской революции произошло смягчение в презентации Болгарии: газеты акцентировали внимание на болгарских дезертирах и пленных, а сообщения о болгарских преступлениях в Сербии отошли на второй план. Большевики трактовали причины участия Болгарии в войне на стороне Центральных держав в парадигме теории империалистической войны, рассматривая судьбу этой страны в контексте идей ожидавшейся мировой революции.

Ключевые слова: Первая мировая война, Антанта, Центральные державы, Болгария, Россия, «Правительственный вестник», «Вестник Временного правительства», «Новое время», «Русское знамя», «Земщина»

Для цитирования: Макаров Д.К. Образ Болгарии в российской пропаганде и общественно-политическом дискурсе в 1917–1918 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 21–34. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-21-34

The image of Bulgaria in Russian propaganda and socio-political discourse in 1917–1918

Dmitrii K. Makarov

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
dmakarov3107@gmail.com*

Abstract. Insufficient attention has been paid to both Bulgaria's participation in World War I and the formation of its image in Russian propaganda and socio-political discourse in historical science. The question of how Bulgaria was perceived in Russia in 1917–1918 was not raised in historiography at all, since the researchers focused on studying other, more significant events and processes for the history of Russia that took place during that period. So, the article attempts to fill in this historiographical gap. It is established that the attitude towards Bulgaria changed twice – after the February and October revolutions. After the February Revolution, the perception of Bulgaria became more delicate: newspapers focused on Bulgarian deserters and prisoners, while the reports of Bulgarian crimes in Serbia faded into the background. The Bolsheviks interpreted the reasons for Bulgaria's participation in the war on the side of the Central Powers in the paradigm of the imperialist war theory, considering the fate of that country in the context of the expected world revolution.

Keywords: World War I, the Entente, the Central Powers, Bulgaria, Russia, "Pravitelstvenni vestnik", "Vestnik Vremennogo pravitelstva", "Novoye vremya", "Russkoe znamya", "Zemshchina"

For citation: Makarov, D.K. (2025), "The image of Bulgaria in Russian propaganda and socio-political discourse in 1917–1918", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 21–34, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-21-34

Введение

Проблема формирования и эволюции образа Болгарии в сознании российского общества периода Первой мировой войны не стала до сих пор предметом комплексных специальных исследований, потому что историки сосредоточили внимание на изучении основных стран-участниц конфликта [Сенявская 2006; Голубев, Поршнева 2011]. Исследования на эту тему, посвященные периоду 1917–1918 гг., вовсе отсутствуют, поскольку как учёные, так и современники событий акцентировали свое внимание на более актуальных для того времени темах и практически не упоминали Болгарию в качестве воюющей стороны.

Можно назвать лишь несколько исследований, в которых затрагивается тема восприятия Болгарии в российском обществе в годы Первой мировой войны. В монографическом плане проблему российского восприятия противников в условиях войны рассматривала Е.С. Сенявская [Сенявская 2006]. Г.Д. Шкундин [Шкундин 2007] исследовал отношение российского общества к болгарскому нейтралитету и вступлению Болгарии в мировую войну на стороне Центральных держав. В статье А.А. Иванова и А.В. Репникова [Иванов, Репников 2014] авторы пришли к выводу о том, что с конца 1916 г. Болгария практически не фигурировала в консервативной печати, поскольку в правом дискурсе велась полемика на более актуальные темы [Иванов, Репников 2014, с. 213]. Соглашаясь отчасти с этой точкой зрения, стоит отметить, что Болгария по-прежнему упоминалась в сводках с фронта и в контексте проблемы национального раскола в Греции.

Изучение источников позволяет констатировать, что после Февральской революции произошло существенное смягчение отношения к Болгарии на страницах российских газет: акцент сместился с военных преступлений, совершенных болгарами в оккупированной Сербии, на болгарских дезертиrov и негативное восприятие болгарским народом участия в войне. После Октябрьской революции большевики взяли курс на заключение мира с Центральными державами. Поскольку Болгария не претендовала на какие-либо территории России, она не проявляла активности на переговорах. Большевики, следуя теории империалистической войны, не выделяли принципиально Болгию из ряда других участников конфликта, уделяли ей еще меньше внимания, чем царское и Временное правительства.

В данной статье сделана попытка выявить отношение российского правительства и общества к Болгарии в 1917–1918 гг. и проследить, как Февральская и Октябрьская революции повлияли на восприятие Болгарии в России.

Образ Болгарии в российской пропаганде и общественно-политическом дискурсе накануне Февральской революции

Эволюцию отношения к Болгарии российского правительства можно проследить по публикациям газет «Правительственный вестник» и «Новое время», которые, по меткому выражению И.С. Рыбачёнок, являлись неформальным рупором российского министерства иностранных дел [Рыбачёнок 2017, с. 85].

До Февральской революции отношение российского правительства к Болгарии было крайне враждебным. «Правительственный вестник» регулярно писал о жестокой оккупационной политике Болгарии в Сербии. Так, в номере от 3 февраля 1917 г. сообщалось, что все почтовые отношения с сербами за границей прекращены: стало невозможным отправить деньги или какие-либо посылки сербским родственникам, а письма все чаще стали возвращаться обратно отправителю. В то время как захваченные в плен болгары могли писать домой и отправлять небольшие посылки из России. Отказ от поступления денег из-за границы привел к ухудшению материального положения многих сербских семей и смертям от голода. Эти действия оценивались как «акт варварства со стороны диких болгар»¹. В номере от 9 февраля 1917 г. автор подчеркивает, что болгарский террор ничем не отличается от террора по отношению к славянам, проводимым Австро-Венгрией². Незадолго до окончательной победы Февральской революции, 2 марта 1917 г., вышла статья, посвященная Топлицкому восстанию в оккупированной болгарами Сербии. Его главной причиной, по мнению автора, было доведение до отчаяния мирного сербского населения и режим «беспощадного террора», установленный болгарами. Население было доведено до такого состояния, что восставшие шли в атаку на болгарские позиции «с почти голыми руками», стремясь овладеть оружием болгар. Восстание было подавлено с нечеловеческой жестокостью: болгары не щадили ни стариков, ни детей, ни женщин³. Более того, болгары даже «не постыдились» осквернить могилу русского консула в Монастыре⁴. Как отмечает издание, болгары настраивали нейтральные страны против союзников России. Так, болгарские монастыри вели активную пропаганду против Э. Вензелоса в Греции⁵.

До начала Февральской революции в газете «Новое время» писали о тяжелом положении сербского населения на оккупированных болгарами территориях, потому что болгары не доверяли местному населению, «видели в них врагов и считали жителей довольно ненадежными»⁶. «Новое время» выступило с жесткой критикой болгарской армии, которая осквернила могилу русского

¹ Правительственный вестник. 1917. 3 февр.

² Там же. 9 февр.

³ Там же. 2 марта.

⁴ Там же. 16 янв.

⁵ Лиманов Т. О событиях в Греции // Правительственный вестник. 1917. 28 янв.

⁶ Новое время. 1917. 18 янв.

консула в Монастыре, забыв о роли России в освобождении Болгарии от османского ига⁷.

Отношение российских консерваторов к участию Болгарии в Первой мировой войне практически не менялось. Они всегда относились к Болгарии с особым недоверием и отмечали, что болгары начали сближаться с врагами России еще до начала Первой мировой войны, забыв о «России-освободительнице». Они осуждали болгарский нейтралитет и не были удивлены присоединением Болгарии к Центральным державам в октябре 1915 г. [Макаров 2024, с. 175].

Российские консервативные газеты уделяли Болгарии незначительное внимание, упоминая о ней в сводках с Салоникского фронта и в контексте темы национального раскола в Греции. Так, 3 января 1917 г. на страницах «Русского знамени» выражались опасения по поводу сохранения нейтралитета Грецией. Автор боялся, что дипломаты стран Антанты повторят свою ошибку в отношениях с Грецией, посчитав невозможным ее присоединение к Центральным державам, как это было в 1915 г. с Болгарией. Эта ошибка могла способствовать тому, что греческая армия в самый неподходящий момент нанесла бы «нож в спину» союзникам, как это сделала Болгария в 1915 г. по отношению к Сербии⁸. В номере от 6 февраля 1917 г. автор анализировал отношения правительства короля Константина со странами Антанты и с Центральными державами. Он признавал, что, несмотря на территориальные претензии Болгарии к Греции и «противоестественный союз Болгарии и Османской империи», Греция может перейти к союзникам Германии, поскольку король Константин сдал в 1916 г. болгарам без боя форт Рупель. Греческий монарх, по мнению автора, мог «обречь на погибель Грецию так, как это сделал болгарский царь Фердинанд». Поэтому дипломатам стран Антанты не следует «заигрывать с Грецией», а принять по отношению к прогерманскому нейтралитету короля Константина жесткие меры⁹.

В отличие от либеральной прессы, «Русское знамя» высоко оценивало боевые качества болгарской армии. Анализируя кампанию 1916 г., автор статьи подчеркивал стойкость болгарских частей у Монастыра. Он отмечал, что значение победы Антанты под Монастыром было сильно преувеличено либеральной прессой, и что «болгарская армия до сих пор остается грозным противником»¹⁰. В сводке от 20 февраля автор отмечал мужество и хорошую

⁷ Там же. 2 февр.

⁸ Русское знамя. 1917. 3 янв.

⁹ Там же. 6 февр.

¹⁰ Там же. 9 февр.

организацию болгарской армии, сожалея о том, что такие храбрые солдаты не сражаются на стороне Антанты¹¹.

Противоположной оценки боевых качеств болгар придерживалась консервативная газета «Земщина». С самого начала войны она давала оптимистичные прогнозы по поводу Болгарии и даже в сентябре 1915 г. рассматривала возможность ее присоединения к странам Антанты¹². Так, в сводке с фронта от 19 января 1917 г. автор стремился создать иллюзию, что у Болгарии скоро закончатся силы, поскольку она понесла «невосполнимые потери в кампании 1916 года»¹³. 27 января сообщалось, что болгары массово дезертируют и сдаются в плен союзникам¹⁴.

После Февральской революции «Земщина» и «Русское знамя», вместе с другими органами правых партий, были запрещены Петроградским советом [Кирьянов 2001, с. 15]. Падение монархии привело к дискредитации и правого дискурса в российском сознании. Монархические и правые газеты были закрыты, уступив место левым и либеральным.

Особую роль в формировании образа Болгарии в российском сознании играли календари, в которых отражалась обстановка на фронтах, а также информация о противниках и союзниках России. Они были рассчитаны на широкие слои населения и чаще всего придерживались ура-патриотических позиций, транслируя представления о слабости противника.

Календарь «В годину Великой войны» постоянно подчеркивал слабость болгарской армии. Отмечалось, что с 1914 г. Сербия в одиночку сражалась против Германии, «преграждая <ей> пути сообщения на Балканский полуостров». Из-за того, что во главе Болгарии «стоит приверженец германского правительства» царь Фердинанд, Болгария решила «связать судьбу с нашими врагами», забыв о «роли России в ее освобождении»¹⁵. Автор акцентировал внимание на том, что лишь из-за неравенства сил Сербия была оккупирована Центральными державами в 1915 г., а все сражения между сербами и болгарами заканчивались победой Сербии. Лишь немецкая армия спасла Болгию от разгрома в 1916 г. после вступления в войну Румынии и тяжелого поражения под Монастиром¹⁶. Именно это

¹¹ Там же. 20 февр.

¹² Земщина. 1915. 7 сент.

¹³ Там же. 19 янв.

¹⁴ Там же. 27 янв.

¹⁵ В годину Великой войны: календарь на 1917 год. Пг.: Управление по делам мелкого кредита, 1917. С. 96.

¹⁶ Там же.

сражение, по мнению автора календаря, спасло войска Антанты от выступления греческого короля Константина на стороне Германии. Примечательно, что в календаре ни разу не упоминается о победах болгарской армии и ее сильных сторонах, которые отмечали даже критически настроенные по отношению к Болгарии консерваторы. Другим существенным отличием стало то, что автор календаря подчеркивал, что болгарский народ поддерживает царя Фердинанда «из-за своей враждебности по отношению к румынам и сербам»¹⁷. Схожей точки зрения придерживался автор «Жизненного календаря» П.Г. Черкасов. Он считал, что Болгария обладает ограниченными ресурсами и потому она вынуждена восполнять их в захваченной Македонии, провоцируя местное население на недовольство¹⁸.

Образ Болгарии в российской пропаганде и общественно-политическом дискурсе после Февральской революции

Вопросы войны и мира стали основным фактором развития российской демократической революции в феврале – октябре 1917 г. [Голубев, Поршнева 2011, с. 173]. Падение монархии дало надежду России на победоносное окончание войны в союзе с западными демократиями. В первые после революции мартовские дни 1917 г. вновь, как и в августе 1914 г., поднялась волна военного энтузиазма и желания продолжить войну до победы над Центральными державами [Поршнева 2014, с. 46].

Эти обстоятельства привели к существенному изменению общественно-политического дискурса и смягчению отношения публицистов к Болгарии. Февральская революция в представлении масс открыла дорогу к миру, что породило у населения России иллюзию по поводу скорейшего завершения тяжелой войны. Стремление как можно скорее закончить войну привело к смягчению позиций по отношению ко всем противникам России. Примечательно, что некоторое время «Вестник Временного правительства» старался и вовсе не писать о Болгарии: сводки с Салоникского фронта упоминали о боях с абстрактным противником.

Впервые Болгария упоминалась в выпуске «Вестника Временного правительства» от 25 марта 1917 г., где утверждалось, что правительства Антанты готовы начать переговоры с Центральными державами. В свою очередь, Россия обязалась защитить Болгию

¹⁷ Там же. С. 98.

¹⁸ Черкасов П.Г. Жизненный календарь на 1917 год. Пг., 1917. С. 58–60.

от слишком унизительных условий по заключению мира¹⁹. В апреле 1917 г. болгарские социалисты были упомянуты в «Вестнике» вместе с социалистами стран Антанты, которые стремились к мирным переговорам²⁰.

Отношение к болгарам изменилось и в сводках с фронта. Основным источником информации о болгарской армии являлись пленные и дезертиры. В «Вестнике Временного правительства» подчеркивалось, что болгарский народ устал от войны и желал ее скорейшего завершения. Солдаты и офицеры стали все чаще дезертировать или переходить на сторону Антанты вследствие плохого снабжения и существенного снижения боевого духа. Особое внимание заслуживает статья, опубликованная 7 июня 1917 г., в которой автор пытался понять причины участия Болгарии в Первой мировой войне на стороне Германии и причины разложения болгарской армии. Он приходит к выводу, что желание взять реванш за Вторую Балкансскую войну было популярно в болгарском народе, и поэтому царя Фердинанда поддержало большинство болгар в ведении войны с Сербией и Румынией. Однако Болгария была не готова к затяжной войне, и с каждым днем войны она становилась все менее популярной в народе. «Вестник Временного правительства» выражал надежду на демократическую революцию в Болгарии и переход болгарского народа на сторону России, которая освободила страну от турецкого ига²¹. Примечательно, что газета не стремилась объяснять факты, не укладывающиеся в основную линию. В сводках с фронта за май 1917 г. ничего не сказано о поражении войск Антанты во второй битве при Монастире, и, как следствие, о сведении на нет всех успехов кампании 1916 г. В газете повествуется о тяжелых боях на Салоникском фронте, акцентируется внимание на болгарских пленных и дезертирах²².

«Вестник Временного правительства» изменил отношение и к Топлицкому восстанию. Газета по-прежнему признавала, что причиной этого восстания стала жестокая оккупационная политика со стороны Болгарии и Австро-Венгрии, но стала акцентировать внимание на непонимании болгарами причин их участия в войне: упоминается даже о нескольких болгарах, которые перешли на сторону восставших. Автор выражал надежду, что сербское восстание способно нанести «нож в спину» болгарской армии, сражающейся на Салоникском фронте²³.

¹⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 25 марта.

²⁰ Там же. 7 апр.

²¹ Там же. 7 июня.

²² Там же. 20 мая.

²³ Там же. 31 марта.

Смягчило свое отношение к Болгарии и «Новое время». Газета стала уделять больше внимания падению дисциплины в болгарской армии и дезертирству. Так, в номере от 5 апреля 1917 г. было процитировано показание одного из болгарских дезертиrov. Он не понимал, почему Болгария сражается против Антанты и считал, что оборона на Салоникском фронте держалась в основном на немецких частях. Он признавал, что, если бы не немцы, «половина болгарской армии разбежалась бы по домам»²⁴. Другой болгарский дезертир отмечал, что Болгария уже проиграла войну, поскольку она сражается против стран, обладающих большими ресурсами, чем Болгария и ее союзники²⁵.

В июне 1917 г. участник Первой мировой войны российский генерал В.В. Буняковский выпустил работу, посвященную участию Болгарии в Первой Балканской войне²⁶. Автор понимал интересы не только Болгарии, желающей вернуться к границам, приобретенным по Сан-Стефанскому миру 1878 г., но и Турции, которая хотела отстоять свои территории и усмирить восставшие славянские народы. Именно идеи возвращения «Сан-Стефанской Болгарии», а позднее и создания Великой Болгарии являлись, по мнению автора, проявлением самосознания болгар, которые были освобождены Россией после многовекового турецкого рабства. Именно поэтому, как отмечает автор, присоединение Восточной Румелии в 1885 г. было тепло встречено народом Болгарии, а победа в войне с Сербией сделала Болгию лидером среди славянских государств на Балканском полуострове и способствовала росту болгарского национального самосознания. Однако не только Османская империя, но и Греция, Сербия и Черногория, «интересы которых сходились в Македонии», препятствовали, по мнению Буняковского, созданию Великой Болгарии²⁷. Делается вывод, что развитие национального самосознания и желание взять реванш за проигранную Вторую Балкансскую войну и привели Болгию в лагерь противников России в Первой мировой войне²⁸.

В.В. Буняковский признает решающий вклад болгарской армии в победу над турками в Первой Балканской войне²⁹. Он справедливо отмечает, что geopolитические амбиции Болгарии требо-

²⁴ Новое время. 1917. 5 апр.

²⁵ Там же. 7 мая.

²⁶ Буняковский В.В. Балканская война: Действия 1-й и 3-й Болгарских армий. Пг., 1917.

²⁷ Там же. С. 2.

²⁸ Там же. С. 14.

²⁹ Там же. С. 231.

вали от нее наличия огромной армии, сдержать которую в мирное время было невозможно. Именно поэтому болгарское руководство приняло решение пропустить через ряды своей армии как можно больше мужчин, увеличив при этом нахождение их в запасе. Только мусульманское население, которое могло проявлять нелояльность, освобождалось от службы в армии³⁰. В.В. Буняковский отмечал также усердие и готовность к самообразованию у болгарских офицеров, их трудолюбие, упорство в достижении поставленной цели и знание войск. Главными недостатками болгарской армии являлись, по его оценкам, сложности со снабжением и устаревшее вооружение³¹.

Примечательно, что несмотря на то что Россия и Болгария находились в состоянии войны, автор положительно оценивает умелые политические действия царя Фердинанда. По его мнению, руководство Болгарии смогло не только провести блестящую политическую, моральную и финансовую подготовку к войне, заключив союз с Грецией, Сербией, Черногорией и заручившись поддержкой Австро-Венгрии, но и выбрало правильный момент для вступления Болгарии в войну³². Именно благодаря этим обстоятельствам болгарская армия смогла одержать блестящие победы в ходе Первой Балканской войны.

Отношение к участию Болгарии на стороне Германии в Первой мировой войне кардинально иным образом оценивали марксисты. В основе их учения лежал классовый подход, и с начала Первой мировой войны они желали поражения России. В.И. Ленин рассуждал о возможности революции в Болгарии, как и в других капиталистических странах. Он утверждал, что необходимо освободить воюющие народы, свергнув «германского, австрийского, турецкого и болгарского» монархов³³. Болгарию, как и других союзников Германии, В.И. Ленин считал несамостоятельными странами, зависимыми от Германии³⁴. Схожих взглядов придерживался и меньшевик Ф.И. Дан. Он утверждал, что неизбежная революция в Германии, Австро-Венгрии и Болгарии должна стать оплотом для

³⁰ Там же. С. 21.

³¹ Там же. С. 22–24.

³² Там же. С. 56–57.

³³ Ленин В.И. Политические партии в России и задачи пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 201.

³⁴ Ленин В.И. Ленин и Брестский мир: Статьи и речи В. Ленина в 1918 г. о Брестском мире: Сост. по материалам 15-го тома «Собрания сочинений» В. Ленина / вводная ст. и примеч. Н. Овсянникова. [Баку]: Бакинский рабочий, 1924. С. 62.

распространения революции на другие страны³⁵. Интересно, что, в отличие от В.И. Ленина, он пытался понять, почему Болгария присоединилась к Германии. Это было связано, по его мнению, с несговорчивостью Сербии, которая не хотела идти на уступки Болгарии. Обе стороны конфликта пытались подкупить Болгарию обещанием огромной добычи. Поторговавшись, она примкнула к побеждавшей стороне³⁶. По-другому объясняет причину участия Болгарии в войне меньшевик Н.Н. Суханов. Он считает, что захват Константинополя Россией и доступ к Дарданелльским проливам вызвал бы недовольство у Румынии, Болгарии и Италии, поскольку этот город являлся важным источником торговли и давал возможность искать новые рынки сбыта³⁷. Рассуждая в 1918 г. о причинах начала Первой мировой войны, Александра Коллонтай пыталась развеять мифы, созданные военной пропагандой российской империи. Эта война не являлась межрелигиозной, поскольку «православный русский стреляет в православного болгарина»³⁸. Война, по ее оценке, велась за право угнетать и грабить как можно больше народов и колоний. Пока существует частная собственность на средства производства и капитализм, войны неизбежны, заключала А. Коллонтай³⁹.

После Октябрьской революции 1917 г. большевики взяли курс на выход России из войны и заключение мира с Центральными державами. Правительство советской России не уделяло значительного внимания отношениям с Болгарией, но при заключении Брестского мира в одном из приложений были представлены несколько условий, которые обязались выполнить обе стороны⁴⁰.

В связи с тем, что Болгария не претендовала на территории бывшей Российской империи, она, как отмечали большевики, вела себя «очень пассивно» на переговорах⁴¹. По условиям Брестского мира торговые отношения между Россией и Болгарией были восстановлены. Стороны обязались до 31 декабря 1919 г. урегулировать

³⁵ РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 47. Л. 6: Тезисы Ф.И. Дана о политике партии в Советской России.

³⁶ Там же. Л. 7–8.

³⁷ Суханов Н.Н. Интересы России в войне и мире (к заключению мира). Пг.: Тип. сельского хозяйства. 1918. С. 23–24.

³⁸ Коллонтай А.М. Кому нужна война? Пг.: Прибой, 1917. С. 14.

³⁹ Там же. С. 24.

⁴⁰ Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. М., 1918.

⁴¹ Сокольников Г.Я. Брестский мир. М., 1920. С. 16.

все вопросы относительно торговли и судоходства, а также ввести приемлемые для обеих сторон торговые пошлины⁴².

Заключение

В российской пропаганде и общественно-политическом дискурсе 1917–1918 гг. уделено незначительное внимание Болгарии, поскольку авторы вели дискуссии на более актуальные для страны темы. Тем не менее можно выделить некоторые тенденции изменений в отношении к Болгарии в России и их презентации в российском общественно-политическом дискурсе. Дискредитация консервативных сил, запрет монархических и большинства правых газет, развитие революционного процесса способствовали продвижению точки зрения либеральных и левых публицистов. Правительство прекратило формировать негативный образ Болгарии: газеты практически не писали о тяжелых условиях жизни на оккупированных болгарами территориях и жестокости подавления восстаний, а также о негативном отношении болгар к России. Издания либерального толка акцентировали внимание на ослаблении болгарского боевого духа и увеличении количества пленных и дезертиров в болгарской армии. Выражалась надежда на демократическую революцию в Болгарии и даже ее возможный переход на сторону Антанты. После Октябрьской революции Болгария исчезла из поля зрения российских газет. Большевики и меньшевики рассматривали Болгарию как страну, в которой может произойти социалистическая революция. При заключении Брестского мира Болгария не была в центре внимания большевистского правительства, поскольку она не претендовала на территории бывшей Российской империи и не проявляла активности на переговорах.

Литература

Голубев, Поршнева 2011 – *Голубев А.В., Поршнев О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.

Иванов, Репников 2014 – *Иванов А.А., Репников А.В.* «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 197–218.

⁴² Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. С. 137.

Кирьянов 2001 – *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России: 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 472 с.

Макаров 2024 – *Макаров Д.К.* Образ Болгарии в российском консервативном общественно-политическом дискурсе в годы Первой мировой войны // Свободная мысль. 2024. № 4 (1706). С. 173–180.

Поршнева 2014 – *Поршнева О.С.* Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (142). С. 43–52.

Рыбачёнок 2017 – *Рыбачёнок И.С.* Визиты Николая II и Феликса Фора (1896–1897 гг.) на страницах газеты «Новое время» // Россия и Франция XVIII–XX вв. М.: Весь мир, 2017. Вып. 12. С. 81–121.

Сенявская 2006 – *Сенявская Е.А.* Противники России в войнах XX века. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Шкундин 2007 – *Шкундин Г.Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София: М. Дринов, 2007. 182 с.

References

Golubev, A.V. and Porshneva, O.S. (2011), *Obraz soyuznika v soznanii rossiiskogo obshchestva v kontekste mirovykh voin* [The image of an ally in the consciousness of Russian society in the context of world wars], Novyi khronograf, Moscow, Russia.

Ivanov, A.A. and Repnikov, A.V. (20140, “‘Bulgarian treason’. The Russian Right on Bulgaria’s entry into World War I on the side of the Central Powers”, *Noveishaya istoriya Rossii*, vol. 11, no. 3, pp. 197–218.

Kir’yanov, Yu.I. (2001), *Pravye partii v Rossii: 1911–1917* [Right parties in Russia. 1911–1917], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Makarov, D.K. (2024), “The image of Bulgaria in the Russian conservative socio-political discourse during the World War I”, *Svobodnaya mysl'*, vol. 1706, no. 4, pp. 173–180.

Porshneva, O.S. (2014), “Evolution of ideas about allies in the mass consciousness of revolutionary Russia in 1917”, *Ural'skii istoricheskii vestnik*, vol. 142, no. 1, pp. 43–52.

Rybachyonok, I.S. (2017), “Visits of Nicholas II and Felix Faure (1896–1897) on the pages of the newspaper ‘New Time’”, in *Rossiya i Frantsiya XVIII–XX vv.* [Russia and France in the 18th – 20th centuries], Ves’ mir, Moscow, Russia, iss. 12, pp. 81–121.

Senyavskaya, E.A. (2006), *Protivniki Rossii v voinakh XX veka* [Russia’s enemies in the wars of the 20th century], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Shkundin, G.D. (2007), *Razdelyai i vlastvui! Vopros o separatnom mire s Bolgariet v politike derzhav Antanty (oktyabr' 1915 – mart 1916 g.)* [Divide and rule! The question of a separate peace with Bulgaria in the policy of the Entente powers (October 1915 – March 1916)], M. Drinov, Sofia, Bulgaria.

Информация об авторе

Дмитрий К. Макаров, аспирант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; dmakarov3107@gmail.com

ORCID ID: 0009-0002-5429-0296

Information about the author

Dmitrii K. Makarov, postgraduate student, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; 19, Mira St., Ekaterinburg, Russia, 620002; dmakarov3107@gmail.com

ORCID ID: 0009-0002-5429-0296

Влияние научного метода Дж. Дьюи на формирование метода исторических исследований китайских историков первой четверти XX в. на примере Ху Ши и Гу Цзегана

Сильвия Г. Петрова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, petrova.silvja@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка установить обстоятельства опосредованного заимствования «научного метода» американского философа Дж. Дьюи китайским историком Гу Цзеганом. Ознакомившись с «методом» в изложении китайского ученого Ху Ши, который был учеником Дж. Дьюи, Гу Цзеган посчитал метод подходящим для применения в исторических исследованиях и заложил его в основу собственной гипотезы и подхода. Теория культурного трансфера М. Эспана представляет теоретико-методологическую основу данного исследования. Анализ оригинального метода и обстоятельств его создания указывает на предполагаемое самим Дьюи универсальное применение данного метода, не ограниченное рамками научных изысканий. При наличии прямой отсылки Ху Ши на «научный метод» его собственное изложение на китайском языке не тождественно оригиналу, что можно сказать и об изложении Гу Цзеганом, который ссылается исключительно на китайского ученого. В заключении статьи сформулирован вывод о наличии косвенного влияния «научного метода» на исторические исследования в республиканском Китае, а использование ссылок на концепции западных и более известных коллег скорее несло цель авторитетного подкрепления учеными своих собственных подходов.

Ключевые слова: методология, научный метод, Гу Цзеган, историография Китая, Ху Ши, Дж. Дьюи, культурный трансфер

Для цитирования: Петрова С.Г. Влияние научного метода Дж. Дьюи на формирование метода исторических исследований китайских историков первой четверти XX в. на примере Ху Ши и Гу Цзегана // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 35–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-35-47

J. Dewey's scientific method influence
on Chinese historians' research method
in the early 20th century
(Hu Shi and Gu Jiegang as an example)

Sylvia G. Petrova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
petrova.silvja@yandex.ru*

Abstract. The article attempts to clarify the circumstances under which the “scientific method” invented by the American philosopher John Dewey was indirectly borrowed by the Chinese historian Gu Jiegang. Realizing what stands behind the “method” as presented by the Chinese scholar Hu Shi, who was a student of John Dewey, Gu Jiegang considered it suitable to be applied in the historical researches and incorporated into the foundation of his own hypothesis and approach. Michel Espagne's theory of cultural transfer serves as the theoretical and methodological framework of the study. An analysis of the original method and the circumstances of its creation suggests Dewey's own assumption of its universal applicability, not limited to scientific research. With Hu Shi's direct references to the “scientific method,” his own presentation in Chinese is not identical to the original – a similar observation applies to Gu Jiegang's interpretation, who refers exclusively to the Chinese scholar's. In conclusion, the article argues that the “scientific method” had an indirect influence on historical research in Republican China. Moreover, use of references to the concepts of Western and more famous colleagues was rather intended to provide scientists with reputable support for their own approaches.

Keywords: methodology, scientific method, Gu Jiegang, historiography of China, Hu Shi, J. Dewey, cultural transfer

For citation: Petrova, S.G. (2025), “J. Dewey's scientific method influence on Chinese historians' research method in the early 20th century (Hu Shi and Gu Jiegang as an example)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 35–47, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-35-47

Введение

Джон Дьюи (1859–1952) – видный американский философ, педагог и последователь философского направления прагматизма. Дьюи уделял пристальное внимание рассудительности, нежели простому накоплению фактов, что выражалось в его поисках наилучшего системного подхода к формированию правильных суждений

и принятию решений той или иной проблемы. Так и появился его знаменитый «научный метод» (scientific method), ставший наиболее эффективным инструментом интеллектуального приближения к истине¹. На данный метод активно опирался ученик Дж. Дьюи, китайский научный деятель Ху Ши 胡適 (1891–1962), который не только перевел суть метода на китайский язык, но и применил его в своих исследованиях эволюции сюжета романа «Речные заводи» («Шуй ху чжуань» 《水浒传》). В свою очередь метод, изложенный Ху Ши, лег в основу метода выявления фальсификаций в исторических источниках видного китайского историка Гу Цзегана 顧頡剛 (1893–1980). Однако можно ли говорить о прямом заимствовании метода, который прошел через транскультурное и междисциплинарное преобразование?

Согласно вышесказанному, цель статьи – выявление обстоятельств адаптации научного метода Дж. Дьюи его учеником и последующая опосредованная его трансформация в метод исторических исследований Гу Цзегана. В качестве теоретической основы автор использует теорию культурного трансфера М. Эспаня [Эспань 2018]. Хотя вопросу заимствования Ху Ши идеей Дж. Дьюи посвящен ряд работ [Киселев 2007; Лю Хуачу 2015; Ян Сюй 2017], историография вопроса влияния Дж. Дьюи на Гу Цзегана не разработана.

Новизна проведенного исследования обусловлена установлением факта непрямого влияния «научного метода» Дьюи на китайскую историографию через адаптацию Ху Ши. В статье освещен процесс преобразования Гу Цзеганом метода Ху Ши и его применение не как строгой эпистемологии, а как инструмент легитимации собственного подхода. Также обосновано, что ссылки на западные теории служили стратегией авторизации, а не прямым заимствованием.

Понятие научного метода Дж. Дьюи

Джон Дьюи родился в обычной американской семье в г. Вермонте в 1859 г. В 1879 г. окончил Вермонтский университет, а 1884 г. получил степень доктора философии в Университете Джона Хопкинса. Последующие 10 лет работал профессором философии в Мичиганском университете. В период с 1894 по 1904 г. возглавлял факультеты философии, психологии и педагогики в Чикагском университете. При Чикагском университете в 1896 г.

¹ Dewey J. How we think. Boston: D.C. Heath and Co., 1910. P. 72.

основал экспериментальную начальную школу, которая стала лабораторией применения его образовательных теорий. С 1904 по 1930 г. Дьюи работал в Колумбийском университете в Нью-Йорке на факультете философии.

Именно в Колумбийском университете в 1915 г. он стал учителем и наставником для целого ряда будущих китайских интеллектуалов и философов, включая Ху Ши, которые учились в Колумбийском университете по стипендии Боксерской контрибуции².

В 1910 г. в небольшой книге под названием «Как мы мыслим» («How We Think»), основанной на опыте работы Дьюи в лабораторной школе в Чикаго, был подведен итог двадцатилетних педагогических исследований ученого. Книга представляет собой пособие для учителей, которое Дьюи назвал «адаптацией pragматической логики к методу обучения». В шестой главе книги автором изложен «законченный акт мысли» (complete act of thought) – краткий список последовательных шагов мыслительной деятельности для формирования гипотез и принятия решений возникших проблем. При этом в контексте оригинальной работы данный алгоритм рассчитан на решение любой проблемы, с которой сталкивается человек, а не исключительно в применении к научному исследованию³.

Подход состоит из пяти отдельных этапов: 1) ощущаемая проблема или затруднение, с которыми сталкивается человек; 2) расположение и определение данной проблемы; 3) предложение возможного решения; 4) развитие на основе аргументации в пользу выдвинутого предложения; 5) дальнейшее наблюдение и эксперимент, ведущие к его принятию или отклонению, т. е. к выводу о вере или неверии⁴.

Вышеизложенная схема мыслительного процесса выглядит весьма универсальной. Подкрепляют вероятность изначальной идеи универсальности подхода Дж. Дьюи приведенные им бытовые примеры проблем и их решений, а также сопровождение каждого этапа обширным пояснением. Он проиллюстрировал этот процесс тремя повседневными примерами. В первом примере приводится ситуация, где мужчина оказывается в центре города и у него всего сорок минут, чтобы добраться до назначенного места встречи. Он

² Стипендия Боксерской контрибуции (庚子賠款獎學金) – стипендиальная программа, финансируемая за счет Боксерской контрибуции, выплаченной Китаем США, покрывающая обучение китайских студентов в американских вузах.

³ Dewey J. Op. cit. P. 72.

⁴ Ibid. P. 72–73.

рассматривает различные доступные варианты транспорта и приходит к выводу, что метро – лучший выбор. Ближе всего к научной сфере находится третий пример, где описывается, как человек в процессе мытья стакана задается вопросом, почему пузырьки, образовавшиеся на внешней стороне обода, втягиваются внутрь, когда стакан кладут на тарелку каемкой вниз. Для каждой из этих задач Дьюи с помощью пятиэтапного подхода предоставил подробный анализ мыслительного процесса, показав, как в конечном итоге разрешилась проблемная ситуация.

Помимо сказанного, в исследуемой работе «научному методу» отведена отдельная глава, где он противопоставляется Дж. Дьюи «эмпирическому методу»: «Научный метод заменяет повторяющееся соединение или совпадение отдельных фактов открытием единого всеобъемлющего факта, осуществляя эту замену путем разбиения крупных или грубых фактов наблюдения на ряд более мелких процессов, недоступных непосредственному восприятию»⁵ На примере подъема воды из цистерны при работе обычного насоса Дьюи расписывает ход мышления непрофессионала – развитие эмпирического метода, и ученого – использование научного метода.

Историк образования Джон Рудольф в своей статье «Эпистемология для масс: истоки “научного метода” в американских школах» [Rudolph 2005] объясняет устоявшуюся путаницу, приведшую к созданию массового представления о пяти этапах законченного акта мышления как «научном методе» Дьюи, следующим образом: «Учитывая тесную связь между научным методом и рефлексивным мышлением, неоднократно демонстрируемую Дьюи, неудивительно, что читатели непреднамеренно рассматривали его пять шагов (то, что на самом деле было обобщенной абстракцией научного процесса) как сам научный метод» [Rudolph 2005, p. 368].

В рамках истории науки Генри Коулз [Cowles 2020] объясняет трансформацию поэтапного процесса размышления в концепцию научного метода следующим образом: «Мы должны рассматривать его публикацию не как начало истории, а как ее конец, тогда обнаружим не непрерывную генеалогию стремления к единственному истинному методу, а скорее серию методологических моментов, каждый из которых населен своими собственными героями и оживляется новыми, часто расходящимися проблемами. В столетие, предшествовавшее книге “Как мы думаем”, наука стала казаться чем-то естественным и адаптивным, органической способностью развивающегося разума. Осмысление “научного метода” означает понимание не только того, что один историк назвал “методическим

⁵ Ibid. P. 150.

дискурсом”, но и того, как действовали методологические идеи, когда методы не были явной темой обсуждения. Методология может быть как очевидной, так и скрытой, колеблющейся между публичными утверждениями о мире природы и частным самоанализом мыслительного процесса» [Cowles 2020, р. 8].

Восприятие Ху Ши

Ху Ши был одной из ключевых фигур первой половины XX в. не только как выдающийся ученый, но и как один из важнейших представителей раннего китайского либерализма. Он был одним из лидеров «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая» 1919 г., в рамках которых продвигал идеи демократических прав, свобод и индивидуализма, выступал за проведение языковой реформы [Петрова 2021, с. 145].

Будучи выходцем из семьи чиновника и торговца чаем, Ху Ши получил девять лет традиционного китайского образования. В 1904 г. поступил в школу нового типа (по европейской модели образования) в Шанхае. В 1910 г. Ху Ши отправился в США по стипендии Боксерской контрибуции. Изначально он изучал сельское хозяйство в Корнельском университете, но затем в 1915 г. поступил в Колумбийский университет, где и стал учеником Джона Дьюи. Под его руководством в период с сентября 1915 г. по апрель 1917 г. Ху Ши писал диссертацию о развитии логики в Китае.

Ху Ши стал переводчиком Дж. Дьюи в Китае, куда американский ученый приехал по приглашению своих китайских студентов читать лекции. Дьюи прибыл в Китай 1 мая 1919 г., за несколько дней до начала движения Четвертого мая, которое пробудило его интерес и заставило продлить пребывание до июля 1921 г. [Ху Ши 2013, р. 279]. В Китае Дж. Дьюи пробыл дольше, чем во всех остальных странах, где он навещал своих учеников. В течение своего визита он написал более 40 эссе о Китае, читал лекции по социальной и политической философии, философии образования, философии этики и знакомил слушателей с основными тенденциями современного западного образования. Ху Ши сопровождал своего учителя по всему Китаю и параллельно также читал лекции по прагматизму. По мнению Ху Ши, главная задача прагматизма заключается в поиске различных инструментов, которые позволят понять смысл различных идей [Ху Ши 2013, р. 280]. Он рассматривал научный метод Дж. Дьюи как общий метод мышления, полагая, что с помощью науки можно найти пути решения мировоззренческих и политических проблем Китая.

Во время прощальной речи перед отъездом Дж. Дьюи из Китая Ху Ши поднял тему прагматизма и научного метода Дж. Дьюи, объяснив его так, как сам понимал: «Он (Дьюи) лишь дал нам философский метод, который мы можем использовать для решения наших собственных проблем. Общее название его философского метода – «экспериментализм»» (*шиянъчжу-и* 实验主义)» [Ху Ши 2013, р. 280].

И тут возникает сильная путаница. Стоит в первую очередь обратить внимание, что при переводе Ху Ши не искал замещающие, уже существующие понятия на китайском языке, а использовал термины некитайского происхождения. В результате перевод понятия «прагматизм» у Ху Ши имеет тот же перевод на китайский, что и «экспериментализм» (*шиянъчжу-и* 实验主义) (дословно можно перевести «идея чжу-и 主义 (-изм) эксперимента»), что также использовалось для обозначения метода. От них же практически не отличается и перевод эмпиризма (*шиянъ пай* 实验派) (дословно «направление/научная школа эксперимента») и т. д. При этом эмпиризм означает «чувственное познание», а понятие «экспериментализм» или же «инструментализм» напрямую связано с философией Дж. Дьюи, согласно которой ценность любой идеи и любого предмета измеряется их применимостью в качестве инструмента действия. Равным образом истинность той или иной идеи оценивается степенью продемонстрированной полезности⁶. Как мы можем увидеть, переводы, предложенные Ху Ши, нечетко разграничивают данные понятия.

В конце концов метод Дьюи, на который ссылается Ху Ши, состоит из двух этапов. Первый – «исторический метод» (*лиши дэ фанфа* 歷史的方法), или «метод предков и потомков» (*Цзусунь дэ фанфа* «祖孫的方法»). По словам Ху Ши, американский философ никогда не принимал системы или учения как нечто обособленное, но всегда рассматривал их как центральную часть, на прямой, один конец которой – причины появления системы или доктрины, а другой – последствия их возникновения. Наверху от центральной части – предшественники, а снизу – потомки.

Второй этап – «экспериментальный метод» (*шиянъ дэ фанфа* «实验的方法»). Данный этап основного метода состоит из следующих положений: 1) исходит из конкретных фактов и положений; 2) все доктрины и идеалы, а также все знания – всего лишь гипотезы, которые необходимо доказать, а отнюдь не истина; 3) все теории и идеалы должны быть проверены практикой.

⁶ Lachs J., Talisse R.B. Amerikanische Philosophie: Eine Enzyklopädie. Oxon: Routledge, 2008. P. 402.

Получается, что «научный метод» в интерпретации Ху Ши, заключается в переходе от рассмотрения «научных законов» как абсолютных истин, к пониманию их как полезных гипотез, пересматриваемых в свете нового опыта, что является основой метода, а эксперимент выступает единственным критерием истины. Ху Ши разъясняет цель прагматизма как «поиск метода для приведения всех наших взглядов к полной ясности» [Ху Ши 2013, р. 312]. Это можно интерпретировать и как цель «научного метода» – получить решение проблемы.

Помимо идей Дьюи, китайский философ выделяет теорию эволюции Ч. Дарвина, согласно которой виды эволюционируют в результате адаптации к окружающей среде. Истина – всего лишь инструмент для работы с окружающей средой. Как только среда изменится, истина изменится соответственно [Ху Ши 2013, р. 310]. Ху Ши утверждает, что прагматическое применение дарвиновского эволюционизма к философии породило «генетический метод», который для познания того или иного явления изучает причины и обстоятельства его появления и развития.

По-своему Ху Ши пытался реализовать научный метод американского философа как интеллектуальную практику, чтобы преобразовать свой собственный опыт и свою страну, которая в начале XX в. переживала сильные общественно-политические потрясения.

В итоге научный метод Дьюи, в синтезе с эволюционной концепцией, превратился в собственную идею эволюционизма Ху Ши. Так можно ли говорить о случившемся интеллектуальном трансфере или же мы видим неправильное восприятие полученных знаний из-за разницы культур? Или это продвижение собственных идей Ху Ши, транслируемых под авторитетом Дж. Дьюи?

Этот вопрос можно отнести к феномену рецепции, который включает в себя контакт и взаимодействие двух культурных систем. Получатель (например, Ху Ши), который в то же время играет роль посредника, привносит в свою культуру чужеродный тренд (тот же научный метод), который часто фальсифицируется через процесс аксиологического транскодирования посредника в метатекст, как полемическую стратегию опровержения существующих норм в его собственной традиции. В этом случае получатель отклоняется не от «оригинального» инородного сообщения, отправленного, скажем, Дьюи, а от его природного культурного наследия, его соперничающих современников или распространенной формы научного познания того времени и культуры. Однако Ху Ши вполне мог объяснить на китайском идеи Дж. Дьюи, учитывая его интегрированность в ту же американскую культуру. Значит ли это, что, скорее всего,

пользуясь авторитетом Дж. Дьюи, Ху Ши продвигает собственные концепции, применимые к китайской действительности?

Тут стоит обратиться к теории культурного трансфера М. Эспаня, согласно которой Ху Ши, комбинируя философию Дьюи с полезными элементами внутри китайской традиции, искал способ вывести китайское общество из упадка, т. е. он создал «переводную современность», представляющую собой особо функционирующий в рамках культуры слой знания, который резко контрастирует с традиционной парадигмой, но при этом уже не являющийся изначальной версией знания, становясь в инокультурной среде автономной по отношению к собственному источнику [Эспань 2018, с. 68].

Отражение научного метода в исторических исследованиях Гу Цзегана

Гу Цзеган был известным китайским историком, прославившимся своим скептическим подходом к историческим источникам. В основу развития его исследований, по словам самого Гу Цзегана, лег метод Ху Ши. При этом историк не упоминает Дж. Дьюи.

Гу Цзеган родился в городе Сучжоу в семье потомственных конфуцианских ученых. Его с раннего детства обучали конфуцианским канонам⁷. В возрасте пяти лет Гу Цзеган приступил к обучению в частной школе, а в 1913 г. поступил на подготовительные курсы Пекинского университета, в свободное время активно посещал театр⁸.

Историк в своей автобиографии утверждает, что с детства, еще до знакомства с Ху Ши, скептически относился к легендам, но смог, благодаря театру, ими проникнуться⁹. В результате он вывел структуру повествования, узнал, что в их основе лежат исторические сюжеты. Гу Цзеган стал изучать эволюцию сюжета от исторического повествования к художественному произведению и к театральной постановке, а также учитывал различия между разными постановками, приходя к выводу о том, что установить первоисточник уже невозможно. Причины изменения сказаний и исторических событий Гу Цзеган объяснял стремлением авторов пьес создать накаленный сюжет и счастливый конец, т. е. историческое событие подстраи-

⁷ 顧頡剛. 古史辨自序. 石家莊: 河北教育出版社, 2000. 頁 29 – 30 [Гу Цзеган. Предисловие к Спору о древней истории. Шицзячжуан: Хэбэй цзяоху чубаньшэ, 2000. С. 29–30].

⁸ Ibid. P. 36.

⁹ Ibid. P. 36–37.

вается под художественное клише и чувства его рассказчика, его желания захватить публику¹⁰.

В 1916 г. Гу Цзеган поступил на первый курс философского факультета Пекинского университета, а с осени 1917 г. ему начал преподавать философию только что вернувшийся из США Ху Ши. Тесное сотрудничество между ними началось с 1920 г., когда Гу Цзеган закончил учебу и работал в университетской библиотеке. Ху Ши стал учителем Гу Цзегана, помогая ему материально. Историк в свою очередь помогал Ху Ши в подборе литературы и источников для исследований [Петрова 2021, с. 146].

Осенью 1920 г. выходит работа Ху Ши по роману «Речные заводи» («*Шуй ху чжуань*» 《水浒传》), в которой он рассматривает историю возникновения сюжета и его дальнейшую эволюцию. Всю историю произведения Ху Ши иллюстрирует послойно, начиная с первоисточника и заканчивая последними версиями романа, которые сильно отличаются от исходного сюжета¹¹. По мнению Гу Цзегана, именно в установлении факторов возникновения и обстоятельств развития заключается исторический метод (*лиши дэ фанфа* 歷史的方法) Ху Ши, который известен и как «метод предков и потомков» («*Цзусунь дэ фанфа*» 《祖孫的方法》), а также как «генетический метод» (*лиши сюнду* 历史態度)¹². Разбирая интерпретацию научного метода в версии Ху Ши, уже упоминалось, что «генетический метод» был сформулирован Ху Ши, опираясь на теорию эволюции Ч. Дарвина. Однако Гу Цзеган ссылается только на китайского ученого, заключая, что метод Ху Ши можно применить и в исторических исследованиях, особенно по отношению к сведениям о древнем периоде китайской истории¹³, дополнив метод установлением в письменных источниках инварианта исторического факта и расхождений сведений о нем¹⁴.

Получившийся метод состоял из трех фаз, исследованию подвергались те исторические факты, что уже расценивались историком как «сомнительные». Трехфазный метод выглядел следующим образом: 1) выявление сомнительных исторических фактов, а также установление истоков их происхождения и все их изменения в более поздних текстах; 2) проведение сравнительного исследования каждого сомнительного «факта»; 3) выявление общих моделей фальсификаций¹⁵.

¹⁰ Ibid. P. 38–39.

¹¹ Ibid. P. 35.

¹² Ibid. P. 30.

¹³ Ibid. P. 36–37.

¹⁴ Ibid. P. 53.

¹⁵ Ibid. P. 56–57.

Сначала Гу Цзеган осуществлял сбор материала для исследований, который записывал в тетрадях под названием «исследование фальсификации истории» («*Вэйши као*» «*偽史考*»)¹⁶. Каждый из трех этапов исследований проводился историком в трех отдельных записных книгах:

1. «Истоки фальсифицированных историй» («*Вэйши юань*» «*偽史源*»).
2. «Сравнительное исследование фальсификаций» («*Вэйши дуй цзюй*» «*偽史對贊*»).
3. «Принципы, лежащие в основе ложных историй» («*Вэйши ли*» «*偽史例*») [Петрова 2021, с. 146–147].

Заключение

В методе Гу Цзегана явно прослеживается заимствование метода Ху Ши и его принцип «исторического метода», с выстраиванием эволюции историографических и исторических текстов. Если же пытаться провести линию к Дьюи, то прямых указаний на заимствование нет. Можем все же предположить, что научный метод как отрефлексированная схема любого размышления, даже в изложении Ху Ши, позволила сформировать у историка критическое мышление, которое и легло в основу его критических исследований исторических источников и фактов об истории.

Как мы видим, Ху Ши спроектировал европейскую научную методологию на политическую философию и литературоведение, взяв в качестве ее универсальной основы научный метод Дьюи, а Гу Цзеган применил сформулированный Ху Ши метод к существующей китайской традиции комментирования и историописания.

Литература

Киселев 2007 – Киселев В.А. Историко-философская концепция китайского философа-прагматика Ху Ши (1891–1962): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., Российский ун-т дружбы народов (РУДН), 2007. 23 с.

Петрова 2021 – Петрова С.Г. «Послойное создание древней истории Китая»: метод и гипотеза Гу Цзегана // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 6. С. 144–156.

Эспань 2018 – Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.

¹⁶ Ibid. P. 62.

Cowles 2020 – Cowles H. The scientific method: An evolution of thinking from Darwin to Dewey. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020. 384 p.

Rudolph 2005 – *Rudolph J.L.* Epistemology for the masses: The origins of “the scientific method” in American schools // *History of Education: Quarterly*. 2005. Vol. 45. No. 3. P. 341–376.

Лю Хуачу 2015 – 刘华初. 透过胡适对杜威实用主义的解读看中西文化差异 // 学术研究. 2015. 10期. 14 – 18頁 [Лю Хуачу. Рассмотрение различий между китайской и западной культурами через интерпретацию Ху Ши pragmatизма Дьюи // Академические исследования. 2015. № 10. С. 14–18].

Xu Shi 2013 – 胡適. 胡適文集 (第2冊). 北京大學出版社, 2013. 頁518. [Ху Ши. Собрание сочинений. Т. 2. Пекин: Издательство Пекинского ун-та, 2013. 518 с.]

Ян Сюй 2017 – 杨旭. 杜威来中国原因及相关问题考略 // 当代教育科学. 2017. 11期. 33 – 38頁 [Ян Сюй. Краткое исследование причин приезда Дьюи в Китай и связанных с этим вопросов // Современная педагогическая наука. 2017. № 11. С. 33–38].

References

Cowles, H. (2020), *The scientific method: An evolution of thinking from Darwin to Dewey*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.

胡適. 胡適文集 (第2冊). 北京大學出版社, 2013. 頁518 [Hu, S. (2013), *Collected Works*, vol. 2, Beijing daxue chubanshe, Beijing, PRC].

刘华初. 透过胡适对杜威实用主义的解读看中西文化差异 // 学术研究. 2015. 10期. 14 – 18頁 [Liu, H. (2015), “A look into the differences between Chinese and Western cultures through Hu Shi’s interpretation of John Dewey’s pragmatism”, *Academic Research*, vol. 10, pp. 14–18].

Rudolph, J.L. (2005), “Epistemology for the masses: The origins of ‘the scientific method’ in American schools”, *History of Education: Quarterly*, vol. 45, no. 3. pp. 341–376.

杨旭. 杜威来中国原因及相关问题考略 // 当代教育科学. 2017. 11期. 33 – 38頁 [Yang, X. (2017), “A brief study on the reasons why Dewey came to China and related issues”, *Contemporary Education Sciences*, vol. 11, pp. 33–18].

Espagne, M. (2018), *Istoriya tsivilizatsii kak kul'turnyi transfer* [History of civilizations as a cultural transfer], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Kiselev, V.A. (2007), *Istoriko-filosofskaya kontseptsiya kitaiskogo filosofa-pragmatika Khu Shi (1891–1962)* [Historical-philosophical concept of the Chinese philosopher-pragmatist Ha Shih (1891–1962), Abstract of Ph.D. dissertation (Philosophy), Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), Moscow, Russia].

Petrova, S.G. (2021) “‘Layer-by-layer construction of the ancient history of China’: Gu Jiegang’s method and hypothesis”, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 163, no. 6, pp. 144–156.

Информация об авторе

Сильвия Г. Петрова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047 Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; petrova.silvja@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6901-7420

Information about the author

Sylvia G. Petrova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; petrova.silvja@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6901-7420

УДК 321

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-48-69

Консервативно-либеральная терминология и легализм в трудах российских и зарубежных исследователей во второй половине XIX–XX в.

Данил В. Рыбин

Санкт-Петербургский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия,

daniilarybin@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема, активно обсуждаемая в науке последние 100 лет. На рубеже XIX и XX вв. существовала группа «людей правового порядка» (легалисты), состоявшая преимущественно из юристов. Они являлись частью консервативно-либерального движения в поздней империи. Современники имели представление о консервативных либералах и их разновидностях, хотя специально их деятельность не изучалась. В начале XX в. бытовало множество терминов, обозначавших правых либералов: «либерал-консерваторы», «консервативные либералы», «люди правового порядка», «центр», «прогрессисты» и пр. После 1917 г. история легализма постепенно стиралась из памяти русских эмигрантов и зарубежных исследователей. Как следствие, ученые сужали поле либерализма, выбрасывая из него те или иные группы. Только в 1980-е гг. зарубежные исследователи приступили к систематическому изучению консервативного либерализма. Усложнение политической картины России сразу же дало свои плоды, так как лучше стали видны оттенки массовых общественных движений. Впрочем, в то время ученые только создали основу для будущих новых исследований, которые помогли бы лучше раскрыть историю либерализма в России.

Ключевые слова: ответственное министерство, А.Ф. Кони, Б.Н. Чичерин, М.М. Ковалевский, легалисты, консервативный либерализм, либеральный консерватизм, Государственная дума, прогрессивный блок, прогрессисты

Для цитирования: Рыбин Д.В. Консервативно-либеральная терминология и легализм в трудах российских и зарубежных исследователей во второй половине XIX–XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 48–69. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-48-69

© Рыбин Д.В., 2025

Conservative-liberal terminology and legalism in the works of Russian and foreign researchers in the second half of the 19th – 20th centuries

Danil V. Rybin

*St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russia, danilarybin@rambler.ru*

Abstract. The article considers an issue that has been actively discussed in science for the past 100 years. At the turn of the 19th and 20th centuries, there was a group of “people of the legal order” (legalists), consisting mainly of lawyers. They were part of the conservative-liberal movement in the late empire. Contemporaries had some idea of conservative liberals and their varieties, although their activities were not specifically studied. At the beginning of the 20th century, there were many terms denoting right-wing liberals: liberal conservatives, conservative liberals, “people of the legal order”, “center”, progressives, etc. After 1917, the history of legalism was gradually being erased from the memory of Russian emigrants and foreign researchers. As a result, researchers narrowed the field of liberalism, throwing out from it certain groups. Only in the 1980s, did foreign scientists begin a systematic study of conservative liberalism.

The political picture of Russia, getting more complicated with time, quickly resulted in the shades of mass social movements becoming more visible. Nevertheless, at that time, it was only the foundation built by the scholars for future research that would help to better discover the history of liberalism in Russia.

Keywords: responsible ministry, A.F. Koni, B.N. Chicherin, M.M. Kovalevsky, legalists, conservative liberalism, liberal conservatism, State Duma, progressive bloc, progressives

For citation: Rybin, D.V. 92025), “Conservative-liberal terminology and legalism in the works of Russian and foreign researchers in the second half of the 19th – 20th centuries”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 48–69, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-48-69

Введение

Почти 60 лет до 1917 г. в Российской империи существовало легалистское движение, «люди правового порядка» – как они себя называли. Это было не масштабное, но заметное и самостоятельное консервативно-либеральное общественно-политическое движение, чья идеология основывалась на теории охранительного

либерализма Б.Н. Чичерина. О существовании легалистов знали государственные деятели, политики, журналисты, о них говорили и писали, но почти сразу после 1917 г. это движение было предано забвению. Исчезло, как будто никогда и не было. Советская историография ничего о них «не знала», современная об этом явлении молчит. С нашей точки зрения этот пробел в научных знаниях необходимо заполнить и устраниить. В данном исследовании мы раскрываем историю российской и зарубежной историографии легализма XX в., а также рассматриваем первые терминологические споры, связанные с консервативным либерализмом в России.

В последние 50 лет вышел ряд историографических работ по истории либерализма. Чрезвычайно важными и полезными являются труды А.Н. Егорова. В числе прочего он очень подробно охватил период XX в., когда формировалась историография российского либерализма [Егоров 2007а; Егоров 2007б; Егоров 2009; Егоров 2010]. Егоров сформулировал основные дискуссии по истории либерализма в XX в., подробно их проанализировал. Много времени он посвятил, в частности, российской историографии либерализма XX в. Подробный анализ англо-американской историографии либерализма был проведен в специальном обзоре Шевырина [Российский либерализм 1988]. Историографические очерки содержатся в трудах многих историков. В том числе В.В. Шелохова [Шелохов 1991], С.С. Секиринского [Секиринский 1995], К.Ф. Шацилло [Шацилло 1985], Ф.А. Гайда [Гайда 2003], А.В. Репникова [Репников 2014], А.Ю. Минакова [Минаков 2020], А.С. Сенина [Сенин 2009], К.А. Соловьева [Соловьев 2024], Д.Б. Павлова [Павлов 2000].

Также мы не рассматриваем ряд исследователей, которые посвятили свои работы либеральным юристам, но включали их лишь в общий контекст освободительного движения (Б.Б. Веселовский и др.).

Проблемы терминологии либерализма в Российской империи

Одним из первых ученых, заявивших о существовании «государственников с либеральными мерами», был Б.Н. Чичерин. Он же сформулировал термин «охранительный либерализм», практически являющийся синонимом термина «консервативный либерализм» [Рыбин 2023, с. 307; Рыбин 2024, с. 1749]. Идея охранительного либерализма встретила горячую поддержку в бюрократии империи и пользовалась популярностью десятки лет. При

этом ученый и чиновники вкладывали в это понятие разное значение. Свое определение умеренным либералам дал молодой юрист В.Д. Спасович. Так, в 1862 г. он, спасаясь из бунтующей Польши, писал: «Я с каждым днем убеждаюсь, что я хорошо сделал, не оставаясь в Варшаве, – людям умеренных убеждений, идущих средним путем, нет мира в Варшаве, можно быть раздавленным и сверху, и снизу»¹.

В 1870-х гг. количество самоназваний либеральных групп росло. А.Д. Градовский взялся за разъяснение терминов. Ему удалось развенчать предвзятое представление о терминах «консерватор», «либерал» и «прогрессист». Но свои определения он не дал. Так или иначе в его представлении прогрессист мог быть консерватором или либералом. Причем как консерватор, так и либерал в представлении Градовского занимались прогрессом, но каждый по-своему. Такой подход к терминам позволял смешивать консерватизм с либерализмом в разных комбинациях [Рыбин 2024, с. 1755].

С 1880 г. возник и быстро приобрел популярность термин «порядок». Первоначальное название газеты Стасюлевича, выпавшей в 1881 г., было «Правовой порядок», и только под воздействием цензуры она стала называться «Порядок»². Повсюду в письмах и разговорах юристы империи стали называть себя «люди «правового порядка», ассоциируя свое мировоззрение с охранительным либерализмом Б.Н. Чичерина. Примером такого отождествления являются слова А.Ф. Кони о старейшине либерализма – А.А. Сабурове: «Эта деятельность либеральная, по отзывам недоброжелателей, и в сущности консервативная по отношению к охранению целости того, что было великодушно возвещено и дано обществу <о реформах Александра II>»³. Тот же Кони в своем письме к императору 20 декабря 1905 г. переживал о плохом развитии ситуации в стране. В нем он неоднократно упоминал о «друзьях порядка». В конце концов говорил, что в душах «людей правового порядка» зреет горькое сомнение, хочет ли император осуществить реформы на самом деле?⁴

О легалистских группах хорошо знал С.Ю. Витте, вел с ними переговоры о создании ответственного министерства. Так, в ме-

¹ РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1354. Л. 3–4.

² Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М.: Юридическая литература, 1969. С. 225.

³ РО РГБ. Ф. 667. Оп. 7. Д. 20. Л. 7.

⁴ Кони А.Ф. Политико-правовые исследования. СПб.: Всероссийский государственный ун-т юстиции, 2023. С. 59, 60 (Неизвестные труды Анатолия Федоровича Кони; вып. 3).

мории императору 19 ноября 1905 г. он писал о необходимости поддержки со стороны «многочисленных либеральных, но вполне монархических партий, т. е. “партий порядка”» (речь шла о требовании применить на практике манифест 17 октября)⁵.

Для друзей и противников легалистов их существование не вызывало никакого сомнения. Так, в воспоминаниях А.А. Кизеветтера о С.А. Муромцеве говорится о «людях правового порядка». Они стремились освободиться от авторитарного режима не с помощью террора, а легальными средствами. «Они приносили себя в жертву» в интересах народа. Правительство же, преследуя легалистов, загоняло их в революционный лагерь [Рыбин 2024, с. 1754]. Рассуждая о «тихом либерализме», противник легалистов В.П. Мещерский, в связи с журналом «Вестник Европы» и его публицистами, сообщает с иронией об «общественной солидарности (читай “правовой порядок”)»⁶.

О легалистах неоднократно рассуждали кадеты, воспринимая их зачастую со смешанными чувствами. Так, Д.Д. Гримм в своих воспоминаниях говорил о «тайнобрачных» (членах комитета вне-партийного объединения в составе Госсовета империи). Упоминая о А.А. Сабурове, Гримм говорил: «Умеренно либеральным элементам из числа назначенных членов мешала занять определенную позицию их бюрократическая психология, принадлежащие к центру выборные члены в подобного рода случаях инстинктивно чувствовали себя в положении беспастушного стада, хотя прямо, быть может, и не сознавали этого». И далее о Сабурове: «Трудно придумать более поучительную иллюстрацию бюрократической психологии угодливости, соединенной с мучительной потребностью идеологического оправдания перед собственной совестью и в глазах других поведения, идущего вразрез с собственными принципами» (по вопросу о Финляндии 1910)⁷. Чаще всего современники воспринимали легалистов – «ни консерваторы, ни либералы».

Внимание легалистам уделил и П.Н. Милюков. В своих воспоминаниях он называл их идейными вождями русской интеллигенции – имея в виду К.К. Арсеньева, М.М. Ковалевского и пр. По его мнению, склонность к индивидуализму оттолкнула их от кадетов.

⁵ Совет министров Российской империи: 1905–1906 гг.: Документы и материалы. Л., 1990. С. 50.

⁶ Мещерский В.П. Либеральное тихое безумие // Либерализм: pro et contra, антология / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Гуторова, сост., послесл. Р.В. Светлова. СПб.: РХГА, 2016. С. 312.

⁷ Гримм Д.Д. Воспоминания: Из жизни Государственного совета: 1907–1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 115–118.

«Пытаясь объединиться, они разбились по кучкам и образовали ряд замкнутых политических клубов... Они и остались наблюдателями событий и критиками – со стороны»⁸. Это в воспоминаниях, а в жизни Милюкову приходилось вести с ними трудную длительную дискуссию, так как легалисты сосредоточили у себя мощные интеллектуальные силы. Судя по количеству документов их партий в фонде политика, консервативные либералы были для Милюкова объектом наблюдения номер один. И немудрено, они находились на одном политическом поле с кадетами и оттягивали часть их избирателей. Так, в 1912–1916 гг. их партия – прогрессисты – «отгрызли» у кадетов немалую часть избирателей [Вишневски 1994, с. 79–81, 89].

В 1905 г. словосочетание «правовой порядок» было настолько популярным, что послужило названием для соответствующей партии. Одним из лидеров этой партии стал легалист – А.В. Бобрищев-Пушкин. Другим лидером был Евграф Петрович Ковалевский – племянник знаменитого легалиста М.Е. Ковалевского, одного из авторов судебной реформы 1864 г. Партия позиционировала себя как конституционно-монархическая, «русская национально-либеральная». Она декларировала в своей программе восстановление Судебных уставов с отменой ограничений, наложенных в 1880–1890-е годы, ограниченный парламентаризм, освобождение церкви, улучшение положения крестьян и пр. В то же время предполагалась усиленная русификация, никаких автономий, главенство православной церкви, сохранение неполноправного статуса национальных групп и пр. Короткое время существовали крестьянский союз правового порядка, различные общества и союзы и партии правового порядка отдельных регионов. Скоро партия правового порядка скатилась к оголтелому национализму, приобретала профашистские признаки. Она проиграла все выборы. Остатки партии слились частично с «Союзом 17 октября», частично с «Союзом русского народа»⁹. С того момента термин «правовой порядок» оказался скомпрометирован. Легалисты себя стали редко называть «людьми правового порядка». Так, М.М. Ковалевский еще употреблял этот термин применительно к лидерам легализма в начале XX в.¹⁰ Даже в 1917 г. когда А.И. Гучков пытался создать Либеральную партию, ее именовали «партия свободы и порядка»¹¹.

⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 236.

⁹ ГА РФ. Ф. 5833. Оп. 1. Д. 65. Л. 55–63.

¹⁰ Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005 С. 402.

¹¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1378. Л. 1.

В 1906 г. в империи возникло такое явление, как «внепартийный прогрессизм». В крупных городах создавались интеллигентские группы, которые состояли из интеллигенции «второго» и «третьего» уровня¹². В том же году появилось множество небольших партий с названиями: прогрессивно-русская, партия центра, умеренно-прогрессивная партия, киевская конституционно-прогрессивная партия, прогрессивная экономическая партия, женская прогрессивная партия и пр. В ходе первых выборов они проникали в коллегии выборщиков, избирали «прогрессивных» депутатов. Часто формировались совместные списки партий под общим именем «организации прогрессивного направления». В какой-то момент Санкт-Петербургское телеграфное агентство в январе 1906 г. «обозвало» прогрессистами все либеральные партии, будущих кадетов, легалистов (ПДР) и, собственно, самих прогрессистов¹³. От партии кадетов последовали возражения и опровержения, и лишь спустя некоторое время им удалось дистанцироваться от этого названия. Однако термин закрепился в политическом обиходе. Его употребляли произвольно, направляя в адрес самых разных групп, и столь же произвольно различные группы присваивали его себе. Впрочем, подобная ситуация наблюдалась и с рядом других обозначений.

Еще один термин, связанный с консервативным либерализмом, – «центр», сформулированный Евгением Николаевичем Трубецким в 1906 г. С этого момента он в течение нескольких лет активно отставал и продвигал идею центризма. По сути, речь шла о естественном процессе формирования умеренно либеральной, центристской партии, размещенной между двумя умеренными группами – кадетами и октяристами. Наибольшую активность в применении термина Трубецкого проявил в 1906–1907 гг., публикуя бесчисленные заметки о необходимости объединения вокруг «центра»¹⁴. Стоит обратить внимание, что термин «центр» приживался с трудом. Например, в IV Государственной думе существовала фракция «центра», в Госсовете с 1906 по 1917 г. группа центра. Тем не менее Трубецкому так и не удалось достичь своей цели. Единая партия центра так и не появилась.

Отдельно стоит выделить дискуссию о консервативном либерализме и либеральном консерватизме. Ее начало положил П.Б. Струве, который, продолжая идеи А.Д. Градовского, предложил синтез двух политических направлений. По данным В.А. Китаева, Струве еще в 1897 г. называл Чичерина «консервативный

¹² ГА РФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 476. Л. 29–30; Д. 927. Л. 3.

¹³ Хроника, Уфа, 12 апреля // Уфимский вестник. 1906. 12 апр. № 79. С. 2.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1420. Л. 14, 17.

либерал, или либеральный консерватор». Себя он относил к «чистым либералам». По мнению Петра Струве, в либерализме Чичерина не было ничего демократичного [Валицкий 2012, с. 138; Китаев 1972, с. 10]. Можно с ним согласиться. Это был «цензовый либерализм», или либерализм для избранных.

В начале XX в. многие осознали, что либерализм Чичерина начал устаревать. Это понимали и публицисты (Вальбе), и политики (Ленин). Так возникла идея о «старом либерализме» (XIX в.) и «новом либерализме». Последний стал почему-то ассоциироваться только с кадетами. Например, труд Н.М. Геккера о Стасюлевиче¹⁵ содержал первое историческое исследование о роли этого знаменитого издателя в истории России, но в прошлом времени. Рассуждения об устарелости Стасюлевича, Кони и прочих легалистов все чаще стали появляться в 1910-е гг.

Историография легализма в начале XX в.

Современники происходящих событий не думали писать исторические эссе о «людях правового порядка», своих современниках. Эти эссе они заменяли на биографии, как правило, выходящие в виде некрологов, пронизанных интимными переживаниями за друзей. Описание самого движения казалось нарушением личной связи и разглашением ненужной информации для посторонних. Главным биографом легализма стал А.Ф. Кони, исписавший многие сотни страниц на биографии своих друзей. Во многом благодаря его биографиям мы знаем перечень легалистов, входивших в верхний слой консервативно-либерального движения России: соратники, группирующиеся вокруг «Вестника Европы», «рыцари круглого стола» (К.К. Арсеньев, В.А. Арцимович, К.К. Гrot, К.Д. Кавелин, В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, М.М. Стасюлевич, А.И. Урусов, Е.И. Утин)¹⁶; первое поколение легалистов: Д.А. Ровинский¹⁷, И.Н. Стояновский¹⁸, В.Д. Спа-

¹⁵ Геккер Н.М. Стасюлевич и старый русский либерализм // Совремник. 1911. № 4. С. 112–137.

¹⁶ Кони А.Ф. Вестник Европы // Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М.: Юридическая литература, 1969. С. 220–259.

¹⁷ Кони А.Ф. Дмитрий Александрович Ровинский // Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1968. С. 220–259.

¹⁸ Кони А.Ф. Торжественное заседание Юридического общества 17 декабря 1900 г., посвященное памяти почетного члена общества Н.И. Стояновского: (Речь почетного члена А.Ф. Кони). СПб.: Сенатск. тип., 1901. 29 с.

сович¹⁹, К.Д. Кавелин²⁰, А.Д. Градовский²¹, А.А. Сабуров²²; второе поколение: А.И. Урусов и Ф.Н. Плевако²³, К.К. Арсеньев²⁴, А.Л. Боровиковский²⁵, С.А. Андреевский²⁶, А.И. Чупров²⁷, Н.В. Давыдов²⁸; третье поколение: Е.Н. Трубецкой²⁹ и др.

Среди биографов одного из основателей легализма К.Д. Кавелина можно выделить: Д.А. Корсакова³⁰, В.А. Мякотина³¹. Биографов Чичерина в начале века было множество. Например, П.С. Шереметьев³². Он называл Чичерина «консерватором-прогрессистом».

Я.М. Магазинер рассмотрел политическую идею М.М. Ковалевского³³. Отмечал его антипартийность (что являлось отражением отношений многих легалистов), солидаризм. Также о

¹⁹ Кони А.Ф. Владимир Данилович Спасович // Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 5. С. 220–259.

²⁰ Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 4: Публичные чтения и речи. Ревель; Берлин: Библиофил, 1923. С. 165–189.

²¹ Там же. С. 190–213.

²² Там же. С. 397–416.

²³ Кони А.Ф. Князь А.И. Урусов и Ф.Н. Плевако // Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 5. С. 220–259; Он же. На жизненном пути. Т. 1: Из записок судебного деятеля: Житейские встречи. СПб.: Тип. «Труд», 1912. С. 475–498.

²⁴ Кони А.Ф. Константин Константинович Арсеньев // Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1968. С. 220–259.

²⁵ Кони А.Ф. Александр Львович Боровиковский // Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 5. С. 220–259.

²⁶ Кони А.Ф. С.А. Андреевский // Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 5. С. 220–259.

²⁷ Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 2: Из воспоминаний: Публичные чтения. В верхней палате. СПб.: Тип. «Труд», 1912. С. 138–169.

²⁸ Там же. Т. 3: Воспоминания: Житейские драмы. Житейские встречи. Памяти ушедших. Критические очерки. Ревель; Берлин: Библиофил, 1922. С. 392–395.

²⁹ Кони А.Ф. Памяти Евгения Николаевича Трубецкого // Вестник литературы. 1920. № 4–5. С. 23.

³⁰ К.Д. Кавелин: Материалы для биографии: Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1886. № 1–8, 10, 11.

³¹ Мякотин В.А. Публицистическая деятельность К.Д. Кавелина // Русское богатство. 1902. № 9. С. 70–97.

³² Шереметьев П.С. Памяти Бориса Николаевича Чичерина. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1904. С. 4.

³³ Магазинер Я.М. Политическая идея М.М. Ковалевского в связи с характеристикой его личности // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 305–326.

Ковалевском писал Кони³⁴. Максиму Максимовичу посвятил биографию И.А. Ивановский³⁵. Большой сборник биографических очерков о М.М. Ковалевском вышел после его смерти в 1916 г.³⁶ В числе важной информации, почерпнутой из сборника, мы можем отметить перечень близких соратников Ковалевского, составивших маленькую группу московских легалистов-профессоров. Основой этой группы были «три толстяка»: М.М. Ковалевский, И.И. Янжул, А.И. Чупров. Также многочисленные некрологи выполнялись на П.А. Потехина, Ф.Н. Плевако, П.А. Гейдена и прочих легалистов.

Количество исторических трудов, отражавших деятельность легалистов в начале века, постепенно росло. Важной исторической работой и одновременно источником является сборник о работе I Государственной думы, подготовленный кадетами. Благодаря сборнику мы можем оценить роль и значение партии демократических реформ (ПДР) в I Думе, где они действовали вместе с кадетами³⁷.

Немалую ценность представляет работа В.П. Обнинского (сына известного легалиста П.Н. Обнинского) «Новый строй», в которой описывается краткая история революции 1905–1907 гг. Во второй части работы отдельная глава посвящена положению судов в революционной стихии. Автор явно относится к судебной системе сочувственно. Так мы получаем информацию о партийных интересах лиц судебного ведомства, о чистках в их рядах. Следуя закону и нередко негласно, а порой и открыто сочувствуя своим лидерам, занятым в то время партийным строительством, судебные работники поддерживали либеральные партии. Судебные чиновники невольно оказались в противостоянии с полицией, которая пыталась беспорядочными репрессиями задавить любое политическое движение³⁸.

Уже в 1900–1910-е гг. появились первые левые исторические тексты по истории русского либерализма. Но научными работами их признать трудно: это скорее публицистика, наполненная резкой полемикой в адрес «псевдо-демократов» и основанная на догма-

³⁴ Кони А.Ф. М.М. Ковалевский в законодательной деятельности. СПб., 1916.

³⁵ Ивановский И.А. Максим Максимович Ковалевский: Биографический очерк. Пг., 1916. 29 с.

³⁶ М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. статей. Пг., 1917.

³⁷ Первая Государственная дума: сб. статей: В 3 т. СПб.: Изд. А.А. Муханова и В.Д. Набокова, 1907.

³⁸ Обнинский В.П. Новый строй. Ч. 2: Реакция. М.: Образование, 1911. С. 263–272.

тическом мышлении (работы Ленина, К.Н. Левина, М.И. Оленова и пр.). Эти тексты изобиловали оскорблениеми и глумлением. Исследование группы ученых-социалистов представляло собой большую работу «Общественное движение в России в начале XX в.» (в 4 томах). Однако, к сожалению, вопросы, каксающиеся легалистов были в ней представлены лишь отдельными фрагментами. Само движение фактически не рассматривалось, а многие связанные с ним темы так и не получили освещения. Темам, связанным с деятельностью легалистов, во всех томах уделено не более пяти страниц³⁹.

А.Н. Егоров выделяет интересную работу меньшевика В. Меча. В ней приводится оригинальная классификация либерализма (1907). Он делил либерализм на цензовый и буржуазно-интеллигентский. Как разновидность цензового он считал славянофильский либерализм, представлявший часть дворянства. К нему он относил партии мирного обновления (ПМО) и Союз 17 октября [Егоров 2007b, с. 153–154]. Вообще меньшевистская историография отнесла Союз 17 октября к консервативным, а не либеральным партиям (после ухода из ее состава правых либералов) (также считали и эсеры). Мы согласны с такой оценкой. Цели этой партии были консервативны. Однако впоследствии советская историография, не приводя веских доводов, относила октябрьистов к правым либералам [Егоров 2007b, с. 162].

Ю.О. Мартов в 1910 г. выделял (отчасти вслед за Струве) три группы либералов: консервативно-либеральную (будущие октябрьисты), центристскую и радикальную (будущие кадеты). Первую группу Мартов характеризовал как славянофильскую, националистическую и монархическую, состоявшую из части богатых землевладельцев и «старой» буржуазии. Соглашаясь с Мартовым, мы бы поменяли слова «консервативное» и «либеральное» местами. Вторую группу, в которую Мартов относил часть чиновничества и интеллигенции, он определил как «новую» буржуазию. Она основывалась на конституционных мечтах 1870-х гг. По косвенным признакам мы можем реконструировать группу, которую изучаем – непосредственно конституционных либералов. То есть современники прекрасно знали о разделении политических групп в империи, но не могли еще пока дать точное им определение⁴⁰.

³⁹ Общественное движение в России в начале XX в. / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова: В 4 т. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1909–1914.

⁴⁰ Мартов Ю. Общественные и умственные течения в России 1870–1905 гг. Л.; М.: Книга, 1924. С. 112–119.

Эмигрантские исследования

Эмигранты, оказавшиеся за рубежом после 1917 г., пытались переосмыслить произошедшее. При этом они были ограничены в источниках. В большинстве случаев писали воспоминания, которые мы здесь не анализируем. Либералов критиковали сами либералы, правые, социалисты. Но критика даже в «исторических» работах шла с партийной позиции, то есть изначально была предвзятой. При этом консервативные либералы как движение были почти проигнорированы [Егоров 2007а, с. 49–107].

Популярностью пользовалась личность Чичерина, о котором выходили новые биографии авторства Н.Н. Алексеева⁴¹ [Алексеев 1930], И.В. Михайловского⁴² и пр. В 1921 г. П.Н. Милюков в своем произведении «Три попытки» раскрыл историю трех переговоров либералов с руководителями правительства империи в 1905–1906 гг. В нем была показана роль либеральных юристов⁴³. В эмиграции Петр Струве вернулся к своей идее о консервативном либерализме Б.Н. Чичерина. Он считал, что взгляды ученого эволюционировали, но в конечном счете «в своем духовно-общественном делании» всегда сочетали консерватизм и либерализм. В этом с ним через много лет был согласен Анджей Валицкий [Рыбин 2023, с. 307].

Размышления иммигрантов-интеллигентов выливались в более серьезные исследования. Так, в 1957 г. правовед В.В. Леонтович опубликовал свою «Историю либерализма в России» – первую полноценную книгу по либерализму. Автор поднимает основные темы: истоки либерализма, зарождение движения, конституционные проекты XIX в., земский либерализм, освободительное движение, земские съезды, либералы в революции, либеральные партии, парламентский либерализм.

Непосредственно о либеральных юристах автор не рассуждал. Ученый широко пользовался терминами «либеральный абсолютизм», «консервативный либерализм», «либеральный консерватизм» и т. п., однако определений этим понятиям он не давал. Собственно, Леонтович прямо отождествлял охранительный либерализм Чичерина с консервативным либерализмом. В.В. Леонтович считал, что с исторической точки зрения подлин-

⁴¹ Алексеев Н.Н. Русский гегельянец Борис Николаевич Чичерин // Логос. Кн. 1. М., 1911. С. 193–220.

⁴² Михайловский И.В. Б. Чичерин о конституции в России // Право. 1906. № 35. С. 2753–2792.

⁴³ Милюков П.Н. Три попытки: (К истории русского лже-конституционализма). Париж: [Тип. «Франко-русская печать»], 1921. 87 с.

ным либерализмом является лишь либерализм консервативный [Леонтович 1980, с. 22]. Термин «либеральный консерватор» впервые употребил князь Петр Вяземский в 1827 г. (о Пушкине). Леонтович анализировал «эволюцию» Чичерина от консерватизма к либерализму, считая ее мнимой, то есть полагая либерализм ученого неизменным. Разбирая земскую активность рубежа веков, Леонтович прямо называл ее консервативно-либеральной [Леонтович 1980, с. 309, 319, 329, 352, 399; Рыбин 2023, с. 306]. Он убедительно показал развитие либеральных групп от консервативного либерализма к радикальному.

Разбирая партийный либерализм, Леонтович включал ошибочные утверждения, относящие октябрьстов к «русскому либерализму» и кадетов к «русским радикалам» [Леонтович 1980, с. 480, 481]. Интересно отметить, как определял Леонтович роль ПМО в 1906 г.: «В общем, партия мирного обновления встала на точку зрения чистого либерализма и с этой точки зрения и критиковала всех остальных» [Леонтович 1980, с. 509]. При такой позиции, сдвигая все партии влево, Леонтович избегал упоминать кадетов как либеральную партию, считая ее, по большому счету, «радикальной». Ученый относил к настоящим либералам лишь те политические группы, партии, которые оказывали поддержку власти на пути проведения реформ. Леонтович приводит характерные мысли Д.Н. Шипова в 1904 г. Он (земец) не раз высказывал мысль, что правовой порядок вторичен по отношению к морально-религиозным нормам. Тут пролегал водораздел между легалистами и их союзниками из консервативно-либерального лагеря – земскими деятелями [Леонтович 1980, с. 377]. Для одних на первом месте стояло право, для вторых – христианская мораль.

Несмотря на многочисленные недостатки, работа Леонтова-
чика заложила основы для современного понимания истории российского либерализма. Он сформулировал основные темы, разбираемые в рамках истории либерализма.

Зарубежные исследования

Весь XX век зарубежные ученые внимательно исследовали становление и развитие политических партий в Российской империи в 1905–1917 гг. Основные специалисты, изучающие российский либерализм, проживали в Англии и США. На первых исследователей либерализма большое влияние оказала полемика В.А. Маклакова и П.Н. Милюкова о судьбах либеральных учений в России. Речь шла о дискуссии в части сотрудничества с властью (правый либерализм) и конфронтации с ней (левый либерализм) [Рыбин

2023, с. 306]. Как и эмигранты, зарубежные ученые были ограничены историческими источниками по теме исследования, в их распоряжении были воспоминания, сборники документов, но не архивы.

Интерес к российскому либерализму стал «просыпаться» среди зарубежных ученых в 1950-е гг. Вслед за Леоновичем одним из первых исследователей стал Г. Фишер. Он отметил слабость либерализма в России («неимущий», по его выражению). Легализм ученый не заметил. Фишер в числе прочего считал, что российский либерализм возник под влиянием Великих реформ Александра II [Fischer 1958]. В 1962 г. Хаммер защитил диссертацию про учителя и ученика – основателей либерализма [Hammer 1962]. В отличие от Фишера, он считал, что российский либерализм зародился в 1850-е гг. и связывал его с деятельностью Кавелина и Чичерина.

Чичерин оставался объектом для внимательного изучения англо-саксонских исследователей. Так, А. Келли, изучая политическую философию Чичерина, приходила к отрицанию за ним либерализма, считая его консерватором – «доктринером и экстремистом» (несмотря на многие ссылки на Струве) [Шнейдер 2012, с. 33; Kelly 1977]. С ее выводами согласиться нельзя. Она не знала о многих либеральных практиках Чичерина, о его переписке. Ее аргументы рисуют нам образ консервативного либерала, но не консерватора. Ей не нравился его цензовый подход, его высокомерие к низам общества, его догматическая схоластика (омертвение теории Гегеля), признание его теории со стороны бюрократии. Но при этом Келли упускала конечную цель Чичерина – построение конституционной монархии и правового государства. Чичерина можно было критиковать за неудачные методы, выбранные им для достижения цели, но не за отсутствие либерализма. «Этот самозваный “либерал” и “реалист” доказал, что он ни то, ни другое» – утверждала исследовательница. Келли не знала и знать не хотела, что такое консервативный либерализм. В ее представлении существует только один либерализм – радикальный (в противоположность Леоновичу). «Либеральный консерватизм» Чичерина она либерализмом не считала. Она была права, что, выстраивая свой абсолют, Чичерин вписывал человека как функцию его идеальной системы и увязывал свободу человека с самодержавием. Слишком часто использовал в социальной науке категории сущностного и долженствования, обрубая и отрезая все многообразие человеческих сообществ.

Тем не менее ограниченная источниковая база по теме исследования, которая была в распоряжении Келли, не позволила ей прийти к достоверным выводам относительно мировоззрения Чичерина. Келли попыталась исключить его из либералов, но неудачно.

Другие исследователи (Валицкий и пр.) подвергли ее точку зрения критике. О консервативном либерализме Чичерина рассуждал С. Бенсон [Benson 1975]. В 1992 г. Ч.М. Гамбург выпустил объемный труд по раннему русскому либерализму и роли Чичерина в его формировании. Гамбург отмечал, что либерализм сформировался окончательно в 1850-е гг. Он также одним из первых зарубежных исследователей заметил, что либерализм Чичерина носил юридический (конституционный) оттенок – прообраз будущего легализма [Hamburg 1992].

Знаменитый исследователь Р. Пайпс в 1970-х гг. подверг пристрастному разбору личность Петра Струве. Показав эволюцию мыслителя вправо, ученый пришел к выводу, что Струве стал (после 1907 г. или чуть позже) консервативным либералом или либеральным консерватором (слова – синонимы для Пайпса) и в этом качестве в 1920-е гг. внес вклад в идеи либерализма [Richard 1980]. Еще одним зарубежным историком (Г. Филдом) была написана биография К.Д. Кавелина [Field 1973]. В. Коупленд, в частности, показал характер связи русских либералов с финской оппозицией [Copeland 1973].

По оценке К.И. Шнейдера, переломной стала работа Д. Оффорда, которая на примере судеб основоположников либерализма сформировала русскую либеральную традицию, очень непоследовательную и противоречивую [Offord 1985]. Вообще 1980-е гг. отметились серией интересных работ по общему российскому развитию либерализма. Например, труды Л. Шапиро [Schapiro 1987]. Переговоры правительства с либеральной оппозицией в годы первой революции проанализировал В.Б. Линкольн [Lincoln 1983].

В 1980-е гг. зарубежные исследователи приступили к изучению консервативно-либеральных политических групп. Так, в 1980 г. была защищена диссертация У. Даггэн по прогрессистам [Российский либерализм 1988, с. 32]. Л. Сигельбаум рассматривал деятельность прогрессистов в контексте работы военно-промышленных комитетов империи в годы первой мировой войны [Siegelbaum 1983]. О взаимовлиянии прогрессизма и веховцев (в числе которых были видные консервативные либералы – Струве и Франк) писал исследователь Дж. Циммерманн [Zimmermann 1980]. Вообще веховство как этап на пути формирования христианского либерализма в России тщательно изучалось западными учеными, но их труды на эту тему мы здесь пропускаем.

В 1987 и 1991 гг. вышла фундаментальная работа Анджея Валицкого «Философия русского либерализма» (переведена на русский в 2012 г.), автора, который, будучи польским ученым, преподавал в англоязычных университетах [Walicki 1987; Walicki 1992]. Непо-

средственно интересующей нас проблеме была посвящена только 2-я глава. Рассуждая о Чичерине, Валицкий называл его антиподов (Бердяева) «славянофильскими антилегалистами» [Валицкий 2012, с. 135–204]. Анджей Валицкий обоснованно возражал Келли и «возвращал» Чичерина в стан либералов. Изучая работы Бориса Николаевича, он, например, приводил его статью «Задачи нового царствования» (1881), которую тот направил К.П. Победоносцеву. Этой статьей автор хотел «подсказать» Александру III, в каком направлении нужно проводить политику. В данной работе Б.Н. Чичерин сформулировал концепты «либеральные меры и сильная власть» и «либерализм сверху». А. Валицкий классифицировал идеи, высказанные в этой статье, как консервативно-либеральную политическую программу [Рыбин 2023, с. 307].

В заключение хотелось бы привести в качестве примера научную деятельность профессора Лодзинского университета Э. Вишневски. В 1984 г. он защитил кандидатскую [Вишневски 1984], а в 1992 г. докторскую диссертацию по прогрессизму [Вишневски 1992]. В монографии 1994 г., подводящей итог многолетней работе историка, Вишневски освобождается от партийной опеки своих трудов и описывает историю прогрессизма так, как есть [Вишневски 1994]. В них историк проделал путь от марксиста до современного ученого. Автор показал процесс становления партии прогресса, организацию провинциальных отделов, программу партии, участие в законопроектной деятельности, ее авантюристские действия, участие в прогрессивном блоке, роль в создании военно-промышленных комитетов, взаимоотношения с другими партиями. Правда, автор поспешно относил к кадетам К.К. Арсеньева, М.М. Ковалевского, не установил связь между прогрессистами и легалистами в Госсовете и т. п. Несмотря на несомненное достоинство своего труда, Вишневски не проанализировал идеологию прогрессизма, не дал ему определение, не увидел, как она связана с легализмом Чичерина.

В числе прочего исследователь верно подметил причину постоянно растущей популярности прогрессивной партии. Она была связана с разочарованием цензового избирателя в октябристах и кадетах. Оставалось только радикально проявить себя, что прогрессисты и сделали в 1915 г., наставив на создании прогрессивного блока и требуя введения ответственного министерства. Единственное, что могло остановить рост их популярности – ошибки, которые они могли совершить. И они их совершили зимой 1916–1917 гг. Следствием неудачных политических маневров стало падение роли партии и ее быстрое исчезновение во время второй русской революции.

Заключение

Подводя итог, можно отметить интересную особенность исторического сознания. При исчезновении какого-либо явления, например, социальной группы, которая не была зафиксирована и описана, оно практически сразу выпадало из поля зрения исследователей и переставало отражаться в научных работах. Такая судьба постигла «людей правового порядка». Социальная группа, представленная в конце XIX в. и известная в городской среде, постепенно растворялась в партийном движении в начале XX в. Легалисты «потерялись» среди земцев, прогрессистов (разночинная интеллигенция). С исчезновением социальной базы и носителей легалистских идей исчезло и знание о них. Эмигрантская историография не знает такого явления, как легализм, и вслед за ней зарубежная историография также потеряла его из вида. Советской исторической науке легалисты были не интересны. Так, они «исчезли». В 1980-х гг. зарубежные авторы обнаружили другие либеральные партии, кроме кадетов, и приступили к разработке консервативно-либеральной идеологии правых либералов. В своих трудах Валицкий, Гамбург и Вишневески вплотную подошли к пониманию сущности легализма. В существующих дискурсах, несмотря на попытки научного анализа, партийная предвзятость, нехватка архивных источников мешали установлению точной картины политического процесса в либеральных группах.

Начало XX в. также было интересно для определения значений общественно-политических движений в рамках идеологических направлений. Возникло несколько идей о раздроблении и соотношении разных групп. Появилось множество терминов, связанных с легализмом. Ученые вносили определения, но не наполняли их смыслом, не формулировали четкие критерии [Рыбин 2023]. Тем более это было невозможно в «эпоху забвения», в 1917–1991 гг. Многие движения и деятели были награждены разными эпитетами, но без четкого отнесения их к тем или иным направлениям. Отсюда и множество ошибок. Разрешить этот историографический вопрос должны были ученые нашего времени. В нашей статье мы не даем ответ по терминологии консервативного либерализма. Он будет раскрыт в другом исследовании.

Литература

Алексеев 1930 – Алексеев Н.Н. Религиозно-философские идеи и личность Б.Н. Чичерина в свете его воспоминаний // Путь. <Париж.> 1930. № 24. С. 98–110.

Валицкий 2012 – Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. 567 с.

Вишневски 1984 – *Вишневски Э.* Прогрессисты во время Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 264 с.

Вишневски 1992 – *Вишневски Э.* Русские буржуазные партии в период нового революционного подъема (1910–1914 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992. 60 с.

Вишневски 1994 – *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М.: ИЦ «Россия молодая», 1994. 192 с.

Гайда 2003 – *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

Егоров 2007a – *Егоров А.Н.* Российские либералы начала ХХ в. и власть: историографические дискуссии. Череповец: ЧГУ, 2007. 258 с.

Егоров 2007b – *Егоров А.Н.* Очерки историографии российского либерализма конца XIX – первой четверти XX века: (дореволюционный и советский периоды): Череповец: ЧГУ, 2007. 275 с.

Егоров 2009 – *Егоров А.Н.* Российские либералы в годы Первой мировой войны: подходы советской историографии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3 (22). С. 65–71.

Егоров 2010 – *Егоров А.Н.* Отечественная историография российского либерализма начала ХХ в.: дис. ... д-ра юрид. наук. Череповец, 2010. 879 с.

Китаев 1972 – *Китаев В.А.* От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX в.). М.: Мысль, 1972. 288 с.

Леонович 1980 – *Леонович В.Б.* История либерализма в России: 1762–1914. Париж: Имка-пресс, 1980. 562 с.

Минаков 2020 – *Минаков А.Ю.* История русского консерватизма XIX–XXI вв. Воронеж: Воронежский государственный ун-т, 2020. 151 с.

Павлов 2000 – *Павлов Д.Б. и др.* Теоретико-методологические, историографические и археографические аспекты // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 5–66.

Репников 2014 – *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.

Российский либерализм 1988 – Российский либерализм (конец XIX в. – 1917 г.) в англо-американской историографии: научно-аналитический обзор / [В.М. Шевырин]. М.: ИНИОН, 1988. 51 с.

Рыбин 2024 – *Рыбин Д.В.* Либеральные юристы Российской империи во второй половине XIX в. в воспоминаниях современников // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024 Т. 29. № 6. С. 1745–1759.

Рыбин 2023 – *Рыбин Д.В.* Идеология движения либеральных легалистов и теория консервативного либерализма // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 2. С. 304–316.

Секиринский 1995 – *Секиринский С.С., Шелохаев В.В.* Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М.: Памятники исторической мысли, 1995. 286 с.

Сенин 2009 – *Сенин А.С.* Национально-прогрессивное государство А.Д. Градовского // Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе. М., 2009. С. 3–14.

Соловьев 2024 – *Соловьев К.А.* Юридическая корпорация Российской империи конца XIX – начала XX в.: у власти, около власти, против власти // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8. № 3. С. 759–794.

Шацилло 1985 – *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программы, тактика. М.: Наука, 1985. 347 с.

Шелохаев 1991 – *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1907–1914 гг. М.: Наука, 1991. 231 с.

Шнейдер 2012 – *Шнейдер К.И.* Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, 2012. 229 с.

Benson 1975 – *Benson S.* The conservative liberalism of Boris Chicherin // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. 1975. No. 21. P. 17–114.

Copeland 1973 – *Copeland W.R.* The uneasy alliance. Collaboration between the Finnish opposition and the Russian underground. 1899–1904. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1973. 224 p.

Field 1973 – *Field D.* Kavelin and Russian liberalism // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. No. 1. P. 59–78.

Fischer 1958 – *Fischer G.* Russian liberalism: from gentry to intelligentsia. Cambridge: Harvard University Press, Mass., 1958. 240 p.

Hamburg 1992 – *Hamburg G.M.* Boris Chicherin and early Russian liberalism, 1828–1866. Stanford, California: Stanford University Press, 1992. 443 p.

Hammer 1962 – *Hammer D.P.* Two Russian liberals: The political thought of B.N. Chicherin and K.D. Kavelin. Ph.D. Dissertation. N.Y.: Columbia University, 1962. 403 p.

Kelly 1977 – *Kelly A.* What is real is rational: the political philosophy of B.N. Chicherin // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1977. Vol. 18. No. 3. P. 195–222.

Lincoln 1983 – *Lincoln W.B.* In war's dark shadow: The Russians before the Great War. N.Y.: The Dial Press, 1983. 557 p.

Offord 1985 – *Offord D.* Portraits of early Russian liberals: a study of the thought of T.N. Granovsky, V.P. Botkin, P.V. Annenkov, A.V. Druzhinin and K.D. Kavelin. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 281 p.

Richard 1980 – *Richard P.* Struve: liberal on the right, 1905–1944. Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press, 1980. 526 p. (Russian Research Center Studies; no. 80)

Schapiro 1987 – *Schapiro L.* Liberalism in Russia // *Russian studies* / ed. by E. Dahrendorf. N.Y., 1987. 227 p.

Siegelbaum 1983 – *Siegelbaum L.H.* The politics of industrial mobilization in Russia 1914–1917. A study of the war-industries committees. L.: Palgrave Macmillan, 1983. 332 p.

Walicki 1987 – *Walicki A.* Legal philosophies of Russian liberalism. Oxford: Clarendon Press; N.Y.: Oxford University, 1987. 477 p.

Walicki 1992 – *Walicki A. Legal philosophies of Russian liberalism*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992. 477 p.

Zimmermann 1980 – *Zimmermann J.E. Russian liberal theory. 1900–1917* // Canadian American Slavic Studies. 1980. Vol. 14. No. 1. P. 1–20.

References

Alekseev, N.N. (1930), “Religious and philosophical ideas and personality of B.N. Chicherin in light of his memoirs”, *Put'*, no. 24, pp. 98–110.

Benson, S. (1975), “The conservative liberalism of Boris Chicherin”, *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*, no. 21, pp. 17–114.

Copeland, W.R. (1973), *The Uneasy Alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904*. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, Finland.

Egorov A.N. (2007), *Ocherki istoriografii rossiiskogo liberalizma kontsa XIX – pervoi chetverti KhKh veka: (dorevoljutsionnyi i sovetskii periody)* [Essays on the historiography of Russian liberalism of the late 19th – first quarter of the 20th century (pre-revolutionary and Soviet periods)], ChGU, Cherepovets, Russia.

Egorov, A.N. (2007), *Rossiiskie liberaly nachala XX v. i vlast': istoriograficheskie diskussii* [Russian liberals of the early 20th century and the power. Historiographic discussions], ChGU, Cherepovets, Russia.

Egorov, A.N. (2009), “Russian liberals during the First World War. Approaches of Soviet historiography”, *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 22, no. 3, pp. 65–71.

Egorov, A.N. (2010), *Otechestvennaya istoriografiya rossiiskogo liberalizma nachala XX v.* [National historiography of Russian liberalism in the early 20th century], D. Sc. Thesis (Law), Cherepovets, Russia.

Field, D. (1973), “Kavelin and Russian Liberalism”, *Slavic Review*, vol. 32, no. 1, pp. 59–78.

Fischer, G. (1958), *Russian liberalism: from gentry to intelligentsia*, Harvard University Press., Mass., Cambridge, USA.

Gaida, F.A. (2003), *Liberal'naya oppozitsiya na putyakh k vlasti (1914 – vesna 1917 g.)* [Liberal opposition on the path to power (1914 – spring 1917)], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Hamburg, G.M. (1992), *Boris Chicherin and early Russian liberalism, 1828–1866*, Stanford University Press, Stanford, Calif., USA.

Hammer, D.P. (1962), *Two Russian liberals: The political thought of B.N. Chicherin and K.D. Kavelin*, Ph.D. Dissertation, Columbia University, New York, USA.

Kelly, A. (1977), “What is real is rational: the political philosophy of B.N. Chicherin”, *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 18, no. 3, pp. 195–222.

Kitaev, V.A. (1972), *Ot frondy k okhranitel'stvu (iz istorii russkoi liberal'noi mysli 50–60-kh godov XIX v.)* [From the Fronde to conservatism. (From the history of Russian liberal thought in the 1850s – 1860s)], Mysl', Moscow, USSR.

Leontovich, V.V. (1980), *Istoriya liberalizma v Rossii: 1762–1914* [History of liberalism in Russia, 1762–1914], Imka-Press, Paris, France.

Lincoln, W.B. (1983), *In war's dark shadow: The Russians before the Great War*, The Dial Press, New York, USA.

Minakov, A.Yu. (2020), *Istoriya russkogo konservativizma XIX–XXI vv.* [History of Russian conservatism of the 19th – 21st centuries], Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, Voronezh, Russia.

Offord, D. (1985), *Portraits of early Russian liberals: a study of the thought of T.N. Granovsky, V.P. Botkin, P.V. Annenkov, A.V. Druzhinin and K.D. Kavelin*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Pavlov, D.B. et al. (2000), “Theoretical and methodological, historiographic and archaeographic aspects”, in *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'* [Political parties of Russia. History and the present], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 5–66.

Repnikov, A.V. (2014), *Konservativnye modeli rossiiskoi gosudarstvennosti* [Conservative models of Russian statehood], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.

Richard, P. (1980), *Struve: liberal on the right, 1905–1944*, Cambridge, Mass., USA, Harvard University Press, London, UK. (*Russian Research Center Studies; no. 80*)

Rybin, D.V. (2023), “Ideology of the liberal legalist movement and the theory of conservative liberalism”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iстория*, vol. 68, no. 2, pp. 304–316.

Rybin, D.V. (2024), “Liberal lawyers of the Russian Empire in the second half of the 19th century in the memoirs of contemporaries”, *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 29, no. 6, pp. 1745–1759.

Schapiro, L. (1987), “Liberalism in Russia” in Dahrendorf, E., ed., *Russian studies*, New York, USA.

Schneider, K.I. (2012), *Mezhdju svobodoi i samoderzhaviem: istoriya rannego russkogo liberalizma* [Between freedom and autocracy. History of early Russian liberalism], Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, Perm', Russia.

Sekirinskii, S.S. and Shelokhaev, V.V. (1995), *Liberalizm v Rossii: Ocherki istorii (se-redina KhIKh – nachalo KhKh v.)* [Liberalism in Russia. Essays on history (mid-19th – early 20th century)], Pamyatniki istoricheskoi mysli, Moscow, Russia.

Senin, A.S. (2009), “National-progressive state of A.D. Gradovsky” in Gradovskii, A.D., *Natsional'nyi vopros v istorii i literature* [National question in history and literature], Moscow, Russia, pp. 3–14.

Shatsillo, K.F. (1985), *Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg.: Organizatsiya, programmy, taktika* [Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905–1907. Organization, programs, tactics], Nauka, Moscow, USSR.

Shelokhaev, V.V. (1991), *Ideologiya i politicheskaya organizatsiya rossiiskoi liberal'noi burzhuazii, 1907–1914 gg.* [Ideology and political organization of the Russian liberal bourgeoisie, 1907–1914], Nauka, Moscow, Russia.

[Shevyrin, V.M.] (1988), *Rossiiskii liberalizm (konets XIX v. – 1917 g.) v anglo-amerikanskoi istoriografi: nauchno-analiticheskii obzor* [Russian liberalism (late 19th

century – 1917) in Anglo-American historiography. Scientific-analytical review], INION, Moscow, USSR.

Siegelbaum, L.H. (1983), The politics of industrial mobilization in Russia, 1914–1917. A study of the war-industries committees, Palgrave Macmillan, London, UK.

Solov'ev, K.A. (2024), "Legal corporation of the Russian empire of the late 19th – early 20th centuries: in power, near power, against power", *Historia Provinciae – zhurnal regional'noi istorii*, vol. 8, no. 3, pp. 759–794.

Vishnevsky, E. (1984), *Progressisty vo vremya Pervoi mirovoi voiny i Fevral'skoi burzhuazno-demokraticeskoi revolyutsii* [Progressives during the First World War and the February Bourgeois-Democratic Revolution], Ph.D. Thesis (History), Moscow, USSR.

Vishnevsky, E. (1992), *Russkie burzhuaznye partii v period novogo revolyutsionnogo pod'ema (1910–1914 gg.)* [Russian bourgeois parties during the new revolutionary upsurge (1910–1914)], Abstract of D. Sc. Dissertation (History), Moscow, Russia.

Vishnevsky, E. (1994), *Liberal'naya oppozitsiya v Rossii nakanune Pervoi mirovoi voiny* [Liberal opposition in Russia on the eve of the First World War], ITs "Rossiya molodaya", Moscow, Russia.

Walicki, A. (1987), *Legal philosophies of Russian liberalism*, Clarendon Press, Oxford, UK, Oxford University, New York, USA.

Walicki, A. (1992), *Legal philosophies of Russian liberalism*, University of Notre Dame Press, Notre Dame, USA.

Walitski, A. (2012), *Filosofiya prava russkogo liberalizma* [Philosophy of law of Russian liberalism], Mysl, Moscow, Russia.

Zimmermann, J.E. (1980), "Russian liberal theory. 1900–1917", *Canadian American Slavic Studies*, vol. 14, no. 1, pp. 1–20.

Информация об авторе

Данил В. Рыбин, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия; 199178, Россия, Санкт-Петербург, 10-я линия Васильевского острова, д. 19А; danilarybin@rambler.ru

ORCID ID 0000-0003-4851-2235

Information about the author

Danil V. Rybin, Cand. of Sci. (History), associate professor, St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia; 19A, 10th Line of Vasilievskii ostrov, Saint Petersburg, Russia, 199178; danilarybin@rambler.ru

ORCID ID 0000-0003-4851-2235

УДК 930

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-70-89

Изучение истории монархии Габсбургов в России в 1990–2000-е гг.: методология – интерпретации – практики

Ольга В. Павленко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pavlenko@rggu.ru*

Аннотация. В статье анализируется развитие габсбургских исследований в России в 1990–2000-е гг. Наряду с описанием ведущих научных центров (Институт всеобщей истории РАН, Институт славяноведения РАН, кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, РГГУ, СКФУ и др.), в которых разрабатывается история Австро-Венгрии и российско-австрийско-славянских связей, представлена также сложная картина трансформации идеологических подходов; концептуальной дихотомии «национальное/имперское»; трактовок модели многосоставного и многонационального государства, влияния зарубежных исследовательских практик на методологию, применяемую российскими учеными.

Особое внимание уделяется междисциплинарному подходу, основанному на синтезе исторических, социологических, культурологических, антропологических методов анализа феномена Габсбургской монархии в XIX – начале XX в. и позволяющему исследовать историю империи и ее народов не только в geopolитических контекстах, но и на уровне моделей коллективной идентичности, ценностей различных социальных групп, экономических интересов и прагматичных решений.

Ключевые слова: империя Габсбургов, славяноведение, исследовательские практики, междисциплинарность

Для цитирования: Павленко О.В. Изучение истории монархии Габсбургов в России в 1990–2000-е гг.: методология – интерпретации – практики // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 70–89. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-70-89

Studying the history of the Habsburg monarchy in Russia in the 1990s – 2000s. Methodologies – interpretations – practices

Olga V. Pavlenko
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, pavlenko@rggu.ru*

Abstract. This article analyzes the development of Habsburg studies in Russia in the 1990s – 2000s. Along with a description of leading research centers (the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, the Department of the History of Southern and Western Slavs of the Faculty of History at Moscow State University, the Russian State University for the Humanities, and North Caucasus Federal University, among others) that are developing the history of Austria-Hungary and Russian-Austrian-Slavic relations, it also presents a complex picture of the transformation of ideological approaches; the conceptual dichotomy of “national/imperial”; interpretations of the model of a multi-component and multinational state; and the influence of foreign research practices on the methodology used by Russian scholars.

Particular attention is given to an interdisciplinary approach based on a synthesis of historical, sociological, cultural, and anthropological methods for analyzing the phenomenon of the Habsburg Monarchy in the 19th and early 20th centuries. This approach allows for the study of the history of the empire and its peoples not only in geopolitical contexts but also at the level of collective identity models, the values of various social groups, economic interests, and pragmatic decisions.

Keywords: Habsburg Empire, Slavic studies, research practices, interdisciplinarity

For citation: Pavlenko, O.V. (2025), “Studying the history of the Habsburg monarchy in Russia in the 1990s – 2000s. Methodologies – interpretations – practices”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 70–89, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-70-89

Введение

За последние десятилетия российская историография переживала масштабные дебаты и размежевания, поиск новых парадигм, рассекречивание архивных коллекций и смену поколений. До сих пор среди профессиональных историков не может преодолеть методологические разрывы и восстановить континуитет между импер-

ской – советской – постсоветской эпохами, а в обществе возникают острые дебаты вокруг тем революций, войн и кодов коллективной идентичности [Чубарьян 2015; Чубарьян 2016; Безбородов и др. 2017а; Безбородов и др. 2017б; Павленко 2018; Pavlenko, Bezborodov 2012, SS. 589–606].

Новые подходы к истории монархии Габсбургов в 1990-е гг.

В российской историографии пересмотр подходов к истории монархии Габсбургов начался в 1990-е гг. параллельно новым тенденциям в изучении Российской империи. Для историков важно было не только вписать имперский опыт России в широкий формат отечественной истории, но и объяснить, как он отражается в культуре воспоминаний современного общества. Ракурсы «множественности» и «цельности» преобладают при описании процессов становления и развития российского государства [Миронов 2014, с. 31–69, 75–94, 228–233, 251–258; Миронов 2015, с. 606–607; Миронов 2016, с. 37–41]. Акцент делался на историческом опыте взаимного сосуществования. Подобная позиция сближала подходы российской и австрийской историографии в изучении феномена многосоставного государства. Но историки существенно расходились в оценках эффективности моделей развития двух монархий на востоке Европы.

В 1990-е гг. основным концептом для описания кризисных явлений в монархии Габсбургов для российских исследователей оставался «национализм». Национальные движения анализировали с позиций целесообразности и рационализации политических действий. Этот способ научного объяснения сложился в простую, доступную схему, когда история монархии сводилась к процессам социально-культурной эманципации национальных сообществ от «гнета немецкого централизма». Несмотря на качественные изменения в методологии исследований, усложнение терминов и подходов, все же сохранялось традиционное противопоставление «национализм – империя».

С начала 1990-х гг. центром притяжения новой историографии стал сектор изучения народов Австро-Венгрии Института славяноведения, который возглавлял Тофик Исламов. Его работы по истории Венгрии и Австрии XIX – начала XX в., со знанием актуальных тенденций в зарубежных исследованиях, оказали существенное влияние на отечественную историографию. Вокруг него собирались основные исследовательские силы, стремившиеся

преодолеть прежние методологические разрывы в национальных и общегосударственных нарративах. В институт приезжали ведущие ученые из Австрии, Венгрии, США, Германии, Канады. Были подготовлены совместные издания, в которых рассматривались дискуссионные аспекты истории Австро-Венгрии [Исламов 1991; Виноградов 1994; Исламов, Миллер 1995; Хаванова 1997]. Они открывали новые перспективы в осмыслении социальных, экономических и политических процессов. Впервые на русском языке были опубликованы тексты таких авторитетных авторов, как Соломон Вэнк, Петер Ханак, Валерия Хойбергер, Джон К. Свонсон, Гэри Коэн.

Можно только сожалеть, что сборники, объединявшие материалы нескольких международных конференций по истории Австро-Венгрии, так и не переросли в крупные тематические издания. Но они дали сильный импульс дальнейшим российским исследованиям и формированию тесных контактов с зарубежными учеными. Подобное сотрудничество в рамках изучения истории монархии Габсбургов стало примером глубоких процессов в российской гуманитарной науке, когда новые идеи и подходы, взаимно влияя друг на друга, формировали общее научное пространство.

Не менее важным фактором в развитии новых подходов стало открытие в 1993 г. в Москве и Петербурге Австрийских библиотек по инициативе политика, культуролога и писателя Вольфганга Крауса. Библиотека объединила вокруг себя круг германистов – А. Березину, А. Белобратова, А. Жеребина, Л. Полубояринову [Березина 1995; Белобратов 1990; Жеребин 2011; Полубояринова 2006]¹. Видный специалист по культуре австрийского модерна Алексей Жеребин начал полемику с постмодернистской интерпретацией, связывая зарождение модерна с травмой заката Австро-Венгерской монархии. Кризис имперской идеологии и политики, по мысли А. Жеребина, приводил к тому, что на рубеже веков *belle époque* подвергалась переоценке как парадоксальная эпоха “веселого апокалипсиса” (Брох), а упадок империи – как вступление в «пограничную ситуацию», за которой должен последовать переход в идеальное состояние «бескризисного бытия-в-мире» [Жеребин 2019, с. 161–170].

Начиная с осени 1992 г. при Австрийской библиотеке проводились регулярные симпозиумы, исследующие австрийскую литературу и культуру – *Österreich und Russland in literarischen*

¹ См. также: Полубояринова Л.Н. Поэтика австрийской прозы XIX в. Кемерово, 1995. 99 с.

Widerspiegelungen“ (1992), „Dostojewskij und die russische Literatur in Österreich seit der Jahrhundertwende“ (1994), „Interkulturelle Erforschung der österreichischen Literatur“ (1996), „Wien und St. Peterburg um die Jahrhundertwende(n): kulturelle Interferenzen“ (2000).

В 1994 г. был создан «Ежегодник Австрийской библиотеки» в Санкт-Петербурге (Jahrbuch des Österreich-Bibliothek in St. Petersburg) при активном содействии Министерства науки Австрийской Республики и была реализована инициатива по публикации серии переводов современных авторов, включавшая в себя труды Т. Бернхарда, Э. Елинек, Р. Менассе, Й. Винклера, П. Розая, Т. Главинича.

На становление новых школ и направлений в исторических исследованиях монархии Габсбургов в России особое влияние оказали труды Соломона Вэнка и Петера Ханака. С ними велась полемика в концептуальных исследованиях Т.М. Исламова и В.И. Фрейдзона, одновременно критичное и очень заинтересованное обсуждение новейших концепций и подходов в мировой историографии монархии Габсбургов [Ханак 1953; Ханак 1995; Вэнк 1995; Исламов 1995; Исламов 2001; Исламов 2004; Фрейдзон 1997].

Современная историографическая ситуация в России насыщена альтернативными гипотезами и объяснениями. Выделяются несколько направлений, которые, на мой взгляд, существенно расширяют научное понимание истории Австро-Венгрии: 1) сравнительные имперские исследования; 2) изучение процессов взаимовосприятий и взаимовлияний на основе конструктивистской методологии; 3) славянские интеграционные проекты в дипломатических отношениях Вены и Петербурга; 4) гуманитарное изменение российско-австрийских отношений.

В то же время стоит отметить определенную вторичность российских исследований 1990-х гг. по сравнению с западными трудаами. Важно было освоить теории и исследовательские практики за рубежом, осмыслить новые понятия, интеллектуальный стиль аргументаций, прежде недоступный советской историографии. Новый комплексный подход пробивал себе дорогу в 1990-е гг., преодолевая сопротивление сторонников традиционного славяноцентричного взгляда на историю Центральной и Юго-Восточной Европы. По сути, в российской историографии почти десятилетие существовали два дискурса – центральноевропейский и славянский. Только в первое десятилетие 2000-х гг. началось их постепенное методологическое сближение.

Австрийские исследования в России: география, проблематика, методология

В настоящее время география австрийских исследований в России достаточно широка. Наиболее влиятельные научные центры сложились в Москве и Санкт-Петербурге. Они тесно взаимодействуют с региональными научными школами, которые существуют на Кавказе (в Ставрополе) [Крючков, Крючкова 2018; Крючков, Крючкова 2019; Крючков, Чернов 2018; Птицын 2008] и Тамбове [Миронов 2011]. Следует также отметить интерес к австрийской теме специалистов из Томска [Фоминых 2016, с. 141–151], Нижнего Новгорода [Медоваров 2015, с. 69–77], Воронежа [Семенов 2016, с. 159–164].

В Москве каждый из научных центров развивает свое направление, что обеспечивает взаимодополняемость и тесное сотрудничество. В Институте всеобщей истории РАН особое внимание уделяется XVIII в. и первой половине XIX в. (Е.В. Котова [Котова 2019; Котова 2018], М.А. Петрова [Петрова 2014; Петрова 2009]). В Институте славяноведения РАН исследуются общеавстрийские темы (О.В. Хаванова (эпоха просвещенного абсолютизма) [Хаванова 2018а; Хаванова 2018б], Л.Ю. Пахомова, М.Ю. Дронов и др.); история регионов Австро-Венгрии (Венгерское королевство – О.В. Хаванова [Хаванова 2017]; польские земли – М.Э. Клопова [Клопова 2015; Клопова 2018], словенские земли – Л.А. Кириллина, И.В. Чуркина [Чуркина 2017]². В обоих академических институтах австрийские исследования включены в научную программу по сравнительному изучению империй³.

На кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ успешно развиваются исследования по неославизму, чешско-немецким отношениям, отечественному славяноведению (З.С. Ненашева [Ненашева 2017; Ненашева 2015; Исламов и др. 2008], А.А. Ждановская [Ждановская 2018], Е.Ф. Фирсов

² См. также: Чуркина И.В. Изучение русского языка словенцами в 1860–1870-е гг. // Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте: тезисы международной научной конференции, 28–29 ноября 2016 г. / редкол.: М.Л. Ремнева [и др.]. М., 2016. С. 114–115.

³ Центр по изучению истории многонациональной Австрийской империи, Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/nauchnye-podrazdeleniya/centr-po-izucheniyu-istorii-mnogonacionalnoy-avstriyskoy-imperii>; отдел Новой и Новейшей истории, Институт всеобщей истории РАН. URL: <http://igh.ru/departments/30?locale=ru>

[Фирсов 2015; Фирсов 2016], а также Л.П. Лаптева [Лаптева 2012; Лаптева 2015; Лаптева 2016].

В Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) уже несколько десятилетий реализуются проекты сравнительных исследований Российской империи и монархии Габсбургов. Междисциплинарные исследования объединили историков, культурологов, литературоведов из России, Австрии, Германии и Швейцарии. Научная международная кооперация позволяет ученым осмысливать феномен монархии Габсбургов на междисциплинарном уровне, с привлечением большого массива источников, введенного в исследования за последнее время. Ведь ключевые вопросы продолжают сохранять свою актуальность. Какое влияние, прямое или опосредованное, оказывала монархия Габсбургов на Россию? Какие видимые и глубинные формы взаимодействия сложились между этими крупными многосоставными государствами в течение почти 300 лет? Как отражаются эти великие империи, исчезнувшие, но не забытые, в исторической памяти и историографии современных обществ?

Первые успешные совместные проекты были осуществлены по австрийской литературе XIX – начала XX в. Наиболее значительным стало исследование «Вена как магнит?», изданное под редакцией Нины Сергеевны Павловой и Гертрауд Маринелли-Кёниг [Pavlova 1996]. Еще один крупный проект был реализован в РГГУ по инициативе академика М. Чаки. Российские ученые совместно с австрийскими, немецкими, американскими коллегами из Университета г. Граца провели крупное сравнительное исследование «Друг или враг. Австро-Венгрия и Россия как два многосоставных государства в конце XIX – начале XX в.»

В результате были изданы три книги: «Модерн. Модернизм. Модернизация. По материалам конференции «Эпоха “модерн”: нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX–XX вв.: Россия, Австрия, Германия, Швейцария», «Механизмы власти. Трансформация политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX веков» и «Konfliktzenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell»⁴. Российские, австрийские, немецкие и швейцарские исследователи сравнивали модели презентации власти, коды и символы коллективной идентичности двух государств, динамику и результаты модернизаций, национальную политику и местные условия, сценарии конфликтов и восприятие будущего в среде интеллектуалов и политиков на рубеже веков. Это был

⁴ Модерн. Модернизм. Модернизация. М., 2004; Механизмы власти. М., 2009; Konfliktzenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell. Wien, 2011.

первый опыт тесного международного сотрудничества, в ходе которого не только происходил интенсивный обмен знаниями, но и были намечены новые подходы для сравнительного изучения двух монархий в эпоху модерна.

Крупные проекты по сравнительному изучению художественной культуры Австро-Венгрии были осуществлены Институтом искусствознания⁵.

Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ) совместно с РГГУ и Институтом славяноведения смог объединить исследовательские силы из региональных университетов России. На его базе издано семь выпусков «Российско-австрийского альманаха: исторические и культурные параллели»⁶. В СКФУ регулярно защищаются диссертации, посвященные изучению истории Австро-Венгрии [Новикова 2006; Гогуев 2008; Бекмухаметова 2011; Чернов 2015].

Все российские исследования истории Австро-Венгрии объединила созданная в 2008 г. Российско-австрийская комиссия историков (сопредседатели – академик Александр Оганович Чубарьян и проф. Штефан Карнер). В центре внимания – история взаимоотношений Российской империи и монархии Габсбургов, поддержка и проведение научных исследований различных аспектов истории отношений России и Австрии в XIX–XX вв.

При участии Комиссии был проведен ряд международных конференций, в том числе посвященных Наполеоновским войнам, Первой мировой войне, международным отношениям в Европе. В 2017–2018 гг. членами Комиссии была опубликована на русском и немецком языках книга «Россия и Австрия: вехи совместной истории» [Карнер, Чубарьян 2017; Müller, Pavlenko 2018; Leidinger, Sergeev 2018]. В издании представлен общий взгляд ученых двух стран на события совместной истории – с момента установления первых контактов в конце XV в. до наших дней.

Важно, что в этих трудах политика рассматривалась как поле действия империй, когда отдельные национальные сообщества исследовались в общегосударственном контексте. Такой ракурс

⁵ Художественные центры Австро-Венгрии, 1867–1918 / редкол.: Н.М. Вагапова [и др.]. СПб., 2009. 543 с.; Художественная культура Австро-Венгрии (1867–1918): искусство многонациональной империи / отв. ред. Н.М. Вагапова, Е.К. Виноградова. СПб., 2005. 284 с.

⁶ См., например: Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2004–2019. Вып. 1. 2004. 274 с.; Вып. 5. 2014. 273 с.; Вып. 6: К 150-летию образования Австро-Венгерской империи. 2018. 185 с.

позволил не только более детально и точно реконструировать жизнь большой империи во всех красках повседневности, но и понять стратегии легитимации национализма отдельных ее народов. Но так и остается открытым вопрос о том, как давать оценки эффективности тех или иных имперских механизмов. Нужна ли выработка критериев устойчивости имперского центра перед различными социальными и политическими вызовами? Что важнее – опыт парламентаризма и конституционного развития или сильное централизованное управление?

Осмысление феномена многосоставного государства в настоящее время развивается в сторону дискуссий о критериях и пределах его демократизации. Соответственно, базовые концепты «парламентаризм» и «конституционная монархия» занимают особое место в научных исследованиях. Однако у каждой из изучаемых монархий были свои пределы, перейти которые власть императора просто не могла. Сама идея демократического устройства и национального равенства была чем-то вроде священного Грааля (по меткому выражению Р. Канна), о котором много говорили политики, но практика была далека от реального воплощения.

За последние десятилетия в австрийской, немецкой, американской историографиях, исследованиях в странах Центральной Европы и на Балканах наблюдается спад интереса к славянской теме, иногда доходящий до полного забвения. «Славянство» потеряло свою актуальность в новых интерпретациях как европейской истории в целом, так и истории регионов. Но без компетентной реконструкции этого мощного паттерна прошлого сложно понять процессы интеграции и фрагментации на востоке Европы, как и специфику многоуровневых российско-европейских отношений. Новые методологии позволяют вписать славянский фактор в историю империй не только в geopolитических контекстах, но и на уровне моделей коллективной идентичности, ценностей различных социальных групп, экономических интересов и прагматичных решений.

Вместо заключения

Синтез культурологического подхода с политической антропологией, историко-социологическим анализом, экономической историей и социологическим подходом, наряду с традиционными объяснениями в духе неореализма, позволяет поднять изучение славянской проблематики и внешнеполитических процессов на качественно новый уровень, перейти от описательной последова-

тельности к системным, многофакторным исследованиям. Ведь сущность, смысл, ролевые функции и значение явлений и событий становятся понятными только в масштабе, который задается историческим временем и пространством.

Литература

Безбородов и др. 2017а – Историческое знание и профессиональное гуманитарное образование / А.Б. Безбородов, А.В. Корчинский, О.В. Павленко, П.П. Шкаренков // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4–2 (10). С. 290–299.

Безбородов и др. 2017б – Культурная история как основа исторического образования гуманитариев / А.Б. Безбородов, А.В. Корчинский, О.В. Павленко, П.П. Шкаренков // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4–2 (10). С. 300–305.

Березина 1995 – *Березина А.Г.* Австрийская литература на кафедре истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского университета // Австрийская литература XIX – XX вв / под ред. А.В. Русаковой. СПб., 1995. С. 106–109.

Бекмухаметова 2011 – *Бекмухаметова Д.Х.* «Еврейский вопрос» в Австро-Венгрии в последней трети XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 25 с.

Белобратов 1990 – *Белобратов А.В.* Роберт Музиль: метод и роман. Л.: Изд-во Ленинградского государственного ун-та, 1990. 159 с.

Виноградов 1994 – Очаги тревоги в Восточной Европе: (Драма национальных противоречий): сб. статей / редкол.: В.Н. Виноградов и др.; Ин-т славяноведения и балканистики РАН; Научный центр общеславянских исследований (ЦЕСЛАВ); Международный фонд югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись». М., 1994. 328 с.

Вэнк 1995 – *Вэнк С.* Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 5–24.

Гогуев 2008 – *Гогуев Б.Б.* Социально-экономическое и политическое положение венгерского национального меньшинства в Чехословакии и Румынии в 1918–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 25 с.

Ждановская 2018 – *Ждановская А.А.* Первый среди равных? Австрийское языковое законодательство 1880-х гг. и дискуссия о государственном языке Цислейтания // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 4. С. 46–59.

Жеребин 2011 – *Жеребин А.И.* Вертикальная линия: венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2011. 533 с.

Жеребин 2019 – *Жеребин А.И.* Конец Габсбургской империи и проблема (пост) модернизма // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2. № 1. С. 161–170.

Исламов 1991 – Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. Т.М. Исламов. М.: Ин-т славяноведения и балканстики АН СССР, 1991. 293 с.

Исламов 1995 – *Исламов Т.М.* Конец среднеевропейской империи: размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М.: Ин-т славяноведения и балканстики РАН, 1995. С. 25–48.

Исламов 2001 – *Исламов Т.М.* Империя Габсбургов: Становление и развитие, XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 11–40.

Исламов 2004 – *Исламов Т.М.* Модерн в Средней Европе: Историческая обусловленность. Зарождение. Реализация // Модерн. Модернизм. Модернизация (по материалам конференции «Эпоха «Модерн»: нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX–XX вв.: Россия, Австрия, Германия, Швейцария»). М., 2004. С. 47–84.

Исламов, Миллер 1995 – Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М.: Ин-т славяноведения и балканстики АН СССР, 1995. 231 с.

Исламов и др. 2008 – Австро-Венгрия в период Первой мировой войны / Т.М. Исламов, О.В. Хаванова, С.А. Романенко, З.С. Ненашева // Война и общество в XX в. / отв. ред. С.В. Листиков: В 3 кн. М.: Наука, 2008. Кн. 1. С. 415–471.

Карнер, Чубарьян 2017 – Россия – Австрия: вехи совместной истории / отв. ред. С. Карнер, А. Чубарьян. М.: Энерджи Пресс, 2017. 249 с.

Клопова 2015 – *Клопова М.Э.* Национальные движения восточнославянского населения Галиции XIX – XX вв. в современной русской и украинской историографии // Славянский альманах. 2015. Вып. 1–2. С. 365–378.

Клопова 2018 – *Клопова М.Э.* Революция 1848 г. и начало политической самоорганизации общества // Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Гл. 1. М.: Индрик, 2018. С. 29–51.

Котова 2018 – *Котова Е.В.* Проблема трансформации абсолютистской империи Габсбургов в конституционную монархию в 1860-е гг. и национальный вопрос // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). URL: <https://history.jes.su/s207987840002462-7-1/> (дата обращения 02.07.2021).

Котова 2019 – *Котова Е.В.* Восточный вопрос в российско-австрийских отношениях в 20–30-е гг. XIX в. // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10. Вып. 5 (79). URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840006138-0-1> (дата обращения 02.07.2021).

Крючков, Крючкова 2019 – *Крючков И.В., Крючкова Н.Д.* Историческая память и габсбургский миф: посттравматический синдром человека ХХ в. и товар общества массового потребления // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 86–100.

Крючков, Чернов 2018 – *Крючков И.В., Чернов М.С.* Индустриализация австрийской половины империи Габсбургов (Цислайтания) во второй половине XIX – начале XX в. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2018. 184 с.

Лаптева 2016 – *Лаптева Л.П.* Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – первой четверти XX в.: По данным переписки ученых // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 68–93.

Лаптева 2015 – *Лаптева Л.П.* Галицкий славист Яков Федорович Головацкий (1814–1888) и его связи с чешскими учеными // Славянский альманах. 2015. Вып. 1–2. С. 335–344.

Лаптева 2012 – *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 839 с.

Медоваров 2015 – *Медоваров М.В.* Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 69–77.

Миронов 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.

Миронов 2015 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 992 с.

Миронов 2016 – *Миронов Б.Н.* Концепции и парадигмы в современной историографии // Преподавание истории в школе. 2016. № 6. С. 37–41.

Ненашева 2017 – *Ненашева З.С.* Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и реальность // Современная Европа. 2017. № 7 (79). С. 88–97.

Ненашева 2015 – *Ненашева З.С.* «Консервативное» русофильство и «прогрессивное» западничество чехов накануне и в начале Великой войны в трактовке российского общества и официальных структур, и российского общества // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне: материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 27–28 ноября 2014 г. / под общ. ред. С.С. Степанова, Г.Д. Шкундина. М.: Изд-во МНЭПУ, 2015. С. 506–521.

Новикова 2006 – *Новикова О.Н.* Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX – начала XX в. и ее роль в развитии международных отношений на Балканах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006. 26 с.

Павленко 2018 – *Павленко О.В.* Катастрофа «русской Марсельезы» 1917 г. и ее осмысление в современной историографии // Исторический вестник. 2018. Т. 23. С. 12–37.

Петрова 2014 – *Петрова М.А.* Внешнеполитические проекты Екатерины II и Иосифа II // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2014. Вып. 5. С. 27–41.

Петрова 2009 – *Петрова М.А.* Йозефинизм и проблемы религиозного образования в австрийской монархии в последней четверти XVIII в. // Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII – начале XIX в. / под ред. Е. Токаревой, М. Инглот. СПб.: РХГА, 2009. С. 95–116.

Полубояринова 2006 – *Полубояринова Л.Н.* Леопольд фон Захер-Мазох – австрийский писатель эпохи реализма. СПб.: Наука, 2006. 645 с.

Птицын 2008 – *Птицын А.Н.* Кризис российско-австро-венгерских отношений во второй половине 1880-х годов и его последствия // Проблемы отечественной и зарубежной истории: мнения, оценки, размышления / редкол.: А.П. Горбунов [и др.]. Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического ун-та, 2008. С. 262–282. (Ученые записки кафедры отечественной и зарубежной истории)

Семенов 2016 – *Семенов М.Ю.* Исторический опыт организации народного просвещения в Австро-Венгрии и России в конце XIX – начале XX в. (на примере Народного университета в Вене и Воронежского общества народных университетов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 159–164.

Чубарьян 2015 – *Чубарьян А.О.* Роль гуманитарного знания в современном обществе // Роль гуманитарных наук в современном обществе: состояние и перспективы: сб. статей / отв. ред. Е.И. Пивовар, В.И. Заботкина, К. Вульф. М.: РГГУ, 2015. С. 38–42.

Чубарьян 2016 – *Чубарьян А.О.* Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 5. С. 387–395.

Чуркина 2017 – *Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2017. 574 с.

Хаванова 1997 – Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О.В. Хаванова. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. 318 с.

Хаванова 2018a – *Хаванова О.В.* Усердие, честолюбие и карьера: Чиновничество в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма. М.: Индрик, 2018. 359 с.

Хаванова 2018b – Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. / отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2018. 406 с.

Хаванова 2017 – *Хаванова О.В.* Венгрия в «большом пестром саду» Франца Иосифа: политическая реальность и исторический миф // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2017. Т. 12. Вып. 1. С. 274–281.

Ханак 1953 – *Ханак П.* Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848–1849 гг. Budapestini: Academia Scieniarum Hungarica, 1953. 80 с.

Ханак 1995 – *Ханак П.* Национальная компенсация за отсталость // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т.М. Исламов

мов, А.И. Миллер. М.: Ин-т славяноведения и балканстики РАН, 1995. С. 48–62.

Фирсов 2015 – *Фирсов Е.Ф.* Т.Г. Масарик в предвоенной России и развитие чешско-русских связей // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне: материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 27–28 ноября 2014 г. / под общ. ред. С.С. Степанова, Г.Д. Шкундина. М.: Изд-во МНЭПУ, 2015. С. 532–540.

Фирсов 2016 – *Фирсов Е.Ф.* Чешский народ на пути к независимости:увековечение памяти Яна Гуса в Праге в 1915 г. // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915: материалы V Международной научно-практической конференции (25–28 ноября 2015 г.) / под общ. ред. С.С. Степанова, Г.Д. Шкундина. М.: Изд-во МНЭПУ, 2016. С. 601–606.

Фоминых 2016 – *Фоминых С.Ф., Степнов А.О.* Статус славянских языков в университетах Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX в. (на материалах журнала «Славянский век») // Русин. 2016. № 4 (46). С. 141–152.

Фрейдзон 1997 – *Фрейдзон В.И.* Не увлекаться крайностями // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М.: Ин-т славяноведения и балканстики РАН, 1997. С. 9–13.

Чернов 2015 – *Чернов М.С.* Индустриализация Австрии во второй половине XIX – начале XX в.: особенности и основные направления: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015. 29 с.

Kryuchkov, Kryuchkova 2018 – *Kryuchkov I.V., Kryuchkova N.D.* Russia and Austria-Hungary: non-political dialogue of two empires in the last third of the 19th – the beginning of the 20th century // Bylye Gody. 2018. Vol. 49. No. 3. P. 1175–1185. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1535634587.pdf (дата обращения 22.10.2020).

Leidinger 2018 – *Leidinger H., Sergeev E.* Der Erste Weltkrieg. Der Prozess des Zerfalls beider Monarchien // Österreich – Russland: Stationen gemeinsamer Geschichte / Hg. S. Karner, A. Tschubarjan. Graz; Wien: Leykam Buchverlag GmbH & Co, 2018. S. 91–120.

Müller, Pavlenko 2018 – *Müller W., Pavlenko O.* Russland und die Habsburgermonarchie, 1853–1914: Von Krisen zum Untergang // Österreich – Russland: Stationen gemeinsamer Geschichte / Hg. S. Karner, A. Tschubarjan. Graz; Wien: Leykam Buchverlag GmbH & Co, 2018. S. 63–90.

Pavlova 1996 – Wien als Magnet? Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt / Hrsg. von G. Marinelli-König, N. Pavlova. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996. 613 S.

Pavlenko, Bezborodov 2012 – *Pavlenko O., Bezborodov A.* Die Aktualisierung historischer Erfahrung in russischen Lehrbüchern der 1990er und 2000er Jahre // Wirtschaft. Macht. Geschichte: Brüche und Kontinuitäten im 20. Jahrhundert: Festschrift Stefan Karner / Hg. G. Schöpfer, B. Stelzl-Marx. Graz: Leykam, 2012. S. 589–606.

References

Bezborodov, A.B., Korchinskii, A.V., Pavlenko, O.V. and Shkarenkov, P.P. (2017), "Historical knowledge and professional education in the humanities", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, vol. 10, no. 4–2, pp. 290–299.

Bezborodov, A.B., Korchinskii, A.V., Pavlenko, O.V. and Shkarenkov, P.P. (2017), "Cultural history as a basis for historical education in the humanities", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, vol. 10, no. 4–2, pp. 300–305.

Berezina, A.G. (1995), "Austrian Literature at the Department of the History of Foreign Literature at St. Petersburg University", in Rusakova, A.V., ed., *Avstriiskaya literatura XIX–XX vv. [Austrian literature of the 19th – 20th centuries]*, Saint Petersburg, Russia, pp. 106–109.

Bekmuhametova, D.H. (2011), "Evreiskij vopros" v Avstro-Vengrii v poslednii treti XIX – nachale XX v. [The "Jewish question" in Austria-Hungary in the last third of the 19th – early 20th century], Abstract of Ph.D. dissertation (History)], Stavropol, Russia.

Belobratov, A.V. (1990), *Robert Muzil': metod i roman* [Robert Musil: Method and Novel], Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, Leningrad, USSR.

Chubar'yan, A.O. (2015), "The role of humanitarian knowledge in modern society", in Pivovar, E.I., Zabotkina, V.I. and Vul'f, K., eds., *Rol' gumanitarnykh nauk v sovremennom obshchestve: sostoyanie i perspektivy* [The role of the humanities in modern society: current state and prospects], RGGU, Moscow, Russia, pp. 38–42.

Chubar'yan, A.O. (2016), "The Second World War in modern historiography and public consciousness", *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 86, no. 5, pp. 387.

Churkina, I.V. (2017), *Rossiya i slavyane v ideologii slovenskikh natsional'nykh deyatelei XVI v. – 1914 g.* [Russia and the Slavs in the ideology of Slovenian national democratic leaders of the 16th century – 1914], Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, Russia.

Firsov, E.F. (2015), "T.G. Masaryk in pre-war Russia and the development of Czech-Russian relations", in Stepanov, S.S. and Shkundin, G.D., eds., *Pervaya mirovaya voina: vzglyad spustya stoletie. 1914 god: ot mira k voine: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Moskva, 27–28 noyabrya 2014 g. [The First World War: a look after a century. 1914: from peace to war: proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 27–28 2014], Izdatel'stvo MNEPU, Moscow, Russia, pp. 532–540.

Firsov, E.F. (2016), "The Czech people on their way to independence: Commemoration of Jan Huss in Prague in 1915", in Stepanov, S.S. and Shkundin, G.D., eds., *Pervaya mirovaya voina: vzglyad spustya stoletie. 1915: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (25–28 noyabrya 2015 g.)* [The First World War: a look after a century. 1915: from peace to war: Proceedings of the 5th Interna-

tional Scientific and Practical Conference, Moscow, November 27–28 Nov. 2015], Izdatel'stvo MNEPU, Moscow, Russia, pp. 601–606.

Fominykh, S.F. and Stepnov, A.O. (2016), Status slavyanskikh yazykov v universitetakh Avstro-Vengrii v kontse XIX – nachale XX v. (na materialakh zhurnala "Slavyanskii Vek") [The status of Slavic languages in the universities of Austria-Hungary in the late 19th and early 20th centuries (based on the materials of the "Slavyansky Vek" magazine], *Rusin*, vol. 46, no. 4, pp. 141–151.

Freidzon, V.I. (1997), "Don't get carried away by extremes", in Islamov, T.M. and Miller, A.I., eds., *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Avstro-Vengriya: integracionnye processy i nacional'naya specifika. [Austria-Hungary: integration processes and national specifics], Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, Moscow, Russia, pp. 9–13.

Goguev, B.B. (2008), Social'no-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie venger-skogo nacional'nogo men'shinstva v Chekhoslovakii i Rumynii v 1918–1939 gg. [The socio-economic and political situation of the Hungarian national minority in Czechoslovakia and Romania in 1918–1939], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Stavropol, Russia.

Islamov, T.M., ed. (1991), *Natsiya i natsional'nyi vopros v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Nation and the national question in the countries of Central and Southeastern Europe in the second half of the 19th – early 20th century], Institut slavyanovedeniya i balkanistiki AN SSSR, Moscow, Russia.

Islamov, T.M. (1995), "The end of the Central European Empire: Reflections on the place and role of the Habsburg Empire in European history", in Islamov, T.M. and Miller, A.I., eds., *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: the experience of a multinational state], Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, Moscow, Russia, pp. 25–48.

Islamov, T.M. (2001), "The Habsburg Empire: Formation and development, 16th – 19th centuries", *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 2, pp. 11–40.

Islamov, T.M. (2004), "Modernity in Central Europe: Historical conditioning. The origin. Realization", in *Modern. Modernizm. Modernizatsiya (po materialam konferentsii "Epokha 'Modern': normy i kazusy v evropeiskoi kul'ture na rubezhe XIX–XX vv.: Rossiya, Avstriya, Germaniya, Shveitsariya")* [Modernity. Modernism. Modernization (based on the materials of the conference "The Modern Era: norms and incidents in European culture at the turn of the 19th and 20th centuries: Russia, Austria, Germany, Switzerland")], Moscow, Russia, pp. 47–84.

Islamov, T.M. and Miller, A.I., eds. (1995), *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: the experience of a multinational State], Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, Moscow, Russia.

Islamov, T.M., Khavanova, O.V., Romanenko, S.A. and Nenasheva, Z.S. (2008), 'Austria-Hungary during the First World War', in Listikov, S.V., ed., *Voina i obshchestvo v XX v.* [War and society in the 20th century], book 1, Nauka, Moscow, Russia, pp. 415–471.

Karner, S. and Tschubarjan, A., eds. (2017), *Rossiya – Avstriya: vekhi sovmestnoi istorii* [Russia – Austria: milestones of a joint history], Enerdzh Press, Moscow, Russia.

Khanak, P. (1953), *Ugnechtennye narody Avstriiskoi imperii i Vengerskaya revolyutsiya 1848–1849 gg.* [The oppressed peoples of the Austrian Empire and The Hungarian Revolution of 1848–1849], Academia Scienciarum Hungarica, Budapestini, Hungary.

Khanak, P. (1995), “National compensation for backwardness”, in Islamov, T.M. and Miller, A.I., eds., *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: the experience of a multinational state], Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, Moscow, Russia, pp. 48–62.

Khavanova, O.V., ed. (1997), *Avstro-Vengriya: integratsionnye protsessy i natsional'naya spetsifika* [Austria-Hungary: integration processes and national specifics], Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, Moscow, Russia.

Khavanova, O.V. (2017), “Hungary in Franz Josef's 'Big Colorful Garden': Political reality and historical myth”, *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii*, vol. 12, iss. 1, pp. 274–281.

Khavanova, O.V. (2018), *Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniya v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 gg.* [Political parties and social movements in the Habsburg Monarchy, 1848–1914], Moscow, Russia.

Khavanova, O.V. (2018), *Userdie, chestolyubie i kar'era. Chinovnichestvo v monarkhii Gabsburgov v epokhu prosveshchennogo absolyutizma* [Diligence, ambition and career: Officialdom in the Habsburg Monarchy in the Era of Enlightened Absolutism], Indrik, Moscow, Russia.

Klopova, M.E. (2015), “Russian and Ukrainian historiography on the national movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th and 20th centuries”, *Slavic Almanac*, iss. 1–2, pp. 365–378.

Klopova, M.E. (2018), “The Revolution of 1848 and the beginning of the political self-organization of society”, in *Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniya v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914* [Political parties and social movements in the Habsburg Monarchy], Ch. 1, Indrik. Moscow, Russia, pp. 29–51.

Kotova, E.V. (2018), “The problem of the transformation of the Absolutist Habsburg Empire into a constitutional monarchy in the 1860s and the national question”, *Istoriya: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*, vol. 9, iss. 8 (72), available at: <https://history.jes.su/s207987840002462-7-1/> (Accessed 2 July 2021).

Kotova, E.V. (2019), “The Eastern question in Russian-Austrian relations in the 20–30s of the 19th century”, *Istoriya: Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*, vol. 10, iss. 5 (79). available at: <https://ras.jes.su/history/s207987840006138-0-1> (Accessed 2 July 2021).

Kryuchkov, I.V. and Kryuchkova, N.D. (2018), “Russia and Austria-Hungary: non-political dialogue of two empires in the last third of the 19th – the beginning of the 20th century”, *Bylye Gody*, vol. 49, no. 3, pp. 1175–1185, available at: http://ejournal52.com/journals_n/1535634587.pdf (Accessed 22 Oct. 2020).

Kryuchkov, I.V. and Kryuchkova, N.D. (2019), “Historical memory and the Hapsburg myth: the post-traumatic syndrome of twentieth-century man and the commodity of mass consumption society”, *Dialogue with Time*, no. 66, pp. 86–100.

Kryuchkov, I.V. and Chernov, M.S. (2018), *Industrializatsiya avstriiskoi poloviny imperii Gabsburgov (Tsislaitanii) vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Industrialization of the Austrian half of the Habsburg Empire (Cisleithania) in the second half of the 19th – early 20th century], Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet, Stavropol, Russia.

Lapteva, L.P. (2016), “Galician Slavist Yakov Fedorovich Golovatsky (1814–1888) and his connections with Czech scientists”, *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 1, pp. 68–93.

Lapteva, L.P. (2015), “Galician Slavist Yakov Fedorovich Golovatsky (1814–1888) and his connections with Czech scientists”, *Slavic Almanac*, iss. 1–2, pp. 335–344.

Lapteva, L.P. (2012), *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoi treti XX v.* [The history of Slavic Studies in Russia at the end of the 19th – the first third of the 20th century], Indrik, Moscow, Russia.

Leidinger, H. and Sergeev, E. (2018), “Der Erste Weltkrieg. Der Prozess des Zerfalls beider Monarchien”, Karner, S. and Tschubarjan, A., eds. *Österreich – Russland: Stationen gemeinsamer Geschichte*, Leykam Buchverlag GmbH & Co, Graz, Wien, Austria, SS. 91–120.

Marinelli-König, G. and Pavlova, N. (1996), *Wien als Magnet? Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt*, Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien, Austria.

Medovarov, M.V. (2015), “The crisis of Austria-Hungary and Russian conservative thought on the eve of the First World War”, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, no. 1, pp. 69–77.

Mironov, B.N. (2014), *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity], book 1, Dmitrii Bulanov, Saint Petersburg, Russia.

Mironov, B.N. (2015), *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity], book 3, Dmitrii Bulanov, Saint Petersburg, Russia.

Mironov, B.N. (2016), *Kontseptsii i paradigmy v sovremennoi istoriografii* [Concepts and paradigms in modern historiography], *Prepodavanie istorii v shkole*, no. 6, pp. 37–41.

Müller, W. and Pavlenko, O. (2018), “Russland und die Habsburgermonarchie, 1853–1914: von Krisen zum Untergang”, in Karner, S. and Tschubarjan, A., eds. *Österreich – Russland: Stationen gemeinsamer Geschichte*, Leykam Buchverlag GmbH & Co, Graz, Wien, Austria, SS. 63–90.

Nenasheva, Z.S. (2017), “Czechs in Russia between two revolutions: dreams, illusions and reality”, *Sovremennaya Evropa*, vol. 79, no. 7, pp. 88–97.

Nenasheva, Z.S. (2015), “The ‘conservative’ Russophilia and ‘progressive’ Westernism of the Czechs on the eve and at the beginning of the Great War in the interpretation of Russian society and official structures, and Russian society”, in Stepanov, S.S. and Shkundin, G.D., eds., *Pervaya mirovaya voyna: vzglyad spustya stoletie. 1914 god: ot mira k voine: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*,

Moskva, 27–28 noyabrya 2014 g. [The First World War: a look after a century. 1914: from peace to war: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 27–28, 2014], Izdatel'stvo MNEPU, Moscow, Russia, pp. 506–521.

Novikova, O.N. (2008), *Bosniisko-gercegovinskaya politika Avstro-Vengrii poslednei treti XIX – nachala XX v. i ee rol' v razvitiu mezhdunarodnykh otnoshenii na Balkanakh* [The Bosnian-Herzegovinian policy of Austria-Hungary in the last third of the 19th – early 20th century and its role in the development of international relations in the Balkans], Abstract of Ph.D. dissertation (History). Stavropol, Russia.

Pavlenko, O.V. (2018), "The disaster of the 'Russian Marseillaise' of 1917 and its interpretation in modern historiography", *Istoricheskii vestnik*, vol. 23, pp. 12–37.

Pavlenko, O. and Bezborodov, A. (2012), "Die Aktualisierung historischer Erfahrung in russischen Lehrbüchern der 1990er und 2000er Jahre", in Schöpfer, G. and Stelzl-Marx, B., eds., *Wirtschaft. Macht. Geschichte: Brüche und Kontinuitäten im 20. Jahrhundert: Festschrift Stefan Karner*, Leykam, Graz, Austria, pp. 589–606.

Petrova, M.A. (2014), "The foreign policy projects of Catherine II and Joseph II", in Rossiisko-avstriiskii al'manakh: istoricheskie i kul'turnye parallel'i [перевод], Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet, Stavropol', Russia, iss. 5, pp. 27–41.

Petrova, M.A. (2009), "Josephism and the problems of religious education in the Austrian Monarchy in the last quarter of the 18th century", in Tokareva, E. and Inglot, M., eds., *Religioznoe obrazovanie v Rossii i Evrope v kontse XVIII – nachale XIX v.* [Religious education in Russia and Europe at the end of the 18th – beginning of the 19th century], RKhGA, Saint Petersburg, Russia, pp. 95–116.

Poluboyarinova, L.N. (2006), *Leopol'd fon Zakher-Mazokh – avstriiskii pisatel' epochi realizma* [Leopold von Sacher-Masoch is an Austrian writer of the era of realism], Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Ptitsyn, A.N. (2008), "The crisis of Russian-Austro-Hungarian relations in the second half of the 1880s and its consequences", in *Problemy otechestvennoi i zarubezhnoi istorii: mneniya, otsenki, razmyshleniya* [Problems of Russian and foreign history: opinions, assessments, reflections], Izdatel'stvo Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, Pyatigorsk, Russia, pp. 262–282. (*Uchenye zapiski kafedry otechestvennoi i zarubezhnoi istorii*)

Semenov, M.Yu. (2016), "The historical experience of the organization of public education in Austria-Hungary and Russia in the late 19th – early 20th century (using the example of the National University in Vienna and the Voronezh Society of National Universities)", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 63, no. 1, pp. 159–164.

Vehnk, S. (1995), "A dynastic empire or a multinational state: Reflections on the legacy of the Habsburg Empire in the national question", in Islamov, T.M. and Miller, A.I., eds., *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: the experience of a multinational state], Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, Moscow, Russia, pp. 5–24.

Zhdanovskaya, A.A. (2018), “The first among equals? The Austrian language legislation of the 1880s and the discussion about the official language of Cisleithania”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Iстория*, no. 4, pp. 46–59.

Zherebin, A.I. (2011), *Vertikal'naya liniya: venskii modern v smyslovom prostranstve russkoi kul'tury* [Vertical line: Viennese Art Nouveau in the semantic space of Russian culture], Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova, Saint Petersburg, Russia.

Zherebin, A.I. (2019), “The end of the Habsburg Empire and the problem of (post) modernism”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, vol. 2, no. 1, pp. 161–170.

Информация об авторе

Ольга В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; pavlenko@rggu.ru

ORCID ID: 0000-0001-5734-4048

Information about the author

Olga V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; pavlenko@rggu.ru

ORCID ID: 0000-0001-5734-4048

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 371(48)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-90-112

Политико-культурные детерминанты «школьного чуда» в современной Финляндии

Владимир В. Насонкин

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия, nasonkin_vv@pfur.ru*

Аннотация. В статье дается анализ основных характеристик современного школьного образования Финляндии, являющихся результатом целенаправленной государственной политики в этой сфере.

Главный принцип финского социального государства – это принцип равенства, стремление не допустить социально-классовых и социокультурных расколов в обществе, максимально гармонизировать отношения между различными социальными группами. В основе государственной политики Финляндии в сфере образования лежит глубоко укоренившееся как в правовой системе страны, так и в общественном сознании убеждение, что каждый гражданин страны имеет равное право на получение образования. Восхождение Финляндии на самый высокий уровень образования стало результатом ряда политических решений, сознательно принятых, продуманных и последовательно реализованных на протяжении длительного периода, а также факторов, обусловленных культурой и историей страны.

Использование методологии культурных изменений Г. Хофтеде позволяет обосновать вывод о том, что успех школьного образования этой страны связан с его соответствием ценностным ориентациям, культуре и традициям финского общества. Поэтому при применении его основных компонентов в иных общественных системах необходимо адаптировать их к политико-культурным особенностям каждой конкретной страны.

Ключевые слова: образование, школа, государственная политика, Финляндия, культура, традиции, менталитет

Для цитирования: Насонкин В.В. Политико-культурные детерминанты «школьного чуда» в современной Финляндии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 90–112. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-90-112

© Насонкин В.В., 2025

The political and cultural determinants of the “school miracle” in modern Finland

Vladimir V. Nasonkin

RUDN University, Moscow, Russia, nasonkin_vv@pfur.ru

Abstract. The article analyzes the basic characteristics of modern Finnish school education, which are the result of a purposeful state policy in the sphere.

The main principle of the Finnish welfare state is the principle of equality, the intention to prevent social-class and socio-cultural divisions in society, and to harmonize relations between different social groups as much as possible. Finland's public policy in the field of education is based on the deeply ingrained belief, both in the country's legal system and in the public consciousness, that every citizen of the country has an equal right to education. Finland's rise to the highest level of education was the result of a number of political decisions that were deliberately made, thought out and sustained over a very long period of time, as well as factors inherent in the culture and history of the country.

The use of Hofstede's methodology of cultural change makes it possible to substantiate the conclusion that the key to the success of school education in this country lies in its compliance with the value orientations, culture and traditions of Finnish society. Accordingly, when using its main components in other social systems, it is necessary to adapt them to the political and cultural characteristics of the respective country.

Keywords: education, school, public policy, Finland, culture, traditions, mentality

For citation: Nasonkin, V.V. (2025), “The political and cultural determinants of the ‘school miracle’ in modern Finland”, RSUH/RGGU *Bulletin. “Political Science. History. International Relation” Series*, no. 5, pp. 90–112, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-90-112

Введение

Проблемы образования сегодня находятся в центре внимания мировой «повестки дня», что, с одной стороны, объясняется переходом к так называемой «экономике знаний», с другой – возрастанием ценности образования как одного из важнейших условий реализации творческого потенциала личности. Именно образование становится одним из наиболее значимых показателей конкурентоспособности страны в современном глобализирующемся мире. Не случайно в последние годы столь важное значение (в том числе на государственном уровне) придается различного рода рейтингам,

позволяющим более или менее адекватно оценивать успехи конкретной образовательной системы в сравнении с достижениями других стран мира и задуматься о возможности применения опыта наиболее успешных из них в этом отношении для повышения эффективности собственной системы образования. Следует при этом подчеркнуть, что порой объективные результаты оказываются достаточно неожиданными и заставляют по-новому посмотреть на, казалось бы, устоявшиеся представления. Именно к такому переосмыслинию принципов современного школьного образования привели опубликованные Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в декабре 2001 г. результаты первого международного исследования, в котором приняли участие 15-летние школьники из разных стран мира¹. Именно после публикации результатов этого теста в центре всеобщего внимания и оказалась Финляндия. Связано это было с целым рядом показателей, среди которых наибольший интерес вызвали следующие:

1. Финляндия заняла лидирующее положение среди всех стран ОЭСР.
2. Достижения учеников в различных школах и регионах Финляндии практически не отличались друг от друга.
3. Ситуация в семье оказывала значительно меньшее влияние на результаты детей, чем в других странах.
4. При этом все это достигнуто за счет сравнительно небольших финансовых средств.

Естественный вопрос о причинах и условиях, позволивших Финляндии обойти в отношении школьного образования значительно более успешные в экономическом отношении страны мира, волнует политиков и специалистов в сфере образования уже на протяжении почти двух десятилетий. Еще в 1984 г. вышел научный труд Д. Уиттакера, посвященный исследованию «новых школ» в Финляндии [Whittaker 1984]. Наиболее интересные работы в данной сфере, естественно, принадлежат финским ученым и практикам, среди которых в первую очередь надо назвать Паси Сальберга [Сальберг 2015; Sahlberg 2015; Sahlberg, Doyle 2019]. Поскольку наибольшее удивление достижения финского образования вызвали в США, где сразу же возникла идея использования опыта Финляндии, то именно американские специалисты стали авторами многочисленных

¹ Тест Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) дает оценку того, насколько школьники хорошо освоили родной язык, математику и естественные науки. При этом следует особо отметить, что оцениваются не только теоретические навыки, но и умение применять знания на практике (см.: <https://minedu.fi/en/pisa-2000-en>).

публикаций, оценивающих «финское школьное чудо» извне [Уокер 2018; Darling-Hammond 2019; Dickinson 2019; Doyle 2016; Gorski, Zelnikov 2014; Malone 2013], а также анализирующих влияние глобализации на школьное образование [Segall 2016; Tienken, Orlich 2013] и предлагающих пути развития современных школьных систем путем апробации успешного опыта других стран [Tröhler, 2015]. В условиях бурных дискуссий по поводу реформирования российского образования отечественные педагоги и ученые также посвятили целый ряд достаточно интересных работ ситуации в Финляндии [Антушина 2013; Бейзеров 2009; Бражник, Бражник 2012; Подзолков, Шайденко, Володин 2017а; Подзолков, Шайденко, Володин 2017б]². Школьное образование Финляндии как часть культуры на всех ее уровнях и феномен XXI в. является предметом оживленных научных дискуссий [Син 2016; Стамболовская 2017].

Почти все из упомянутых нами основных исследований финского «школьного чуда» проведены специалистами в области педагогики и психологии и в большей степени носят констатирующий, описательный, а не аналитический характер. Даже там, где в названии статей упоминаются «социальные» и «социокультурные» условия [Подзолков, Шайденко, Володин 2017а; Подзолков, Шайденко, Володин 2017б], социально-экономические факторы [Бутова 2014], в самом содержании они затрагиваются лишь вскользь. Ряд научных статей описывают результаты реформ общеобразовательных школ Финляндии [Мачехина 2016], феноменальность финской образовательной системы равных возможностей [Прокулович 2016], особенности финляндского подхода миротворческого образования [Смирнова 2017]. Соответственно, на наш взгляд, вопрос о факто-рах успеха финских школ в аналитическом аспекте так и остается открытым.

В данной статье мы предлагаем собственный вариант ответа на этот вопрос, связывая его с тем, что проводимая государством реформа школьного образования была направлена не только (а порой и не столько) на следование глобальным трендам, сколько прежде всего на учет ценностных установок, интересов и запросов самого финского общества. Для доказательства этого мы используем методологию культурных измерений, разработанную нидерландским социологом Гертом Хофтеде на основе факторного анализа [Minkov 2013].

² См. также: Володин Д.А., Подзолков В.Г., Сергеев А.Н., Кипурова С.Н. Развитие системы школьного образования в Финляндии в контексте европейских интеграционных процессов: Учебное пособие. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2016. 98 с.

Основные этапы формирования современной системы школьного образования Финляндии

Трансформация системы образования финнов как ключевой движущей силы плана экономического восстановления страны началась более 50 лет назад. Педагоги и не подозревали, что она была настолько успешной, до 2001 г., когда первые результаты программы международной оценки учащихся (PISA), стандартизированного теста, проводимого для 15-летних подростков в более чем 40 глобальных центрах, показали, что финская молодежь является лучшим молодым читателем в мире³. Три года спустя они уже занимались математикой. К 2006 г. Финляндия была первой из 57 стран (и нескольких городов) в области естественных наук. В 2009 г. по результатам PISA страна заняла второе место в естественных науках, третье – в чтении и шестое – в математике среди почти полумиллиона школьников по всему миру⁴. И хотя по результатам 2018 г. отмечается некоторое снижение результатов финских школьников (как, впрочем, и в целом по ОЭСР), страна все равно сохраняет ведущие позиции в Европе (2-е место)⁵.

В этой ситуации возникает естественный вопрос о причинах такого успеха и возможностях применения финского опыта в других странах. Ричард Р. Вердugo, анализируя симметрию реформ образования в разных странах, называет «успеваемость учеников» значимым показателем борющихся стран за успех образовательной политики [Verdugo 2014].

Прежде всего необходимо признать, что высокая эффективность школьного образования в Финляндии является результатом достаточно долгого и целенаправленного процесса реформирования, последовательной государственной политики в этой сфере, получившей поддержку финского общества. Остановимся на основных решениях, которые заложили базовые параметры современной школы в этой стране.

В основе государственной политики Финляндии в сфере образования лежит глубоко укоренившееся, как в правовой системе страны, так и в общественном сознании убеждение, что каждый гражданин страны имеет равное право на получение образования. Еще в 1919 г.

³ Sahlberg P. What the U.S. can't learn from Finland. URL: <https://pasisahlberg.com/text/> (дата обращения 20.05.2025).

⁴ PISA databases. URL: <https://www.oecd.org/pisa/data/> (дата обращения 20.05.2025).

⁵ PISA 2018 Overviews. URL: https://www.oecd.org/pisa/publications/PISA2018_CN_FIN.pdf (дата обращения 20.05.2025).

Финляндия закрепила положения об образовании в качестве права. Статья 16 Конституции страны недвусмысленно гласит: «Каждый человек имеет право на бесплатное базовое образование», и это право гарантирует гражданам «возможность развиваться самостоятельно, не сталкиваясь с экономическими трудностями»⁶.

В 1963 г. парламент Финляндии сделал выбор в пользу государственного образования в качестве ключевой движущей силы плана экономического восстановления страны. Паси Сальберг, один из ведущих финских специалистов в сфере образования, назвал это решение «великой мечтой финского образования», пояснив, что в его основе лежала «идея, что у каждого ребенка будет очень хорошая государственная школа. Если мы хотим быть конкурентоспособными, мы должны обучать всех. Все это было вызвано необходимостью выжить» [Sahlberg 2015, p. 29]. В соответствии с этим все государственные школы были организованы в одну систему общеобразовательных школ для детей в возрасте от 7 до 16 лет. Учителя со всей страны внесли свой вклад в национальную учебную программу, которая, однако, содержала лишь руководящие принципы, а не предписания.

Второе ключевое решение было принято в 1979 г., когда реформаторы потребовали, чтобы каждый учитель в рамках пятого курса обучения в вузе получил за государственный счет степень магистра по теории и практике в одном из восьми университетов. С тех пор учителя фактически получили равный статус с врачами и юристами, то есть были признаны профессионалами высшей квалификации. При этом наплыв желающих стать школьными учителями связан не столько с высоким уровнем заработной платы (Финляндия по этому показателю занимает серединное положение среди стран ЕС⁷), сколько с самостоятельностью, возможностью творческой деятельности, высоким социальным статусом и уважением данной профессии в обществе.

К середине 1980-х гг. окончательно сформировалась современная система школьного образования, характеризовавшаяся следующими особенностями.

Во-первых, ответственность и подотчетность в финской системе школьного образования строятся снизу-вверх. Школы находятся

⁶ Suomen perustuslaki. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731> (дата обращения 20.05.2025).

⁷ Teachers' and school heads' salaries and allowances in Europe. 2017/18. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d2009f6e-ef02-11e9-a32c-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-107169048> (дата обращения 20.05.2025).

в ведении органов местного самоуправления, и министерство образования не имеет возможности напрямую влиять на их деятельность. Местные власти отвечают за прием на работу директора, заключая с ним контракт, как правило, на шесть или семь лет, однако повседневная ответственность за управление школами остается на специалистах в области образования, как и ответственность за обеспечение прогресса учащихся.

Инспектирование школ извне не осуществляется. Помимо периодических выборочных оценок, проводимых в различных классах Национальным советом по вопросам образования, централизованный механизм контроля над деятельностью школ отсутствует. Роль Национального совета по оценке в большей степени сосредоточена на государственной образовательной политике, чем на деятельности отдельных школ. Существует национальный экзамен на аттестат зрелости, который проводится в конце средней школы, но его функция заключается в том, чтобы удостоверить то, что знает ученик, а не оценивать качество его или ее школы.

Качество обучения контролируется самими учителями и директорами. Кандидаты в учителя отбираются в значительной степени на основе их способности реализовать на практике основную миссию государственного образования, которая является высокоморальной и гуманистической, а также гражданской и экономической. Подготовка, которую они получают, направлена на формирование глубокого чувства индивидуальной ответственности за обучение и благополучие всех учащихся, находящихся под их опекой. Высокий уровень доверия общества к школам рождает сильное чувство коллективной ответственности за успех каждого ученика.

Во-вторых, в стране отсутствуют какие-либо национальные (государственные) стандарты образования, которые бы определяли программу обучения, или нормативы, что ребенок должен знать и уметь. Каждый учитель сам должен ставить цели и определять программу, по которой будут учиться именно в данном классе. Конечно, учителя ориентируются на международные стандарты, но учитывают при этом специфику своих учеников. В Финляндии нет системы общего тестирования или единого экзамена в школах, только выпускные. В дополнение к этому есть вступительный экзамен после окончания старшей школы, но его пишут 19-летние ученики, которые хотят поступить в университет.

В-третьих, вопреки распространенному мнению, частные школы в Финляндии не запрещены, однако они по своему характеру резко отличаются от того, что понимается под частным сектором

образования в других странах. В соответствии с Законом о базовом образовании образовательное учреждение (школа) не может стремиться к финансовой выгоде. Школы не имеют права собирать плату за обучение или получать какие-либо иные виды частного финансирования – все финансирование должно поступать только от муниципалитетов и/или центрального правительства. Таким образом, частная школа может быть создана некоммерческой частной компанией, обществом или трастом и получать государственное (муниципальное) финансирование, являясь бесплатной для учащихся. Школы не имеют права отбирать будущих учеников и в целом не играют сколько-нибудь существенной роли в системе школьного образования, охватывая своей деятельностью только порядка 2–3% от общего числа школьников в стране⁸.

В-четвертых, в стране отсутствует конкуренция между школами. Базовая государственная установка: все учебные заведения должны быть хорошими независимо от того, где они находятся и кого обучают. Соответственно, и дополнительные ресурсы выделяются тем, кому они в большей степени необходимы. Следует особо подчеркнуть, что в Финляндии само понятие конкурентоспособности в образовании практически не применяется внутри страны, а относится только к позиционированию школ Финляндии в мире. Внутри страны, наоборот, ставка делается на выравнивание уровня получаемого образования. Различия по шкале PISA/ TIMSS между школами составляет всего 5%, в то время как в других странах ОЭСР оно в среднем достигает 33% [Sahlberg 2015, р. 59].

В самой финской педагогической системе делается четкое различие между здоровой и нездоровой состязательностью. Учеников мотивируют на соревнование с самим собой, а не на конкуренцию с другими школьниками, которая неминуемо приводит к тому, что всегда есть победители и проигравшие.

Главный принцип финского социального государства – это принцип равенства, стремление не допустить социально-классовых и социокультурных расколов в обществе, максимально гармонизировать отношения между различными социальными группами. Об успехах Финляндии в этом направлении достаточно убедительно свидетельствуют международные сравнения индексов неравенства по странам (табл. 1).

⁸ Dickinson K. Why the U.S. can't replicate Finland's educational success. March 28. 2019. URL: <https://bigthink.com/culture-religion/finland-education-system> (дата обращения 20.05.2025).

Таблица 1

Международные сравнения индексов неравенства по странам⁹

Страна	Квинтильный коэффициент дохода ¹⁰	Индекс Пальмы ¹¹	Индекс Джини ¹²
Финляндия	3,9	1	27,1
Швеция	4,2	0,9	27,3
Исландия	4	1	26,9
Франция	5,3	1,3	33,1
Германия	4,6	1,1	30,1
США	9,1	2	41,1
Россия	8,2	2	41,6

Существуют разные составляющие, обеспечивающие право на равенство в школьном образовании:

1. Выбор школы определяется родителями согласно месту проживания. Школы не могут делиться на престижные и примитивные, все образовательные учреждения общего образования равны.

2. Никто из родителей учеников не имеет преимуществ, определяемых его социальным статусом. Учителя не имеют право собирать информацию о благосостоянии и/или трудоустройстве законных представителей ребенка, все родители равны.

3. Индивидуальные особенности ребенка и его способности к обучению не могут явиться причиной для дискриминации или унижения, классы не могут делиться по учебной успеваемости. Сравнивать способности учеников запрещается, все ученики равны.

4. Квалификация учителя не может определяться преподаваемым учебным предметом. Любой учитель имеет право на уважение

⁹ Расчеты Отдела по подготовке Доклада о человеческом развитии 2016 г. основаны на данных World Bank. URL: <https://theworldonly.org/koefitsient-dzhini-po-stranam/> (дата обращения 20.05.2025).

¹⁰ Квинтильный коэффициент: отношение среднего дохода богатейших 20% населения к среднему доходу беднейших 20% населения.

¹¹ Индекс Пальмы: доля богатейших 10% населения в валовом национальном доходе (ВНД), деленная на долю беднейших 40%.

¹² Индекс Джини: показатель, характеризующий отклонение фактического распределения доходов отдельных лиц или домашних хозяйств в определенной стране от абсолютного равенства.

его знаний, все учителя равны: от преподавателей рисования до химии.

5. Нельзя делить учебные предметы на важные и неважные, доминирующие и второстепенные. Все предметы равны: физическая культура не важнее и не менее значима, чем математика, и наоборот.

Право на равенство в школьном образовании гарантировано государством. Все учащиеся обеспечиваются не только бесплатным обучением, учебниками и сопутствующими учебно-методическими принадлежностями от карандашей до компьютеров, но и бесплатным питанием, внеучебной работой: экскурсии, музеи, походы. Финансируется и транспортная доставка учеников, если ближайшая школа находится дальше двух километров. Запрещен сбор средств с родителей на какие-либо нужды учебно-воспитательного процесса и под любой формой благотворительного взноса.

В результате в Финляндии более 99% учащихся получают обязательное основное образование, 90% – заканчивают полную среднюю школу (еще в 1970 г. таких было только 30%), две трети из которых поступают в университеты или профессионально ориентированные политехнические школы. Более 50% взрослого населения страны задействованы в различных формах образования взрослых. При этом более 98% расходов на образование на всех уровнях оплачиваются государством¹³. Как подчеркивал Олли Луукайнен, президент Союза учителей Финляндии, «равенство – самое важное слово в финском образовании. Все политические партии справа и слева согласны с этим»¹⁴.

Эффективность государственной образовательной политики Финляндии достигается соотношением целей и результатов деятельности, условий и факторов, детерминирующих этот процесс.

Сопровождаемыми условиями достижения успехов в школьном образовании являются не только поддержка государства, но и пять социальных факторов, формирующих среду успешного обучения: 1) доступность и адресность образования; 2) квалифицированный кадровый состав учителей; 3) компенсация отсутствия должного ухода в семье; 3) профессионалы с опытом работы, а не сторонние

¹³ Doyle W. OPINION: How Finland broke every rule – and created a top school system. February 18. 2016. URL: <https://hechingerreport.org/how-finland-broke-every-rule-and-created-a-top-school-system/> (дата обращения 20.05.2025).

¹⁴ Hancock L. Why are Finland's schools successful? // Smithsonian Magazine. 2011. September. URL: <https://www.smithsonianmag.com/innovation/why-are-finlands-schools-successful-49859555/#3cmDgJWH97fKUTLp.99> (дата обращения 20.05.2025).

управленцы; 4) параллель между досугом, свободным временем и учебной успеваемостью [OECD 2011].

1. При поступлении в школу в возрасте семи лет именно ребенок, его потребности и интересы становятся базовыми ориентирами сбалансированного обучения с самых первых ступеней учебы. Финские школы способствуют развитию индивидуальности, при этом обеспечивая доступность и адресность образования. Учебные программы в равной степени охватывают изучение всех предметов, не выделяя важные и второстепенные и предоставляя детям возможность выбора, всестороннего развития и определения собственных предпочтений, талантов и способностей. Основной целью школьного образования и для педагогического состава, и для учеников является освоение образовательной программы школы при адекватной поддержке, а результатом благополучие, здоровье и счастье детей. Как отмечает Майк Колагросси – писатель и основатель Calorossi Media, – «финская система не поощряет зубрежку или стандартизованные тесты»¹⁵.

2. Квалифицированный кадровый состав учителей является залогом достижения успехов в школьном образовании. И если до 1970-х гг. педагоги подготавливались преимущественно в колледжах, то впоследствии эту задачу взяли на себя высшие учебные заведения. Это позволило расширить, омолодить и повысить кадровый состав учителей в школах. Современные педагоги – это специалисты высокой категории, способные осуществлять эффективную государственную образовательную политику Финляндии, они имеют комплексные знания, которые охватывают не только аспекты психологии, педагогики, социологии и дефектологии в контексте обучения детей, но и методику преподавания и организации учебного процесса. С начала 1990-х гг. учителей стали привлекать к составлению учебных планов, определению методик проведения занятий и их результатов, что явилось средством повышения профессионализма и формирования среди успешного обучения. Престиж профессии учителя в Финляндии вырос и окреп, что позволило привлечь в профессию молодежь и повысить статус педагогов и качество образования.

3. Здоровье и благополучие ребенка являются базовыми ориентирами сбалансированного обучения во всех школах. Финский механизм заботы о физическом и интеллектуальном состоянии

¹⁵ *Colagrossi M.* 10 reasons why Finland's education system is the best. September 09. 2018. URL: <https://www.weforum.org/stories/2018/09/10-reasons-why-finlands-education-system-is-the-best-in-the-world/> (дата обращения 20.05.2025).

ребенка ориентирован на компенсацию отсутствия должного ухода в семье, влияющего на школьную успеваемость. Проблемы дома, неблагополучие, неухоженность влияют на потребности и интересы ребенка и препятствуют базовым ориентирам сбалансированного обучения. Задача школы гарантировать решение проблемы отсутствия базового домашнего ухода. Для решения проблемы предоставляются значительные ресурсы и специальные штатные единицы, также создан механизм выявления таких детей и оказания им помощи как можно раньше. В финских школах создаются комитеты из числа учителей, психологов, медиков, чиновников, задача которых диагностировать проблему, степень ее сложности и варианты решения. Школам, в которых выявляются такие ученики, выделяется дополнительное финансирование; основным принципом является не решение проблемы постфактум, а ее предотвращение.

4. Профессионалы с опытом работы, а не сторонние управленцы, обеспечивают успешное развитие школьного образования. В финской школе невозможно представить руководителя, не имеющего опыта педагогической деятельности, не знающего, как провести урок, даже если он как специалист имеет значительный опыт организационно-управленческой деятельности. Директор школы должен быть готовым прочитать лекцию и организовать внеклассное мероприятие, он должен уметь общаться не только с коллегами, но и с учениками, выдавать указание и самому быть готовым эти указания выполнять. Отрицается внутришкольная иерархия, директор не только управляет, но и преподает, выполняет принятые правила, которые действуют на всех. Учителя, как и директор, имеют право управлять учебным процессом. Как следствие, подчиненные имеют опыт управления, а управленцы имеют опыт работы в классе в качестве учителей. Данный механизм благополучно оказывается на взаимоотношениях внутри школы как между коллегами, так и между учителями и учениками.

5. Внеклассная деятельность и свободное от школы время являются базовыми ориентирами сбалансированного обучения во всех школах. Школьная успеваемость находится в прямой зависимости от того, как проводят время ученики после уроков, куда они ходят, какую музыку слушают, какие книги читают. Образовательная политика Финляндии проводит четкую параллель между досугом и учебной успеваемостью. Ученик с отклоняющимся поведением испытывает трудности в обучении, эта закономерность отражена на государственном уровне и проводится соответствующая политика в отношении детей и подростков. Политика государства ориентирована на развитие полезных досуговых учреждений и организаций, чтобы ученики после школы не вовлекались в занятия,

вредные для физического и интеллектуального здоровья, а развивались, раскрывали свои таланты и находили применение своим возможностям и интересам. В Финляндии существует приблизительно 100 000 негосударственных ассоциаций, насчитывающих около 1,5 млн человек. Из этого можно сделать вывод, что финны, помимо работы или учебы, также активно участвуют в самой разнообразной деятельности. Трое из пяти молодых соотечественников регулярно посвящают часть свободного времени занятиям спортом, искусством или культурой и состоят в подобного рода ассоциациях. Там они получают знания и навыки, дополняющие материал, усвоенный в школе. Сегодня 90% молодых финнов имеют по крайней мере одно хобби, и это, несомненно, положительно влияет на их достижения в школе¹⁶. Кроме того, система общественного здравоохранения и разветвленная сеть публичных библиотек также поддерживают детей, помогая им добиться успеха.

Мы убеждены, что восхождение Финляндии на один из самых высоких уровней образования не произошло само собой, а стало закономерным результатом сочетания двух групп условий: во-первых, ряда политических решений, сознательно принятых, продуманных и последовательно реализованных на протяжении длительного времени, и, во-вторых, факторов, обусловленных культурой и историей страны.

Культура и ценности финского общества как основа успеха школьного образования

В статье «Первичность культуры» (1995) Ф. Фукуяма подчеркивал, что на уровне культуры наиболее изменчивыми являются ценности, связанные с нормативными ожиданиями, которые обеспечивают чисто эмоциональную приверженность определенным ценностям или идеалам [Fukuyama 1995]. И поскольку сфера образования напрямую относится к культурной сфере жизнедеятельности общества, представляется, что успех реформ, эффективность проводимой государственной политики самым непосредственным образом зависит от соответствия их ценностным установкам, господствующим в общественном сознании данной страны. Для понимания их специфики в Финляндии обратимся к известному исследованию ценностных установок Г. Хофстеде (табл. 2).

¹⁶ Darling-Hammond L. What we can learn from Finland's successful school reform. URL: <https://edpolicy.stanford.edu/library/publications/543.html> (дата обращения 20.05.2025).

Таблица 2

Ценностные установки по модели Г. Хофестеде¹⁷

Страна/ ценность	Дистанцирова- ние от власти	Индивидуализм	Маскулинность	Стремление избежать неопре- деленности	Долговременные ориентации	Допущение (снисходитель- ность)
Финляндия	33	63	26	56	38	57
Швеция	31	71	5	29	53	78
Норвегия	31	69	8	50	35	55
Эстония	40	60	30	60	82	16
США	40	91	62	46	26	68
Россия	93	39	36	95	81	20

Дистанцирование от власти характеризует восприятие власти, степень, с которой наделенные относительно меньшей властью члены общества, института или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти. Для культуры Финляндии с малой дистанцированностью от власти характерно построение отношений на основе равенства, уважения к личности.

Достаточно высокий уровень *индивидуализма* означает тяготение к личностным целям, осознание себя как «я», защиту частных интересов, предпочтение слабосвязанной социальной структуре, в которой люди должны заботиться только о себе и своих ближайших родственниках. Однако здесь следует учитывать, что сам феномен индивидуализма далеко не однозначен. Так, Г. Триандис и М. Гельфанд [Triandis, Gelfand 1998] различают горизонтальный и вертикальный индивидуализм. Горизонтальный индивидуализм основан на ценностях автономии и самобытности, в то время как вертикальный индивидуализм подчеркивает эгоистично-конкурентные отношения с другими, характерные для маскулинных культур. Для горизонтального коллективизма характерно рассматривание взаимозависимости и кооперации в качестве положительной переменной, но при этом он не признает приоритета группы

¹⁷ Country Comparison tool. URL: <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool?countries=estonia%2Cfinland%2Cnorway%2Csweeden> (дата обращения 20.05.2025).

над индивидом, тогда как последний характерен для вертикального колlettivизма, который, кроме того, рассматривает аутгруппы как чужих или даже противников.

Многие исторические, а также контекстуальные факторы позволяют предполагать, что для Финляндии так же, как и для других стран Северной Европы присущ именно горизонтальный индивидуализм (часто называемый консенсуальным). И это в значительной степени связано с другой характеристикой финской культуры, а именно ее *феминистской* составляющей (хотя и в меньшей степени выраженной, чем в других североевропейских странах). Это означает ориентированность на солидарность и консенсус (ценности фемининности), в противовес ценностям достижения и конкуренции (маскулинность). Главным является забота о других и качество жизни. Конфликты разрешаются путем компромисса и переговоров.

В стремлении избегать неопределенности Финляндия занимает своего рода «золотую середину». Для стран с большим значением данного показателя типично недопущение неопределенных, неясных ситуаций, стремление к установлению четких правил поведения, доверие к традициям и устоям, склонность к внутригрупповому согласию, нетерпимость по отношению к людям с иной жизненной позицией, образом мышления. Для стран с низким показателем избегания неопределенности характерно проявление личной инициативы, приемлемость риска, спокойное принятие разногласий, иных точек зрения. Финнам удается сочетать стремление к четким правилам поведения и безопасность как важный элемент индивидуальной мотивации с высоким уровнем толерантности и поощрением инициативности.

Стратегическое мышление определяет *краткосрочную* или *долгосрочную ориентацию* на будущее, ориентированность на решение стратегических, долгосрочных целей, желание заглядывать в будущее. Для культур с большими значениями этого параметра (Юго-Восточная Азия) характерны расчетливость, упорство в достижении целей, стойкость, для культур с малым значением (Европа) – приверженность традициям, выполнение социальных обязательств. Финская культура в этом отношении может быть классифицирована как нормативная. Люди в таких обществах сильно озабочены установлением абсолютной истины; они нормативны в своем мышлении. Они проявляют большое уважение к традициям, относительно небольшую склонность откладывать на будущее и нацеленность на достижение быстрых результатов.

Относительно высокий балл – 57 – по линии *допущение (снисходительность)* указывает на то, что Финляндия является снисходительной страной. Люди в подобного рода обществах, как правило,

проявляют готовность реализовать свои импульсы и желания в отношении наслаждения жизнью и получения удовольствия. Они обладают позитивным настроем и склонны к оптимизму. Кроме того, они придают большее значение досугу, действуют так, как им нравится, и тратят деньги так, как им хочется. В целом, они *осознают свою способность осуществлять контроль над своей жизнью и эмоциями*.

Представляется, что именно эти ценностные ориентации, особенности менталитета жителей страны, их политической культуры и традиций предопределили следующие составляющие «финского образовательного чуда».

Приверженность образованию и благополучию детей имеет глубокие корни в культуре Финляндии и является основой, на которой зиждется движение за создание единых общеобразовательных школ. Одна из поразительных особенностей истории реформ в Финляндии заключается в том, что политический консенсус, достигнутый более 50 лет назад, что дети должны получать образование вместе в общей школьной системе – остался неизменным несмотря на многочисленных изменений в правительстве.

В основе создания единой общеобразовательной школы лежало убеждение в том, что от всех детей можно ожидать достижения высоких результатов и что семейное происхождение или региональные особенности больше не должны ограничивать возможности получения образования детьми. В этом плане можно говорить о поддержке общественным мнением идеи *равенства возможностей и универсальности достижений*. При этом для финнов характерно значительно более широкое понимание «высоких достижений», чем просто высокие результаты стандартизованных тестов по двум или трем предметам. Они гордятся тем, что предлагают широкий, богатый учебный план для всех учащихся, вне зависимости от их способностей и дальнейших профессиональных перспектив.

Многие страны на словах подчеркивают важность привлечения и удержания высококвалифицированных педагогических кадров, но лишь немногие из них так целенаправленно преследуют эту цель, как Финляндия. Финляндия сумела сделать преподавание единственным наиболее желательным выбором профессии среди молодых финнов благодаря сочетанию повышения планки для вступления в профессию и предоставления учителям большей автономии и контроля над своими классами и условиями труда, чем их коллегам в других местах. Таким образом, *доступ к преподаванию дается лучшим из лучших*, а высококвалифицированные и хорошо подготовленные учителя работают по всей стране. Качество преподавательского состава, по нашему мнению, является главным

фактором, определяющим высокий уровень эффективной работы финских школ.

Ответственность и подотчетность, играющие важнейшую роль в системе образования, носят в Финляндии практически полностью профессиональный характер [Уокер 2018]. Самое яркое проявление этой ответственности можно увидеть в том, в какой степени финские школы организованы таким образом, чтобы брать на себя коллективную ответственность за учащихся, испытывающих трудности. Финские учителя обучаются распознавать детей, испытывающих трудности, и вмешиваться, прежде чем эти дети потеряют мотивацию к учебе и начнут слишком сильно отставать от своих одноклассников. Тот факт, что в каждой школе есть специально обученный специалист по вмешательству (так называемый специальный учитель), означает, что обычному классному учителю легко получить поддержку и что борющиеся с трудностями дети гораздо реже остаются незамеченными или не получившими необходимой помощи. Важным фактором здесь является небольшой размер финских школ, а также координация ресурсов в группах учителей, отвечающих за успехи за учащихся. Именно это, в частности, помогает объяснить, почему разрыв между высшими и низшими результатами школьников в различных школ в Финляндии настолько мал по сравнению практически со всеми другими странами.

Финские школы нацелены на то, чтобы формировать в молодых людях склонности и привычки, часто ассоциирующиеся с *инновациями*: креативность, гибкость, инициативность, готовность к риску и способность применять знания в новых ситуациях. Основное внимание сосредоточено на подготовке людей к экономике, в которой инновации и предпринимательство будут продолжать оставаться движущими силами прогресса.

Заключение

Таким образом, в успехе финской системы школьного образования, на первый взгляд, нет никаких секретов. Однако повторить его (и даже по ряду параметров превзойти его) пока удалось только Эстонии, занявшей по итогам PISA 2018¹⁸ лидирующие позиции среди стран ОЭСР. Объясняется это, на наш взгляд, прежде всего, тем, что школьное образование представляет собой систему, которая в решающей степени формируется внешней средой, где

¹⁸ PISA 2018 Overviews. URL: https://www.oecd.org/pisa/publications/PISA2018_CN_EST.pdf (дата обращения 20.05.2025).

основную роль играют политические решения, эффективность которых, в свою очередь, зависит от их соответствия традициям, культуре, запросам и ожиданию со стороны общества при их сопротивлении имеющимся ресурсам (финансовым, материальным, человеческим) и уровню развития социального капитала. В этом плане можно говорить об уникальности системы школьного образования любой страны, что, однако, не исключает (а в условиях глобализации и подразумевает) наличие общих вызовов и проблем и сходных путей их решений.

Во многих отношениях наиболее характерной и впечатляющей чертой Финляндии является степень развития системы образования в тесной увязке с ее экономикой и социальной структурой. История развития реформ образования Финляндии напрямую связана с развитием социального государства в 1960-е и 1970-е гг. и высокотехнологичной, основанной на знаниях экономики последних десятилетий. Экономика Финляндии характеризуется постоянными инвестициями в инновации и НИОКР. Финские учителя рекрутируются из верхнего квадриля выпускников старших классов средней школы. Они представляют собой высокопрофессиональных работников умственного труда, и к ним сформировано соответствующее отношение со стороны общества и государства. Подотчетность носит почти исключительно профессиональный характер, о чем свидетельствует ликвидация института инспекторов и отсутствие внешнего оценивания. Структура учебной программы и методическое руководство призваны поощрять основанный на запросах подход к обучению.

Главным, ключевым звеном в программе реформ Финляндии на протяжении последних нескольких десятилетий, по мнению практически всех наблюдателей и финских политиков, единственным наиболее важным решением в области образования, принятым с момента обретения Финляндией независимости в 1917 г., было создание общей, не разделенной на потоки системы общеобразовательных школ, которая обслуживала бы учащихся из всех слоев общества. Все другие политические решения, которые в совокупности помогают объяснить восхождение Финляндии на позиции международного лидера в области образования в последние десятилетия, вытекают из этого основного организационного решения. Очевидно, что создание структуры общеобразовательной школы само по себе не было гарантией улучшения. Скорее, именно благодаря постоянному и продуманному подходу к реализации новой структуры финские учащиеся добились необычайно высоких и справедливых результатов. Особо следует отметить инвестиции, вложенные в формирование и развитие преподавательского состава, приверженного ценностям, лежащим в основе общеобразовательной школы,

и способного удовлетворить потребности различных учащихся в этой среде.

Таким образом, представляется, что именно ценностные ориентации, культура и традиции финского общества предопределили формирование основных составляющих успеха школьного образования в Финляндии:

- политический консенсус в отношении совместного обучения всех детей в общей школьной системе;
- ожидание того, что все дети могут достичь высоких уровней, независимо от семейного происхождения или региональных особенностей;
- целенаправленное стремление к совершенству преподавания;
- коллективная ответственность школы за учащихся, которые испытывают трудности;
- скромные финансовые ресурсы, которые сконцентрированы непосредственно в классе;
- климат доверия между педагогами, финским обществом и государством.

О справедливости данного предположения свидетельствует, на наш взгляд, тот факт, что использование финского опыта оказалось наиболее успешным в Эстонии, где базовые параметры культуры и ценностные ориентации общества наиболее близки к финским.

Что касается возможности других стран, то здесь, на наш взгляд, следует учесть точку зрения Паси Сальберга в отношении США: «Что Финляндия может показать другим, так это то, каким образом в образовании существуют равенство и равные возможности. Однако реформаторам школы в Соединенных Штатах следует проявлять осторожность в заимствовании идей равенства из Финляндии. Многие элементы успешной финской школьной системы переплетены с существующим в стране социальным государством. Простой перенос этих решений только добавит еще одну неудачную главу в уже существующий том провальных реформ образования»¹⁹.

Литература

Антиюшина 2013 – Антиюшина Н.М. Финляндия – мировой лидер системы образования // Современная Европа. 2013. № 4 (56). С. 46–53.

Бейзеров 2009 – Бейзеров В.А. Среднее образование Финляндии: уроки успеха // Образование в современной школе. 2009. № 2. С. 60–64.

¹⁹ Sahlberg P. What the U.S. can't learn from Finland. URL: <https://pasisahlberg.com/text/> (дата обращения 20.05.2025).

Бражник, Бражник 2012 – *Бражник Е.И., Бражник М.О.* Опыт социального взаимодействия государства и общества в проведении школьных реформ в Финляндии // Непрерывное образование. 2012. № 2 (2). С. 108–113. URL: <https://spbappo.ru/osnovnyye-svedeniya/nauchnaya-deyatelnost/zhurnal-nepretruynoe-obrazovaniye> (дата обращения 20.05.2025).

Бутова 2014 – *Бутова В.А.* Социально-экономические факторы влияния на качество школьного образования Финляндии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 2 (7). С. 20–22.

Мачехина 2016 – *Мачехина О.Н.* Реформы общеобразовательных школ скандинавских стран // Педагогика. 2016. № 7. С. 89–96.

Подзолков, Шайденко, Володин 2017a – *Подзолков В.Г., Шайденко Н.А., Володин Д.А.* Школьное образование Финляндии в современном социальном контексте // Вестник Владимира государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2017. № 28 (47). С. 31–38.

Подзолков, Шайденко, Володин 2017b – *Подзолков В.Г., Шайденко Н.А., Володин Д.А.* Анализ этапов реформирования системы образования Финляндии в контексте социокультурных условий их осуществления // Вестник Владимира государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2017. № 29 (48). С. 25–33.

Прокулович 2016 – *Прокулович Л.П.* Общество равных возможностей уникальность системы школьного образования в Финляндии // Библиотечное дело. 2016. № 18 (276). С. 9–12.

Сальберг 2015 – *Сальберг П.* Финские уроки: История успеха реформ школьного образования в Финляндии. М.: Классика-XXI. Арт-транзит. 2015. 240 с.

Син 2016 – *Син Е.Е.* Школьное образование Финляндии как феномен XXI в. // Известия Кыргызской академии образования. 2016. № 1 (37). С. 21–26.

Смирнова 2017 – *Смирнова А.А.* Проблематика мира и разрешения конфликтов в системе образования и работе с молодежью в Финляндии // StudArctic Forum. 2017. Т. 3. № 7. С. 31–40.

Стамболийска 2017 – *Стамболийска И.В.* Инновации в финской школе // Общество и образование в XXI веке: опыт, традиции, перспективы (Седьмые Лозинские чтения): материалы Международной научно-методической конференции. Т. 1. Ч. 1. Псков: Псковский государственный ун-т, 2017. С. 280–284.

Уокер 2018 – *Уокер Т.* Финская система обучения: Как устроены лучшие школы в мире. М.: Альпина Паблишер. 2018. 256 с.

Fukuyama 1995 – *Fukuyama F.* The primacy of culture // Journal of Democracy. Vol. 6. 1995. No. 1. P. 7–14.

Gorski, Zenkov 2014 – *P., Zenkov K. L.*; N.Y.: Taylor&Francis / Routledge, 2014. 188 p.

Hancock 2011 – *Hancock L.* Why are Finland's schools successful? // Smithsonian Magazine. 2011. September. URL: <https://www.smithsonianmag.com/innovation/>

why-are-finlands-schools-successful-49859555/#3cmDgJWH97fKUTLp.99 (дата обращения 20.05.2025).

Malone 2013 – Malone H. N.Y.: Teachers College Press, 2013. 160 p.

Minkov 2013 – Minkov M. Cross-cultural analysis. The science and art of comparing the world's modern societies and their cultures. L: SAGE Publications. 2013. 504 p.

OECD 2011 – *Strong performers and successful reformers in education. Lessons from PISA for the United States.* P.: OECD Publishing, 2011. URL: https://www.colourmylearning.com/wp-content/uploads/2012/11/USA_Lessons.pdf (дата обращения 20.05.2025).

Sahlberg 2015 – Sahlberg P. Finnish lessons 2.0: What can the world learn from educational change in Finland? N.Y.: Teachers College Press, 2015. 264 p.

Sahlberg, Doyle 2019 – Sahlberg P., Doyle W. Let the children play: How more play will save our schools and help children thrive. Oxford: Oxford University Press, 2019. 472 p.

Segall 2016 – Segall W. School reform in a global society. L: Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 272 p.

Tienken, Orlich 2013 – Tienken Ch., Orlich D. The school reform landscape: fraud, myth, and lies. N.Y.: R&L Education, 2013. 188 p.

Triandis, Gelfand 1998 – Triandis H., Gelfand M. Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998. Vol. 74. No. 1. P. 118–128.

Tröhler, 2015 – Tröhler D., Th. Trajectories in the development of modern school systems: between the national and the global. L; N.Y.: Routledge, 2015. 294 p.

Whittaker 1984 – Whittaker D. New schools for Finland: A study in educational transformation. Jyväskylä: Kasvatustieteiden tutkimuslaitos, 1984. 226 p. (Reports from the Institute for Educational Research)

Verdugo 2014 – Verdugo R. Educational reform in Europe. History, culture, and ideology. Charlotte: Information Age Publishing, 2014. 188 p.

References

Antyushina, N.M. (2013), "Finland is the world leader in the education system", *Sovremennaya Europa*, vol. 56, no. 4, pp. 46–53.

Beizerov, V.A. (2009), "Secondary education in Finland. Lessons of success", *Obrazovanie v sovremennoi shkole*, no. 2, pp. 60–64.

Brazhnik, E.I. and Brazhnik, M.O. (2012), "The experience of social interaction between the state and society in carrying out school reforms in Finland", *Nepreryvnoe obrazovanie*, vol. 2, no. 2, pp. 108–113. URL: <https://spbappo.ru/osnovnyye-svedeniya/nauchnaya-deyatelnost/zhurnal-nepreryvnoye-obrazovaniye> (дата обращения 20.05.2025).

Butova, V.A. (2014), "Socio-economic factors influencing the quality of Finnish school education", *Azimut nauchnykh issledovani: pedagogika i psichologiya*, vol. 7, no. 2, pp. 20–22.

Fukuyama, F. (1995), "The primacy of culture", *Journal of Democracy*, vol. 6, no. 1, pp. 7–14.

Gorski, P. and Zenkov, K. (2014), *The big lies of school reform: finding better solutions for the future of public education*, Routledge, London, UK, New York, USA.

Machekhina, O.N. (2016), "Reforms of secondary schools in Scandinavian countries", *Pedagogika*, no. 7, pp. 89–96.

Malone, H. (2013), *Leading educational change: global issues, challenges, and lessons on whole-system reform (the series on school reform)*, Teachers College Press, New York, USA.

Minkov, M. (2013), *Cross-cultural analysis. The science and art of comparing the world's modern societies and their cultures*, SAGE Publications. London, UK.

Podzolkov, V.G., Shaidenko, N.A. and Volodin, D.A. (2017), "Analysis of the stages of reforming the Finnish education system in the context of socio-cultural conditions of their implementation", *Vestnik Vladimirovskogo gosudarstvennogo universiteta im. Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Seriya: Pedagogicheskie i psichologicheskie nauki*, vol. 48, no. 29, pp. 25–33.

Podzolkov, V.G., Shaidenko, N.A. and Volodin, D.A. (2017), "School education in Finland in a modern social context", *Vestnik Vladimirovskogo gosudarstvennogo universiteta im. Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Seriya: Pedagogicheskie i psichologicheskie nauki*, vol. 47, no. 28, pp. 31–38.

Prokulevich, L.P. (2016), "The equal opportunity society, the uniqueness of the school education system in Finland", *Bibliotechnoe delo*, vol. 276, no. 18, pp. 9–12.

Sahlberg, P. (2015), *Finnish lessons 2.0. What can the world learn from educational change in Finland?* Teachers College Press, New York, USA.

Sahlberg, P. and Doyle, W. (2019), *Let the children play: How more play will save our schools and help children thrive*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Segall, W. (2016), School reform in a global society, Rowman & Littlefield Publishers. London, UK.

Sin, E.E. (2016), "Finnish school education as a phenomenon of the 21st century", *Izvestiya Kyrgyzskoi akademii obrazovaniya*, vol. 37, no. 1, pp. 21–26.

Smirnova, A.A. (2017), "Problematics of peace and conflict resolution in the education system and youth work in Finland", *StudArctic Forum*, vol. 3, no. 7, pp. 31–40.

Stamboliiska, I.V. (2017), "Innovations in the Finnish school", in *Obshchestvo i obrazovanie v XXI v.: opyt, traditsii, perspektivy (Sed'mye Lozinskie chteniya): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Society and education in the 21st century: experience, traditions, prospects (7th Lozin Readings). Proceedings of the International Scientific and Methodological Conference], vol. 1, part 1, Pskovskii gosudarstvennyi universitet, Pskov, Russia, pp. 280–284.

Strong performers and successful reformers in education. Lessons from PISA for the United States, OECD Publishing, Paris, France, available at: https://www.colourmylearning.com/wp-content/uploads/2012/11/USA_Lessons.pdf (Accessed 20 May 2025).

Tienken, Ch. and Orlich, M. (2013), *The school reform landscape: fraud, myth, and lies*, R&L Education, New York, USA.

Triandis, H. and Gelfand, M. (1998), "Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 74, no. 1, pp. 118–128.

Tröhler, D. and Lenz, Th. (2015), *Trajectories in the development of modern school systems: between the national and the global*, Routledge, London, UK, New York, USA.

Verdugo, R. (2014), Educational reform in Europe, Information Age Publishing, Charlotte, USA.

Walker, T. (2018), *The Finnish education system: How the best schools in the world are organized*, Alpina Publisher, Moscow, Russia.

Whittaker, D. (1984), *New schools for Finland: A study in educational transformation*, Kasvatustieteiden tutkimuslaitos, Jyväskylä, Finland. (*Reports from the Institute for Educational Research*)

Информация об авторе

Владимир В. Насонкин, доктор политических наук, профессор, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; nasonkin_vv@pfur.ru

ORCID ID: 0000-0002-4467-7473

Information about the author

Vladimir V. Nasonkin, Dr. of Sci. (Political Science), professor, RUDN University, Moscow, Russia; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198; nasonkin_vv@pfur.ru

ORCID ID: 0000-0002-4467-7473

УДК 94(37)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-113-129

Фабий Пиктор и Дельфы

Ольга В. Сидорович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, varro52@mail.ru*

Аннотация. Фабий Пиктор – первый римский историк, происходил из знатного сенаторского рода, который возводил своих предков ко времени до основания Рима. Данная статья посвящена анализу одного из эпизодов биографии Пиктора, связанного с его посольской миссией в Дельфах в 216 г. до н. э. после поражения римлян при Каннах. Ответ на вопрос, почему сенат поручил эту миссию Фабию Пиктору, кроется в выдающемся положении в сенате его кузена Квинта Фабия Максима Веррукоза (Кунктора). Занимая ведущее положение в военно-политической и религиозной сферах жизни Римской республики, он убедил сенат в надежности кандидатуры своего родственника для выполнения ответственного поручения. Фабий Пиктор был удобной фигурой: опираясь на дипломатический и религиозный опыт своих предков, он в то же время не обладал известностью за пределами Рима, как его родственник и современник – Веррукоз Кунктор. Поездка Фабия в Дельфы не имела статуса официального посольства, а была частным поручением, возложенным на него сенатом. В то же время знакомство с культом Аполлона Дельфийского повлияло на формирование представлений историка об отдаленном прошлом Рима, которые он отразил в своем сочинении. От Пиктора берет начало каноническая версия древнейшей римской истории с правлением семи царей.

Ключевые слова: Фабий Пиктор, Дельфийский оракул, Квинт Фабий Максим Веррукоз, посольство сената в Дельфы, список римских царей

Для цитирования: Сидорович О.В. Фабий Пиктор и Дельфы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 113–129. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-113-129

Fabius Pictor and Delphi

Olga V. Sidorovich

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, varro52@mail.ru*

Abstract. Fabius Pictor was the first Roman to write the history of his City. He came from one of the most distinguished noble families, which traced its origins back to the beginning of Rome. The article deals with one of the episodes of Pictor's biography – his visit to Delphi in 216 B.C. after the defeat of the Romans at Cannae. The answer to the question of why the Senate entrusted this mission to Fabius Pictor lies in the outstanding position in the Senate of his cousin Quintus Fabius Maximus (Cunctator). Holding a leading position in the military-political and religious spheres of life in the Roman Republic, he convinced the Senate of the reliability of his relative's candidacy to carry out the highly sensitive task. Fabius Pictor was a convenient figure: he was guided by his ancestors diplomatic and religious experience, but at the same time was unknown outside Rome unlike his kinsman and contemporary – Verucius Cunctator. Pictor's visit to Delphi was not an official diplomatic mission; the Senate just charged him with a private assignment. At the same time, acquaintance with the cult of Apollo at Delphi influenced the historian's conception of the distant past of Rome, which he reflected in his work. Since then the canonic version of the earliest Roman history with the rule of seven kings takes the beginning.

Keywords: Fabius Pictor, the Delphic Oracle, Quintus Fabius Maximus Verrucosus, senate's embassy to Delphi, the Roman kings-list

For citation: Sidorovich, O.V. (2025), “Fabius Pictor and Delphi”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 113–129, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-113-129

Введение

Начало римской историографии было положено серьезным испытанием, которое римский народ вынес в противостоянии с армией Ганнибала. Эта ситуация мало чем отличается от той, которую пережили греки, сдерживая имперские амбиции Ахеменидов, и которая способствовала рождению «большой» историографии, оставившей на обочине магистрального историографического процесса «малую» историографию, представленную сочинениями краеведческого направления – хорографиями, аттидографиями и историями основания городов.

Первым римским историком был Квинт Фабий Пиктор, семья которого была частью клана Фабиев, входившего в политическую и военную элиту Римской республики. В биографии Пиктора хорошо засвидетельствованные источниками факты соседствуют с неустановленными точно годами его жизни. Доподлинно известно, что он был сенатором (Polyb. 3.9.4) и был отправлен с посольской миссией в Дельфы (Liv. 23.11.1-6). На этом факте его биографии мы и остановимся подробнее, поскольку он имеет непосредственное отношение к рождению римской историографии и содержанию сочинения Фабия и его последователей в той части, которая касается древнейшей истории Рима.

Фабии и их роль в Риме в III в. до н. э.

Прежде всего следует ответить на два вопроса: почему выбор сената пал на Пиктора и какую роль он играл в этом мероприятии? Для ответа на первый вопрос логично обратиться к истории рода Фабиев, которая уходит своими корнями ко времени до основания Рима (Ovid. Fasti. 2.359-380)¹, однако в нашем случае достаточно ограничиться непосредственными предшественниками и современниками Пиктора и обратить внимание на их положение в государстве. Это в первую очередь Квинт Фабий Максим Руллиан, который впервые появляется в историческом повествовании в период Второй Самнитской войны, и Фабий Максим Веррукоз. Даже беглый взгляд на *cursus honorum* Руллиана позволяет говорить о его выдающихся заслугах: пятикратный консул (Liv. 10.24.1), диктатор 315 г.² (Liv. 9.22.1), цензор 304 г. Свидетельства о нем исходят от Фабия Пиктора, его родственника по боковой линии, который мог слышать рассказы о Второй и точно – о Третьей Самнитских войнах от их непосредственных участников. Помимо устной традиции об этом времени Пиктору были доступны и письменные свидетельства в виде семейных записей и общественных хроник. Г. Форсайт обратил внимание на присутствие в рассказе Ливия об этих событиях нескольких топонимов, которые появляются в рассказах о военных кампаниях Рима в Самнии [Forsythe 2005, p. 295]. По его мнению, названия этих, прежде никому не известных, мест происходят из pontificalных записей и совершенно определенно – из семейных преданий, в которых с гордостью перечислялись все укрепленные места, взятые представителями клана, как свидетельства их боевых подвигов.

Новым героем из рода Фабиев времени Второй Пунической войны стал Квинт Фабий Максим Веррукоз (Кунктатор), диктатор

217 г., *princeps senatus*, глава коллегии авгуротов. Этот Фабий Максим хорошо известен как сторонник новой тактики ведения войны с Ганнибалом³, но для нас особый интерес представляет та сторона его биографии как государственного деятеля, которая связана с религиозной сферой. Став диктатором после поражения римской армии при Тразименском озере, он, как сообщает Ливий (22.9.7-8), созвал сенат и начал с рассуждения о божественном (*ab dis orsus*), смысл которого сводился к тому, что консул Гай Фламиний потерпел поражение из-за пренебрежения правилами богослужения (*neglegentia caerimoniarum*)⁴. Своей речью, построенной на обладании конкретными знаниями в области религии⁵, Фабий убедил сенат в необходимости обратиться к Сивиллиным книгам, что делалось крайне редко и только в случае зловещих предзнаменований (*taetra prodigia*)⁶. Продигии были разновидностью неблагоприятных знаков, которые учитывались и толковались авгурями⁷, за исключением самых сложных, когда за помощью обращались к этруссским гарусникам (Liv. 1.55.5-6, 27.37.6; Gell. N.A. 4.5.1). Все это свидетельствует о том, что к началу Второй Пунической войны авторитет Фабия Максима в сенате основывался на его ведущей роли в военно-политической и религиозной сферах жизни Римской республики: пятикратный консул и триумфатор (Plut. Fab. 2.1), сведущий в тонкостях учений жрецов (понтификов и авгуротов), отстаивающий необходимость следования религиозным нормам для поддержания рах *deorum* столь важного особенно в сложное для государства время. Сведения о нем несомненно попали в римскую историческую традицию от его родственника, хотя и по боковой линии, Фабия Пиктора, и оказались на его изображении истори-

¹ О легендарном происхождении Фабиев см.: [Wiseman 1995, pp. 10, 41].

² Все даты в статье – до н. э.

³ Состояние источников по этому вопросу проанализировано в статье: [Короленков 2017, с. 353–367].

⁴ Употребление здесь Ливием термина *caerimoniae* отсылает к книгам понтификов, частью которых были *libri caerimoniarum* (Tac. Ann. 3.58), где шла речь о священных обрядах, об участии в них жрецов и их обязанностях. Дальнейшее развитие ситуации в сенате (Liv. 22.9.9) показывает, что речь шла о не выполненном обете Марсю (*votum Marti*); наблюдение за исполнением обетов находилось в ведении коллегии понтификов.

⁵ Ливий (22.9.7) в данном случае использует выражение *edocuisse* *ratres*, что указывает на особую осведомленность Фабия в жреческих науках.

⁶ Этот же эпизод включил в биографию Фабия Максима Плутарх (Fab. 4.4).

⁷ Подробнее см.: [MacBain 1982].

ками последующих поколений как положительного героя своего времени [Erdkamp 1992, pp. 5–29].

Сам же Квинт Фабий Пиктор приходился кузеном Фабию Максиму Кунктору; его отец, Гай Фабий Пиктор, был консулом 269 г. [Cornell 2013, vol. 1, p. 162], что позволяет отнести семью Пикторов к патрицианским Фабиям⁸, которые вели свое происхождение от единственного уцелевшего после битвы при Кремере (479 г.) отпрыска рода Фабиев⁹. Эти свидетельства позволяют нам подойти к решению вопроса о дельфийском посольстве Фабия Пиктора, которое по-разному представлено в историографии. Как правило, Пиктор выступает в качестве главы сенатского посольства, направленного в Дельфы, поскольку к этому времени он уже был человеком почтенного возраста. О главенствующем положении Фабия Пиктора в посольстве современные историки говорят, основываясь на предположении, что он в то время был членом коллегии децемвиров для совершения священнодействий (*decemviri sacris faciundis*)¹⁰ и сам явился инициатором поездки [Мосолкин 2001, с. 144]. И только Б. Фрир прямо заявляет, что Фабий Пиктор один отправился в Дельфы [Frier 1979, p. 231]. Что же тогда представляло собой посольство в Дельфы, отправленное по решению сената в 216 г.?

Античные авторы лаконично сообщают о посольской миссии Фабия Пиктора, представляя ее как инициативу сената (Liv. 22.57.5; Plut. Fab. 18.3; App. Han. 27). Конечно, решения такого рода принимал сенат, но вот Плутарх, говоря об отправке Пик-

⁸ Правда, сам Фабий Пиктор, по всей видимости, достиг только претуры, а его сын, тоже Квинт Фабий Пиктор, в 189 г. стал *praetor peregrinus*, то есть политические карьеры обоих не увенчались консулатами; это значит, что Фабии Пикторы в течение двух поколений понизили свой статус с консульской семьи до преторской. Подробнее об этом см.: [Walter 2004, p. 230].

⁹ Liv. 2.50.11; 3.1.1. Гибель 300 Фабиев при Кремере стала устойчивой частью римской исторической традиции (Plut. Cam. 19; Tac. Hist. 2.91) и рассматривалась как источник последующего величия рода (Liv. 2.50.11: ...чтобы впоследствии в обстоятельствах трудных для римского народа приносить ему величайшую пользу). Свидетельства о Фабиях до этого трагического события в данном случае не рассматриваются, поскольку нуждаются в специальном исследовании, чтобы понять, какая историческая реальность скрывается за ними.

¹⁰ [Cornell 2013, vol. 1, p. 161]. См. также: *Münzer Fr. Q. Fabius Pictor* (No. 126) // *Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft* von Pauly-Wissowa. Stuttgart, 1909. Bd. 6. Sp. 1837.

тора в Дельфы, подчеркивает его родственные связи с Максимом Веррукозом, что позволяет думать о роли последнего в поручении дельфийской миссии будущему историку¹¹. Наиболее подробно об этом событии рассказывает Тит Ливий, причем повествование Ливия, по сути дела, воспроизводит отчет, который сам Пиктор представил сенату по возвращении из поездки. В нем содержится указание на процедуру прорицания, свидетелем и участником которой был Фабий Пиктор. Выясняется, что Фабий был допущен в прорицалище¹², сам обращался к оракулу и совершал необходимые жертвоприношения до и после консультации со жрицей, сам записал ответ пифии, данный в стихотворной форме, а вернувшись в Рим, прочел в сенате запись ответа и перевел ее на родной язык¹³. Насколько действия Пиктора соответствовали существовавшей практике общения посетителя со жрицей?

Дельфийский оракул и обращение к нему римлян

Известно, что к Дельфийскому оракулу обращались как по государственным, так и по частным делам, а доступ к нему был достаточно свободен. И все же, как замечает О.В. Кулишова, изъявление божественной воли не являлось публичным зрелищем [Кулишова 2001, с. 83]. Обращаясь к источникам, исследовательница отмечает важные моменты процедуры прорицания в Дельфах: предсказания давались в помещении храма во внутренней части святилища, предварялись омовением и жертвоприношением и внесением соответствующей платы [Кулишова 2001, с. 87–93]. Из рассказа Фабия, в том виде как его передает Ливий, следует, что Фабий был допущен во внутреннюю часть храма и по завершении консультации с пифией «ладаном и вином совершил жертву всем богам и богиням», причем в этом ему помогал храмовый жрец (*templi antistes*). Можно только предположить, о каком храмовом

¹¹ В историографии под влиянием А. Альфельди сформировалось представление о том, что Фабий Пиктор начал писать свой труд по возвращении из Греции [Alfoldi 1965, p. 170].

¹² Термином «прорицалище» греки обозначали не просто храм, но «храм вместе с находившимся внутри него пророческим духом бога» [Приходько 1996, с. 115].

¹³ Liv. 23.11.1: ...responsumque ex scripto recitavit ... (4): haec ubi ex Graeco carmine interpretata recitavit, tum dixit se oraculo egressum extemplo iis omnibus divis rem divinam ture ac vino fecisse ...

жреце – помощнике в исполнении необходимых ритуалов, идет речь. Персонал дельфийского храма включал жрецов-пророков, в обязанности которых, кроме прочих, входила письменная фиксация произнесенных пифией пророчеств¹⁴. Скорее всего, этот жрец помог Фабию записать пророчество и далее руководил действиями римлянина вплоть до того, как тот сел на корабль и прибыл в Рим: речь идет о лавровом венке (*laurea corona*), которым был увенчан Фабий как паломник и который он возложил на алтарь Аполлона в Риме¹⁵.

Процедура общения Фабия с оракулом дельфийского святилища, переданная Ливием, отражает практику конца III в. Конечно, она не оставалась неизменной на протяжении многовековой истории храма Аполлона в Дельфах, но основные правила поведения паломников сохранились в неизменном виде. Можно ли говорить о каких-либо вариантах общения посетителей, заинтересованных в получении оракула, с прорицательницей? Распространялись ли эти правила и на другие святилища Аполлона, в которых также совершались прорицания? Для этого необходимо выяснить, какие способы общения с оракулами Аполлона существовали в древности.

Известно, что спартанские цари выбирали по два пифия для отправки их послами в Дельфы. Они доставляли царям записи изречений оракула, знание которых не выходило за пределы этого узкого круга лиц – самих царей и их посланников (Hdt. 6.57). Так же поступал и лидийский царь Крез, отправляя послов для общения с дельфийским оракулом: послы входили в священный покой, во-прошали бога и сами записывали изречения пифии (Hdt. 1.46-48). Они же вносили плату, предваряя свой вопрос оракулу (Hdt. 1.53). В Беотии находился храм Аполлона Птойского, в котором также существовало прорицалище. Именно туда пришел посланник Мардона, по имени Мис, в сопровождении трех выбранных общиной людей для записи прорицаний. Далее о случившемся в храме Геродот (8.135) рассказывает следующее: главный жрец изрек оракул, а Мис выхватил у своих провожатых дощечку для записи и записал на ней слова прорицателя. Поступок Миса можно воспринять как процедурное нарушение, но объясняется он тем, что сопровождавшие его беотийцы не поняли прорицателя, который говорил на неизвестном им языке – карийском, по признанию самого Миса. Дважды побы-

¹⁴ Подробнее о составе дельфийского жречества и его функциях см.: [Кулишова 2001, с. 108–122].

¹⁵ Liv. 23.11.5: *iussumque ab templi antistite, sicut coronatus laurea corona et oraculum adisset et rem divinam fecisset... (6) ...cum summa religione ac diligentia exsecutum coronam Romae in aram Apollinis deposuisse.*

вал с посольской миссией в Дельфах спартанец Ликург, о чем источники передают схожие сведения. По свидетельству Геродота (1.65), Ликург вошел в святилище и услышал изречение из уст пифии, в котором он уподоблялся бессмертному богу¹⁶. В повествовании Плутарха (Lyc. 5) это было первое посещение Ликургом Дельф, где пифия назвала его «боголюбезным» и обещала даровать спартанцам наилучшие порядки. Второй раз он отправился к оракулу, осуществив свои преобразования (Plut. Lyc. 29): прибыв в Дельфы, он принес жертву, обратился к богу и сам записал прорицание.

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что процедура общения с оракулом, хотя и требовала соблюдения определенных норм (как, например, выбор людей, специально подготовленных для записи изречений), но допускала отступления от них, когда лицо, заинтересованное в получении прорицания, непосредственно вступало в контакт с пифией, беря на себя и принесение жертвы, и запись изречения оракула. При этом, конечно, во всех перечисленных случаях за кадром остается помощь, которую паломникам оказывали жрецы из храмового персонала.

Тит Ливий относил практику общения римлян с Дельфийским оракулом ко времени до установления республики. Первый случай отправки посольства в Дельфы связан с желанием Тарквния Гордого получить ответ, объясняющий страшное знамение, случившееся в царском доме (Liv. 1.56.4)¹⁷. Послами к оракулу он отправил двух своих сыновей и племянника по женской линии Юния Брута, не смея доверить таблички с ответами никому другому¹⁸. Получив прорицания, они принесли дары богу, причем сделали это самостоятельно, без помощи со стороны храмового персонала. Возможно, что и с пифией послы общались непосредственно: ведь выполнив задание царя Тарквния Гордого, они обратились к божеству за ответом на интересующий лично их вопрос о будущем правителе Рима (Liv. 1.56.9-10; Dionys. 4.69.3). Второй случай обращения римлян к оракулу Аполлона связан с осадой этрунского города Вei и не отмечен никакими подробностями общения с пифией: послы, отправленные в Дельфы, привезли ответ оракула (Liv. 5.15.5, 16.8; Dionys. 12.12, 16). В третий раз римляне советовались с Аполлоном Пифийским во время Самнитских войн: по совету бога в Риме

¹⁶ О том же рассказывает Ксенофонт (Apol., 15): «Не знаю, как мне назвать тебя – богом или человеком» (пер. С.И. Соболевского).

¹⁷ Дионисий (4.69.2) называет иную причину отправки посольства к Дельфийскому оракулу – болезнь, поразившую женщин и детей.

¹⁸ Liv. 1.56.6: neque responsa sortium ulli alii committere ausus; Val. Max. 7.3.2.

были поставлены статуи Пифагору и Алкивиаду (Plin. N.H. 34.26; Plut. Numa 8.20)¹⁹. Интересно, что из всех оракулов Аполлона, существовавших в греческом мире, римляне отдавали предпочтение именно дельфийскому. Возможно практика обращения римлян к оракулу в Дельфах (будь то легендарная или реальная), о которой пишут и Ливий, и греческие авторы, восходит к сложившемуся в античном мире представлению, основанному на рассказе Геродота (1.46-53), о прорицаниях дельфийского оракула как единственно правдивых. Стремление же римлян связать свою историю с Дельфами возникло не ранее конца III в. и связано с готовностью видеть себя частью греческого мира [Gruen 1990, р. 9].

В трех приведенных выше случаях не отмечены никакие подробности общения римских посланников с пифией или с дельфийскими жрецами за исключением указания, в случае с Тарквинием, на ближайших родственников как исполнителей ответственного поручения. В этом отношении данная ситуация схожа с обстоятельствами, которые способствовали выбору Фабия Пиктора послом в Дельфы – родство с влиятельным политиком помогло решить вопрос в его пользу.

Возвращаясь к рассказу Ливия о дельфийской миссии Фабия Пиктора, следует отметить, что поведение Фабия больше всего походит на действия Ликурга, что позволяет предположить, что в обоих случаях мы имеем дело с визитами, целью которых было выяснение необходимых действий со стороны представителя государства в критические для этого государства моменты – введения нового конституционного порядка (как это было в Спарте) или обретения уверенности в своих силах после тяжелейшего поражения, которое римляне потерпели от армии Ганибала.

Участие Фабиев в посольских миссиях и назначение Пиктора послом в Дельфы

Тот факт, что выбор в 216 г. пал на Фабия Пиктора, очевидно, был также подготовлен предшествовавшей практикой успешного участия представителей рода Фабиев в посольских миссиях. Первым надежным свидетельством этого является обмен посольствами между Римом и Египтом в 273 г. В «Истории» Ливия этот эпизод фигурировал в утраченной второй декаде, а в периоде сохранилось

¹⁹ Скорее всего, статуи Алкивиада и Пифагора появились в Риме как военные трофеи, вывезенные после очередной кампании против южноиталийских греков [Wallace 1990, р. 289].

упоминание самого факта заключения союза с Птолемеем (Дионисий Галикарнасский называет его Филадельфом), царем египетским²⁰. У Дионисия (20.14.1-2) присутствует подробный рассказ о римском посольстве в Египет с указанием имен участников в такой последовательности: Нумерий Фабий Пиктор, Квинт Фабий Максим и Квинт Огульний. Главой посольства должен был быть Кв. Фабий Максим Гургит²¹, дважды консул, цензор, триумфатор, который очевидно был *princeps senatus* во время отправки посольства²². Нумерий Фабий Пиктор, возможно, был дядей историка Фабия Пиктора; третьим в этой группе был Квинт Огульний с когноменом Галл (*Gallus*) [Forsythe 2005, p. 358]. Далее Дионисий повествует о том, как были принятые в сенате вернувшиеся из Египта послы: полученные ими от царя дары, которые они намеревались внести в государственную казну, сенаторы вернули послам как награду за доблесть – так высоко они оценили результат переговоров с египетским царем. По мнению А. Лампелы, результатом проведенных переговоров явилось заключение договора о дружбе (*foedus amicitiae*), инициатором которого выступил Птолемей II [Lampela 1998, pp. 17–19, 33–34]. Эта история свидетельствует о том, что отдельные представители рода Фабиев не только занимали ведущие позиции в сенате, но и брали на себя выполнение посольских миссий, добиваясь внушительных результатов²³.

Если углубиться в историю, можно найти еще одну посольскую миссию Фабиев. Речь идет о посольстве, которое состояло из трех сыновей Марка Фабия Амбуста²⁴, великого понтифика (Liv. 5.41.3), и было отправлено к галлам с целью уговорить их не нападать на этрусский город Клузий. Однако поведение послов было расценено галльской стороной как осквернение права народов (*ius*

²⁰ Liv. Per. 14: cum Ptolemaeo, Aegypti rege, societas iuncta est.

²¹ Именно так он назван Валерием Максимом (4.3.9), который ставит его на первое место, а следующим называет Нумерия Фабия Пиктора.

²² Plin. N.H. 7.133: *una < familia > Fabiorum, in qua tres continui princeps senatus, M. Fabius Ambustus, Fabius Rullianus filius, Q. Fabius Gurges nepos.*

²³ Трудно сказать, насколько достигнутый результат был обусловлен умением Фабиев вести переговоры, а не заинтересованностью самого Птолемея в заключении договора с римлянами, которые, успешно завершив войну с Пирром, обеспечили экономическую стабильность в южноиталийском регионе, что отвечало интересам египетской торговли с городами Великой Греции. Об этом см.: [Lampela 1998, pp. 49–51].

²⁴ Это были Цезон Фабий Амбуст, Нумерий Фабий Амбуст и Квинт Фабий Амбуст. Все трое были избраны консуллярными трибуналами на 390 г. (Liv. 5.36.12).

gentium) и, по сути дела, спровоцировало поход галлов на Рим, который закончился захватом города в 390 г. Поскольку рассказ о том, что клузийцы, боясь вторжения галлов, обратились к римлянам с просьбой о помощи, передает только Ливий (5.35.4-6)²⁵, позволяет усомниться в достоверности посольской миссии, возложенной на представителей одного рода (из трех Фабиев в источниках по имени назван только один – Квинт Фабий Амбуост)²⁶, и в том, что она попала в ливианскую традицию из семейных преданий рода Фабиев, ведь провал посольской миссии трех Фабиев вряд ли мог способствовать прославлению всего рода. И тем не менее две детали Ливиего рассказа явно указывают на семейные предания, которые легли в основу драматического повествования. Это – поединок Квinta Фабия с галльским вождем, который завершился снятием доспехов с поверженного противника (Liv. 5.36.7)²⁷, и упоминание Марка Фабия как великого pontифика (Liv. 5.41.3). В целом же этот рассказ проецировал в прошлое дипломатическое и религиозное значение Фабиев, обретенное этим родом в III в.

Возвращаясь к дельфийской миссии Фабия Пиктора в этом контексте, можно сказать, что его назначение в сенате имело конкретного инициатора – Квinta Фабия Максима Веррукоза, который, представляя сенаторам кандидатуру своего родственника, несомненно апеллировал к дипломатической и религиозной деятельности представителей рода Фабиев в различных ситуациях и их осведомленности в подобных делах. В связи с этим можно было бы согласиться с убеждением современных историков в том, что Фабий Пиктор занимал к этому времени какую-либо религиозную должность, возможно был одним из децемвиров для совершения священномдействий, о чем речь шла выше, но подтверждений этому нет. Поэтому остается предположить, что подобная возможность,

²⁵ Современник Ливия Дионисий (13.12) упоминает отправку послов из Рима к галлам вне связи с просьбами клузийцев. Версию Ливия повторяет Плутарх (Camil. 17).

²⁶ О трех Фабиях говорят Ливий (5.36.5) и Плутарх (Camil. 17), тогда как Дионисий (13.12) называет Квinta Фабия одним из послов.

²⁷ Дионисий (13.12) передает этот эпизод как убийство Квинтом Фабием вождя галлов, которое случилось во время заготовки кормов варварами, а Плутарх (Camil. 17) – как стычку Фабия с галлом, которого он, видимо, принял за вождя и, убив его, начал снимать доспехи. В этом отношении только рассказ Ливия согласуется с римскими правилами проведения единоборства: сражение должно проходить вне строя и завершиться снятием доспехов с убитого вражеского полководца. Подробнее см.: [Сидорович 2005, с. 23].

высказанная некоторыми исследователями, основывается исключительно, с одной стороны, на вышеупомянутом факте обращения по инициативе Фабия Максима Веррукоза к Сивиллиным книгам, которое осуществляли децемвиры, что прочно связало имя его родственника – будущего историка – с членством в этой коллегии, а с другой – на активном содействии искушенного в религиозных вопросах Веррукоза в назначении Пиктора послом в Дельфы.

Кандидатура Фабия Пиктора действительно оказалась наиболее предпочтительной для сенаторов: Пиктор опирался на дипломатический и религиозный опыт своих предков, был известен современникам своим благочестием, знал греческий язык и был хорошо знаком с греческой культурой²⁸, но не обладал такой известностью за пределами Рима, как его родственник и современник – Веррукоз Кунктор. В целом он был нейтральной фигурой, подходящей для осуществления деликатной миссии в Дельфах, которая позволила бы римским сенаторам обрести уверенность в практически безвыходной ситуации, сложившейся после битвы при Каннах. Скорее всего, не было никакого официального посольства в Дельфы (в противном случае оно означало бы признание со стороны римского государства своего бедственного положения, в которое оно попало после очередного поражения от Ганнибала), а Фабий Пиктор выполнял частное поручение сената. Однако общение с Дельфийским оракулом сказалось на религиозной жизни Рима. В 212 г. в Риме были учреждены ежегодно проводимые по греческому обряду игры в честь Аполлона (*ludi Apollinares*) (*Liv. 25.12.9-15*)²⁹.

Фабий Пиктор и греки: формирование представлений о древнейшей истории Рима

Остается вернуться к началу нашего повествования и ответить на вопрос о том, как повлияла поездка в Дельфы на формирование представления первого римского историка об отдаленном прошлом своего города. Мы не знаем, когда Фабий завершил свое сочинение. По сохранившимся фрагментам можно воссоздать его структуру: легенда об Энее была у Пиктора уже частью истории Рима, а рассказ о Ромуле и Реме, которым открывается эпоха царей, представлял собой развернутое повествование, составленное в жанре

²⁸ Так характеризует Фабия Пиктора А. Момильяно [Momigliano 1990, p. 88].

²⁹ *Liv. 25.12.9-10: ...Apollini vovendos censeo ludos qui quotannis comiter Apollini fiant; ...decemviri Graeco ritu hostiis sacra faciant.*

«основания городов»³⁰. Канонический список римских царей, который мы находим в первой книге «Истории Рима» Тита Ливия, состоит из семи имен, однако, как уже неоднократно отмечалось, в действительности он был гораздо длиннее и прежде всего в той его части, которая приходилась на этрусскую династию [Alföldi 1965, pp. 72–84, 216–217; Forsythe 1994, pp. 227–244; Thomsen 1980, pp. 86–87]. Писавший по-гречески Фабий Пиктор не только ориентировался на образцы греческой историографии, но и зависел от свидетельств греков о древнейшей истории Рима. Среди греческих авторов как возможных источников Фабия Пиктора скорее следует назвать не столько упомянутого Плутархом Диокла, сколько самого авторитетного историка своего времени, имевшего обширную читательскую аудиторию – Тимея Сицилийского (356–260 гг.)³¹. Тимей не только изложил раннюю историю Рима, но и предложил дату его основания синхронную дате основания Карфагена (813 г.) [Momigliano 1977, pp. 37–66]. Судя по всему, Тимею же принадлежал список римских царей, состоявший из восьми имен, которые соответствовали 240-летнему периоду правления римской династии [Коптев 2006, с. 34–37; Коптев 2008, pp. 24–26]. Процесс трансформации царского списка из восьми имен у Тимея в список из семи имен у Фабия Пиктора подробно исследован А.В. Коптевым, который указал на причины ориентации римского историка на число «семь», бывшее священным в культе Аполлона³². Выработанная Фабием схема закрепилась в римской историографии. Впоследствии Марк Теренций Варрон вместе со своим другом математиком Тарутием определил 753 г. как год основания Рима³³, доведя время существования римской династии до 244 лет.

³⁰ По свидетельству Плутарха (Rom. 3), легенду об основании Рима Ромулом Фабий заимствовал у Диокла с Пепаретоса, однако между версиями Диокла и Фабия имеются расхождения. Об «основании городов» как об особом жанре греческих исторических сочинений см.: [Сидорович 2021, с. 161–172].

³¹ Полибий наряду с критикой Тимея отмечает его положительные качества как историка (Polyb. 12.27a.3, 10.4, 25c.1, 26d.1). О причинах полемики Полибия с Тимеем см.: [Walbank 1985, p. 278].

³² А.В. Коптев также обращает внимание на то, что стремление ограничить царский список семью именами согласуется с древней римской практикой гентильной экзогамии, которая ограничивала gens шестой / седьмой степенями родства [Коптев 2006, с. 55–56; Коптев 2008, pp. 75–77].

³³ Луций Тарутий Фирман также слыл известным астрологом. Он составил гороскоп Рима (Cic. De div. 2.98) и вычислил день и час рождения Ромула (Plut. Rom. 12.3-4).

Заключение

Таким образом, дельфийская миссия Фабия Пиктора, осуществленная по инициативе его родственника – сенатора Кв. Фабия Веррукоза, восстановив *pax deorum*, придала римлянам уверенности в своих действиях и в конечном итоге способствовала наметившемуся перелому в ходе Второй Пунической войны. Одновременно она повлияла на формирование представлений рождающейся римской историографии об отдаленном прошлом своего Города: благодаря Фабию Пиктору в канонической версии римской истории утвердилось представление о царском периоде как о времени правления семи царей.

Литература

Короленков 2017 – *Короленков А.В.* Аппиан о противостоянии Фабия Максима и Ганнибала // Пунические войны: история великого противостояния: Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном / науч. ред. О.Л. Габелко, А.В. Короленков. СПб.: Ювента, 2017. С. 353–367.

Коптев 2006 – *Коптев А.В.* Формирование списка царей раннего Рима // Кентавр/ Centaurus. Studia classica et mediaevalia. М.: РГГУ, 2006. № 3. С. 31–68.

Кулишова 2001 – *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2001. 432 с.

Мосолкин 2001 – *Мосолкин А.В.* Фабий Пиктор и римское посольство в Дельфы в 216 г. до н. э. // Жебелевские чтения – 3: Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 г. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 140–144.

Приходько 1996 – *Приходько Е.В.* Оракул: кто это? или что это? // Классическая филология на современном этапе: Сб. науч. статей. М.: Наследие, 1996. С. 109–119.

Сидорович 2005 – *Сидорович О.В.* Единоборство в системе ценностей римского гражданина эпохи Республики // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003/2004: Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 18–30.

Сидорович 2021 – *Сидорович О.В.* «Основание городов» как вид исторических сочинений и основание Рима у Фабия Пиктора // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2021. № 10. Ч. 2. С. 161–172.

Alföldi 1965 – *Alföldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965. 433 p. (Jerome lectures)

Cornell 2013 – *The fragments of the Roman historians* / ed. by T.J. Cornell. Vol. 1: Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2013. 662 p.

Erdkamp 1992 – *Erdkamp P. Polybius, Livy and the Fabian strategy* // *Ancient Society*. 1992. Vol. 23. P. 127–147.

Forsythe 1994 – *Forsythe G. The historian L. Calpurnius Piso Frugi and the Roman annalistic tradition*. N.Y., L.: Lanham, 1994. 552 p.

Forsythe 2005 – *Forsythe G. A Critical history of early Rome. From prehistory to the First Punic War*. Berkeley: University of California Press, 2005. 400 p.

Frier 1979 – *Frier B.W. Libri annales Pontificum Maximorum. The origins of the annalistic tradition*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1979. 368 p. (Papers and Monographs of the American Academy in Rome; vol. 27)

Gruen 1990 – *Gruen E.S. Studies in Greek culture and Roman policy*. Leiden; N.Y.: Brill, 1990. 209 p.

Koptev 2008 – *Koptev A. Reconstructing the Roman king-list* // *Studies in Latin literature and Roman history XIV* / ed. by C. Deroux. Bruxelles: Latomus, 2008. Vol. 315. P. 5–83.

Lampela 1998 – *Lampela A. Rome and the Ptolemies of Egypt: The development of their political relations, 273–80 B.C.* Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1998. 301 p.

MacBain 1982 – *MacBain B. Prodigy and expiation: A study in religion and politics in republican Rome*. Bruxelles: Latomus, 1982. 140 p.

Momigliano 1990 – *Momigliano A. The classical foundations of modern history*. Berkeley: University of California Press, 1990. 162 p. (Sather Classical Lectures; iss. 54)

Momigliano 1977 – *Momigliano A. Athens in the 3^d century B.C. and the discovery of Rome in the histories of Timaeus of Tauromenium* // *Essays in ancient and modern historiography*. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 37–66. (Blackwell's classical studies)

Thomsen 1980 – *Thomsen R. King Servius Tullius. A historical synthesis*. Copenhagen: Gyldendal, 1980. 347 p.

Walbank 1985 – *Walbank F.W. Selected papers. Studies in Greek and Roman history and historiography*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 400 p.

Wallace 1990 – *Wallace R.W. Hellenization and Roman Society in the late 4th century B.C.: A methodological critique* // *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik* / Hrsg. W. Eder. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. P. 278–292.

Walter 2004 – *Walter U. Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im Republikanischen Rom*. Frankfurt a/M.: Antike, 2004. 478 p. (Studien zur Alten Geschichte, Bd. 1)

Wiseman 1995 – *Wiseman T.P. Remus. A Roman myth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 243 p.

References

Alföldi, A. (1965), *Early Rome and the Latins*, University of Michigan Press, Ann Arbor, USA. (*Jerome lectures*)

Cornell, T.J. (ed.) (2013), *The fragments of the Roman historians. Vol. 1: Introduction*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Erdkamp, P. (1992), "Polybius, Livy and the Fabian strategy", *Ancient Society*, vol. 23, pp. 5–29.

Forsythe, G. (1994), *The historian L. Calpurnius Piso Frugi and the Roman annalistic tradition*, Lanham, New York, USA, London, UK.

Forsythe, G. (2005), *Critical history of early Rome. From prehistory to the First Punic War*, University of California Press, Berkeley, USA.

Frier, B.W. (1979), *Libri annales Pontificum Maximorum. The origins of the annalistic tradition*, University of Michigan Press, Ann Arbor, USA. (*Papers and Monographs of the American Academy in Rome*; vol. 27)

Gruen, E.S. (1990), *Studies in Greek culture and Roman policy*, Brill, Leiden, Netherlands, New York, USA.

Koptev, A.V. (2006), "The formation of the list of Early Roman kings", *Kentavr/Centaurus. Studia classica et mediaevalia*, no. 3, pp. 31–68.

Koptev, A. (2008), "Reconstructing the Roman king-list", in Deroux, C., ed., *Studies in Latin literature and Roman history XIV*, vol. 315, pp. 5–83.

Korolenkov, A.V. (2017), "Appian on the military confrontation between Fabius Maximus and Hannibal", in Gabelko, O.L. and Korolenkov, A.V., ed., *Punicheskie voiny: istoriya velikogo protivostoyaniya: Voennye, diplomaticheskie, ideologicheskie aspekty bor'by mezhdju Rimom i Karfagenom* [The Punic wars: A history of the great confrontation. Military, diplomatic and ideological aspects of the struggle between Rome and Carthage], Yuvanta, Saint Petersburg, Russia, pp. 353–367.

Kulishova, O.V. (2001), *Del'finskii orakul v sisteme antichnykh mezhgosudarstvennykh otnoshenii (VII–V vv. do n. e.)*, [The Delphic oracle in the system of ancient inter-governmental relations (7th–5th centuries BC)], Gumanitarnaya akademiya, Saint Petersburg, Russia.

Lampela, A. (1998), *Rome and the Ptolemies of Egypt: The development of their political relations, 273–80 B.C.*, Societas Scientiarum Fennica, Helsinki, Finland.

MacBain, B. (1982), *Prodigy and expiation: A study in religion and politics in republican Rome*, Latomus, Bruxelles, Belgium.

Momigliano, A. (1977), "Athens in the 3d century B.C. and the discovery of Rome in the histories of Timaeus of Tauromenium", in *Essays in ancient and modern historiography*, Oxford University Press, Oxford, UK. (*Blackwell's classical studies*)

Momigliano, A. (1990), *The classical foundations of modern history*, University of California Press, Berkeley, USA. (*Sather Classical Lectures*; iss. 54)

Mosolkin, A.V. (2001), "Fabius Pictor and the Roman Embassy to Delphi in 216 B.C.", in *Zhebelevskie chteniya – 3: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii 29–31 oktyabrya*

2001 g. [Zhebelev Readings – 3: Abstracts of the scientific conference held on 29–31 October 2001], SPbGU, Saint Petersburg, Russia, pp. 140–144.

Prikhod'ko, H.V. (1996), “Oraculum: quis est? aut quid est?”, in *Klassicheskaya filologiya na sovremenном этапе: Сборник научных statei* [Oracle. Who is this? or What is this?], Nasledie, Moscow, Russia, pp. 109–119.

Sidorovich, O.V. (2005), “Martial arts in the value system of a Roman citizen during the Republic era”, in *Voenno-istoricheskaya antropologiya: Ezhegodnik, 2003/2004: Novye nauchnye napravleniya* [Military and historical anthropology. A yearbook, 2003/2004. New academic approaches], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 18–30.

Sidorovich, O.V. (2021), “‘Foundation tales’ as the literary form of historical writings and the foundation of Rome by Fabius Pictor”, *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, part 2, pp. 161–172.

Thomsen, R. (1980), *King Servius Tullius. A historical synthesis*, Gyldendal, Copenhagen, Denmark.

Walbank, F.W. (1985), *Selected papers. Studies in Greek and Roman history and historiography*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Wallace, R.W. (1990), “Hellenization and Roman Society in the late 4th century B.C.: A methodological critique”, in Eder, W., ed., *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik*, Franz Steiner Verlag, Stuttgart, Germany, pp. 278–292.

Walter, U. (2004), *Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im Republikanischen Rom*, Antike, Frankfurt am Main, Germany.

Wiseman, T.P. (1995), *Remus. A Roman myth*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Ольга В. Сидорович, доктор исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6, varro52@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9832-1050

Information about the author

Olga V. Sidorovich, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; varro52@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9832-1050

Рацион питания в конвентах английской провинции францисканского ордена (XIII–XVI вв.)

Ольга С. Силина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, silina.os@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о рационе питания францисканцев в конвентах Англии в Средние века. Анализ агиографической литературы, правил и конституций францисканского ордена, документов королевской канцелярии позволяет понять рацион питания братьев и значение еды в формировании представлений об идеале евангельской бедности. Особое внимание в статье уделено проблеме включения мяса в рацион питания францисканцев. Воздержание от мяса являлось неотъемлемой частью жизни в смирении и бедности. В то же время в соответствии с правилом ордена св. Франциск братья должны были жить в основном на подаяния, и поэтому они могли есть и пить все, что им предоставят. Опора на милостыню или случай в получении пищи были одной из важнейших отличительных черт раннего францисканского движения. Однако в процессе разрастания ордена еда стала поступать в конвенты францисканцев не только путем подаяний, но и благодаря собственной хозяйственной деятельности братьев. Обширное хозяйственное производство в конвентах ордена нашло отражение в инвентаризационных описях францисканских домов, составленных при их распуске в XVI в. Согласно описям, францисканцы не разводили скот для производства мясных продуктов. Вероятно, это было обусловлено расположением конвентов в городском пространстве и нерешенностью вопроса о включении мяса в рацион питания братьев.

Ключевые слова: францисканский орден, Англия, Средние века, рацион питания, мясо, безмясная диета

Для цитирования: Силина О.С. Рацион питания в конвентах английской провинции францисканского ордена (XIII–XVI вв.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 130–141. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-130-141

Diet in the English province convents of the Franciscan Order (13th – 16th centuries)

Olga S. Silina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, silina.os@rggu.ru*

Abstract. The article considers Franciscan diet in the convents of medieval England. The analysis of hagiographic literature, rules and constitutions of the Franciscan Order, along with the sources of the royal Chancery, makes it possible to understand the friars' diet and the role of food in shaping views on the ideal evangelical poverty. The author highlights the issue of including meat in the Franciscan diet. Meat abstention was intrinsic to the life of humility and poverty. At the same time, according to the Rule of the Order, St. Francis and the friars were to live largely on alms, and they could thus eat and drink whatever is placed before them. Living on alms or just an occasion to get food from somewhere was one of the most important distinguishing marks of the early Franciscan movement. However, as the Order grew, food began to be supplied to the Franciscan convents not only through alms, but also through the economic activity of the friars. The extensive economic production in the convents of the Order is represented in the inventories of the Franciscan houses, which were compiled at their Dissolution in the 16th century. According to the inventories, the Franciscans did not engage in livestock breeding for meat production. Probably it was due to the location of the convents in the urban space and the unresolved issue of including meat in the diet of the friars.

Keywords: Franciscan order, England, Middle Ages, diet, meat, meatless diet

For citation: Silina, O.S. (2025), "Diet in the English province convents of the Franciscan Order (13th – 16th centuries)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 130–141, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-130-141

Введение

О хозяйственной жизни францисканских конвентов в Англии известно не так много. Отчасти это связано с роспуском религиозных домов в период Реформации, когда по инициативе короны была организована масштабная кампания по продаже и сдаче в аренду культовых, административных и хозяйственных строений ордена. В процессе изъятия имущества конвентов были утрачены многие документы, непосредственно касающиеся хозяйственной

деятельности миноритов. Низкая сохранность провинциальной орденской документации обусловила недостаточное изучение во францисканской историографии вопросов, связанных с организацией быта и рациона питания братьев ордена. Из-за отсутствия доступа к документальным свидетельствам, посвященным повседневной жизни конвентов миноритов, изучение истории францисканского ордена в Англии, берущее начало в трудах Э.Дж. Литтла¹, Ч.Л. Кингсфорда², Дж.Р. Мурмана [Moortman 1952], как правило, опирается на общеорденские источники и корпус документов королевской канцелярии.

К числу общеорденских документов относятся правила и конституции, которые касались внутренней организации ордена и его конвентов, включая регламент питания братьев. Важное значение для понимания отношения св. Франциска к рациону питания, включению в него мяса имеют рассказы житийной литературы. Кроме того, записи королевской канцелярии и описи имущества религиозных домов, составленные при их диссолюции, содержат сведения о королевских пожалованиях в виде продовольствия и продуктов хозяйственного производства, обнаруженных в домах миноритов. Обращение к данным источникам позволяет понять, каким был рацион питания францисканцев и какая роль отводилась еде в формировании представлений о евангельской бедности.

Отношение св. Франциска к пище и способу ее получения

Соблюдение евангельской бедности, следование по стопам Христа Франциск Ассизский выразил в идее *vita apostolica*. И можно было бы ожидать, что стремление св. Франциска к апостольской нищете должно повлечь строгие предписания его последователям в отношении питания, поскольку отказ от материальных благ служил отправной точкой на пути к внутренней бедности и обретению блаженства «нищего духом». Однако в Правиле ордена 1221 г. св. Франциск лаконично завещал братьям в непостное время есть

¹ Little A.G. Studies in English Franciscan history. Manchester: Manchester University Press, 1917; *Idem*. The Franciscan school at Oxford in the 13th century // Archivum Franciscanum Historicum. 1926. Vol. 19. P. 803–874.

² Kingsford C.L. The Grey Friars of London. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1915; *Idem*. Additional material for the history of the Grey Friars, London // Collectanea Franciscana II / ed. C.L. Kingsford. Manchester: Manchester University Press, 1922. P. 61–156.

любую пищу, предложенную им³. Позже в Правиле ордена, утвержденном папской буллой, св. Франциск аналогично наставляет братьев воздерживаться в еде только в дни поста⁴. Вместе с тем жития святого, составленные Фомой Челанским и Бонавентурой, содержат более многословные увещевания св. Франциска и описания трапезы ранних францисканских общин. В жизнеописаниях непременно подчеркивалась скучность пищи, безмясная диета св. Франциска и его последователей. В то же время значительное внимание уделено сюжетам, повествующим о нарушении основателем ордена диетических ограничений, употреблении им мяса. Такая двойственность рассказов житийной литературы может свидетельствовать о нерешенности вопроса, касающегося включения мяса в рацион питания францисканцев как со стороны св. Франциска, так и последующих руководителей ордена.

У св. Франциска было неоднозначное отношение к употреблению мяса. В житии, составленном Фомой Челанским, рассказывается о том, как Франциск Ассизский разделил трапезу с семьей одного доброго человека, приготовившего для него семилетнего каплуна. Во время трапезы к ним подошел нищий и попросил немного еды. Св. Франциск дал ему кусок мяса с хлебом. На следующий день нищий публично обвинил св. Франциска в том, что он ест мясо, и предъявил в качестве доказательства остатки каплуна. Однако они чудесным образом превратились в скелет рыбы, тем самым очистив репутацию святого⁵. Данный рассказ демонстрирует, что св. Франциск считал приемлемым для себя и своих последователей есть мясо, полученное в результате милостыни. Кроме того, этот сюжет показывает, насколько глубоко в обществе укоренилось представление о том, что служители церкви не должны есть мясо [Jotischky 2011, p. 88]. И, скорее всего, такой взгляд на запрет употребления мясной пищи для представителя религиозного ордена не ограничивался временной аскетической практикой в период поста.

Воздержание от мяса в дни поста для духовенства считалось необходимым. При этом во втором житии Фомы Челанского есть несколько эпизодов, в которых св. Франциск признавался народу в том, что он нарушал пост. В одном из них святой на проповеди

³ Правило, не утвержденное буллой (1221 г.) // Истоки францисканства: Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская: писания и биография / под ред. А. Вичини, Я. Ан; авт. вступ. ст. С. Аверинцев. М.: Духовная библиотека, 1996. С. 47.

⁴ Правило, утвержденный буллой (1223) // Истоки францисканства... С. 72.

⁵ Второе житие Фомы Челанского // Истоки францисканства... С. 399.

сообщил, что, будучи больным, во время поста Адвента он употреблял пищу, приготовленную его компаниями на сале⁶.

В постное время св. Франциск считал недопустимым мясоедение, за исключением дней болезни и праздников, выпадающих на дни поста. Как свидетельствует Фома Челанский, на вопрос братьев о том, следует ли соблюдать пятничный пост на Рождество⁷, когда эти дни совпадают, св. Франциск ответил, что в этот день он хочет, чтобы даже стены ели мясо, а если не могут, то по крайней мере снаружи пусть их намазывают жиром. Далее он выразил желание, чтобы все творение праздновало Рождество Христово большим пиршеством, бедные были бы накормлены богатыми, быки и ослы получали бы дополнительный корм и сено, по дорогам было бы рассыпано в изобилии зерно для птиц⁸. В приведенном ответе святой говорит не только о допустимости употребления мяса в праздничные дни, но и о способе получения пищи. Есть можно было то мясо, которое получено в результате милостыни.

Вопросы рациона питания, употребления мяса и способ его получения стали одними из центральных для францисканской идентичности. Получение пищи через милостыню в результате божественного провидения или случая являлись отличительными признаками францисканского движения. И в ранней литературе ордена немало примеров, указывающих на этот аспект получения еды. Так, св. Франциск восхищался жаворонком, говоря, что у сестры жаворонка капюшон, как у религиозного человека, и она скромная птица, которая весело идет по дороге, чтобы найти себе немного зерна, и даже если находит его среди навоза животных, она берет его и ест [Kiser 2004, р. 136]. В этом сюжете восхваляется способ получения пищи и подчеркивается, что еда обнаруживается в неблагоприятных условиях. В «Изречениях брата Эгидия Ассизского», одного из первых спутников св. Франциска, присутствует антагонистический пример, связанный с поведением муравья. Св. Франциск презирал муравья из-за его большого усердия в сортировании и запасании еды [Kiser 2004, р. 136]. Таким образом, в рассмотренных сюжетах, содержащих упоминания еды и трапезы францисканцев, подчеркивается не столько сама пища, сколько способ ее получения.

⁶ Там же. С. 443.

⁷ При жизни св. Франциска в ордене предписывался пост по понедельникам, средам и пятницам с обязательным воздержанием от молочных продуктов по субботам.

⁸ Второе житие Фомы Челанского // Истоки францисканства... С. 498.

*Регламентация рациона питания, подаяния
и хозяйственное производство
в конвентах миноритов*

В процессе разрастания числа францисканцев возникла необходимость в более тщательной регламентации рациона питания братьев ордена. Английский хронист Фома Экклестон отмечал, что уже в середине XIII в. в Англии насчитывалось сорок девять конвентов миноритов⁹. Столь же стремительно росло количество францисканских общин и в других провинциях ордена. В связи с этим стали достаточно рано создаваться конституции ордена, утвержденные на генеральных капитулах. В каждой новой редакции конституций происходил пересмотр определенных вопросов внутреннего уклада жизни конвентов, включая рацион питания миноритов.

Значимыми для ордена стали Нарбоннские конституции, принятые на капитуле в 1260 г. под руководством Бонавентуры. Бонавентура распорядился уничтожить все имевшиеся ранее подобные документы. Копии этого текста конституций должны были храниться в каждом конвенте ордена и читаться публично один раз в месяц, по крайней мере положения первых семи глав, касающихся повседневной жизни францисканцев [Roest 2004, р. 143].

В Нарбоннских конституциях говорится, что братья обязаны поститься, и приводится обширный список дней поста. Кроме того, в документе отмечено, что во время поста францисканцы не должны есть мясо, за исключением братьев немощных и находящихся в долгом пути¹⁰. В другие дни конституции устанавливают, что братьям ордена необходимо довольствоваться одним блюдом, остерегаться дорогой еды. И только по субботам им не следует употреблять мясо или мясной жир¹¹. Из этого ясно, что Нарбоннские конституции запрещали мясоедение исключительно в дни поста и по субботам.

В конституциях ордена 1334 г., созданных по инициативе папы Бенедикта XII и названных по его имени Бенедиктинскими, было

⁹ Thomae de Eccleston. Liber de Adventu Fratrum Minorum in Angliam // Analecta franciscana sive Chronica aliaque varia Documenta ad historiam Fratrum Minorum spectantia edita a Patribus Collegii S. Bonaventurae. Quaracchi: Typographia Collegii S. Bonaventurae, 1885. Vol. 1. P. 219.

¹⁰ Doctoris seraphici S. Bonaventurae, S.R.E. episcopi cardinalis Opera omnia. Vol. 8. Florence: PP. Collegii a S. Bonaventura, 1898. P. 453.

¹¹ Ibid.

введено бессрочное воздержание от мяса в трапезной [Harvey 1993, p. 40]¹². Однако спустя три года во францисканском ордене произошел возврат к нормам Нарбоннских постановлений. На капитуле в 1337 г., состоявшемся в Керси, были принятые конституции, повторявшие постановления Бонавентуры¹³. Причинами возврата к решениям Нарбоннского капитула, вероятно, были опасения в отождествлении францисканского ордена с еретическими сектами и разногласия в ордене относительно включения мясной пищи в рацион.

Отказ от употребления мяса был присущ жизни в смирении, бедности и умеренности, предписываемой францисканцам в подражание жизни Христа. В то же время несмотря на подчеркнутую в житийной литературе бедность пищи, которую употреблял св. Франциск и его последователи, есть основания полагать, что еды во францисканских конвентах было в достаточном количестве. Существовало два основных источника поступления продуктов в конвенты ордена: подаяния и собственное производство.

Зачастую подаяния в виде еды направлялись в конвенты монархов по воле короля Англии. В записях королевских свитков зафиксировано пожалование монархам Колчестера продовольствия от имени короля в размере 1000 сельдей¹⁴. Королевские пожалования в виде продовольствия, как правило, были приурочены к религиозным праздникам. Так, Генрих III в 1241 г. распорядился, чтобы монархам Лондона для празднования Троицы в течение трех дней было дано по три блюда и вино¹⁵. Вино являлось распространенным предметом таких поручений.

Записи королевских свитков о предоставлении францисканцам конкретных продуктов немногочисленны. Обычно такие королевские поручения принимали форму платы какому-либо должностному лицу за снабжение продовольствием без указания продуктов, которые следовало предоставить францисканским конвентам. По воле короля в 1233 г. королевский чиновник получил деньги для покрытия расходов на питание братьев про-

¹² *Muscat N. History of the Franciscan movement. From the beginnings of the Order to the year 1517. Jerusalem, 2008. P. 92.*

¹³ Существовали и другие конституции ордена, утвержденные на капитулах в Ассизи, Страсбурге, Париже, Лионе. Исследователь Б. Рост насчитывает пятнадцать конституций ордена, принятых в рассматриваемый период: *Roest B. Franciscan literature of religious instruction before the Council of Trent. Leiden: Brill, 2004. P. 148.*

¹⁴ *Little A.G. Studies in English Franciscan history. P. 36–37.*

¹⁵ *Ibid. P. 37.*

поведников и братьев миноритов Оксфорда¹⁶. За редким исключением присутствует конкретизация и в отношении подаяний, полученных миноритами от иных лиц. Одним из таких примеров является предоставление братом Джоном Марбилзором конвенту миноритов Кембриджа несколько корзин инжира и бочки селедки [Moorman 1952, р. 72].

Что касается хозяйственной деятельности миноритов в конвентах английской провинции ордена, то о ее характере дают представление инвентаризационные описи францисканских домов, составленные при их распуске в XVI в. Из данных документов известно, что многие конвенты ордена имели обширные сады и огороды. При этом миноритам разрешалось выращивать овощи, фрукты и зерно исключительно для собственных нужд, произведенные продукты нельзя было отправлять на продажу [Robson 2006, р. 121].

Так, в инвентаризационной описи францисканского дома Глостера имеется запись о наличии в нем пчел, лука, яблок и кукурузы¹⁷. Из документа неясно, выращивали лук, яблоки и кукурузу францисканцы Глостера или приобрели в результате покупки, подаяния. Однако очевидно, что данные продукты входили в их рацион питания. В отличие от описи глостерского дома, инвентаризационный документ францисканского конвента Страффорда направляемую указывает на занятие братьев пивоварением и выращиванием кукурузы¹⁸.

В инвентаризационных описях часто упоминается наличие во францисканских домах садов, пивоварен, мельниц, маслобоен. Например, у францисканцев Лондона был свой сад, огород, пивоварня, мельница, пекарня, маслобойня и двухэтажное здание кухни со столовой [Holder 2011, р. 99]. У кухни был собственный двор, а огородом служил один из садов на востоке участка. В распоряжении конвента Кембриджа был фруктовый сад, собственная пивоварня, мельница и зернохранилище [Moorman 1952, р. 51]. Конвент миноритов Дорчестера имел маслобойню, пивоварню, мельницу, для работы которой содержалось две лошади¹⁹. Минориты Херефорда держали лошадь и имели сад²⁰.

В некоторых конвентах отсутствовали мельницы, но имелись молотильные устройства для зерна. В описи францисканского

¹⁶ Ibid. P. 36–37.

¹⁷ Letters and papers: Henry VIII. Vol. 13. Part 1: 1538. № 1109 / ed. by J. Gairdner. L., 1892.

¹⁸ Ibid. Part 2: 1538. № 56 / ed. by J. Gairdner. L., 1893.

¹⁹ Ibid. № 474.

²⁰ Ibid. № 184.

дома в Бедфорде отмечено, что помимо лошадей и пастбища размечом около 20 акров на территории конвента был амбар с зерном и молотильными устройствами²¹.

В доме францисканцев Шрусбери упоминается огород, около четырех акров пахотной земли, ореховый сад. Братья этого конвента дополняли продукцию своего сада и огорода рыбой, пойманной в реке, как показывают неоднократные судебные дела с горожанами из-за возведения ими плотин для вылова рыбы²². Впрочем, не всегда минориты занимались рыбной ловлей в городских реках. Часто водоемы были расположены непосредственно на земельных участках францисканских домов. На участке конвента францисканцев Донкастера, например, было целых четыре пруда с рыбой. В Эйлсбери францисканцы имели небольшой участок земли в 6 акров, но и на нем был расположен пруд²³.

В конвенте францисканцев Ипсвича королевская комиссия по составлению инвентаризационной описи зафиксировала наличие пекарни, мельницы, сыроварни. Среди имевшихся в доме продуктов в документ были включены пшеница, рожь и солод²⁴. Пивоварня с солодом, рожью отмечена и в описи дома францисканцев в Личфилде²⁵.

В описях, составленных при роспуске домов францисканского ордена, в редких случаях упоминается выращивание виноградников и производство вина. Одним из таких исключительных примеров является опись францисканского дома в Оксфорде, где сказано, что в конвенте имелось зернохранилище, фруктовый сад, огород, пруд и виноградники²⁶. При этом нет сомнений в том, что и в других конвентах вино входило в рацион братьев ордена, будучи полученным ими в результате покупки и подаяний.

Анализ хозяйственной деятельности по инвентаризационным описям показывает, что рацион питания францисканцев должен был состоять преимущественно из большого количества рыбы, овощей, зерновых культур, орехов и фруктов. Употребление мяса также входило в рацион питания. Об этом свидетельствует наличие в крупных конвентах двух столовых: одна для приема пищи без диетических ограничений, вторая, предназначенная для безмясной

²¹ Ibid. № 526.

²² Little A.G. Studies in English Franciscan history. P. 18.

²³ Ibid. № 501.

²⁴ Ibid. Part 1: 1538. № 699.

²⁵ Ibid. Part 2: 1538. № 44.

²⁶ Little A.G. The Grey Friars in Oxford. Oxford: Oxford historical society at the Clarendon Press, 1892. P. 123.

трапезы²⁷. В первой половине XIV в. была построена вторая столовая в конвенте миноритов Лондона, что позволило францисканцам, отказавшимся от мяса, вероятно, по своей воле, а не в силу постановлений, принимать пищу отдельно от остальных [Holder 2011, р. 96]. Наряду с этим в рассмотренных документах нет каких-либо свидетельств того, что на территориях францисканских конвентов существовало разведение скота для получения мясных и молочных продуктов. Отсутствие скотоводства в хозяйственной жизни францисканцев было обусловлено не только духовными идеалами францисканцев, которые со временем подвергались изменениям, но и городской средой. Стесненность городского пространства не позволяла создавать на территориях конвентов пастбища и разводить скот. В связи с этим на маслобойнях и сыроварнях, отмеченных в инвентаризационных описях ряда конвентов, вероятно, использовалось полученное от мирян или покупное сырье для производства.

Заключение

Таким образом, в житиях св. Франциска присутствуют упоминания о том, что основатель ордена придерживался безмясного рациона питания. При этом в агиографические сюжеты включены рассказы о нарушении им взятых на себя диетических ограничений. Столь же непоследовательны в отношении мясоедения положения официальных документов ордена. Ни в одной редакции правила не говорилось, что францисканцам рекомендуется воздерживаться от мяса. В конституциях преимущественно действовал запрет на употребление мяса только в постные дни и по субботам. В силу этого рацион питания францисканцев, состоящий из рыбы, овощей, зерновых культур, орехов и фруктов, мог включать мясную продукцию.

Важно отметить, что единства в вопросах питания, прежде всего в отношении употребления мяса, не было и у представителей старого монашества. На протяжении всего Средневековья в модели питания монахов существовало как ограничение, так и полный запрет на включение мяса в рацион [Harvey 1993, р. 40;

²⁷ Наличие двух столовых в конвентах нищенствующих братьев или монастырях старого монашества не имело повсеместного распространения. Однако такая практика раздельного приема пищи, с диетическими ограничениями и без них, также была у бенедиктинских монахов. Подробнее см.: Harvey B.F. Living and dying in England: 1100–1540: the monastic experience. Oxford: Oxford University Press, 1993. Р. 40.

Frayne 2020, p. 118]. Вместе с тем воздержание от мяса, связанное с литургическим календарем, соблюдением поста, или отказ от мясных продуктов в силу строгости уставов являлись важной частью монашеской аскезы. Францисканский орден во многом перенял опыт монашества в виде временного отказа от употребления мяса как аскетической практики в дни поста.

В непостные дни св. Франциск допускал включение мяса в рацион питания братьев, но оно должно быть получено в результате милостыни, случая, произошедшего по воле Бога. В уповании на Бога, отсутствии привязанности к материальным благам св. Франциск видел начало на пути к евангельской бедности. Кроме того, жизнь братьев ордена в городах среди мирян, обладание высокой степенью мобильности и первоначальная зависимость от подаяний обусловили отсутствие строгих диетических ограничений. Руководствуясь духовными идеалами и новой моделью служения, св. Франциск не включил в правила регламентаций в отношении мясоедения, завещав своим последователям принимать любую еду, полученную в результате милостыни.

В процессе разрастания ордена минориты не могли полагаться только на милостыню и случай в вопросах питания. Произошло изменение идеи св. Франциска о примате способа получения пищи в виде милостыни над ее характером. Получение продуктов питания в результате милостыни уступило место собственному производству, организованному на территориях конвентов. Вместе с тем согласно инвентаризационным описям в хозяйственную деятельность миноритов не входило разведение скота для производства мясных продуктов. Это могло быть обусловлено как ограниченностью городского пространства, на территории которого располагались конвенты ордена, так и нерешенностью вопроса о включении мяса в рацион питания братьев ордена.

Литература

Frayne 2020 – *Frayne C.T. The flesh of fasts and feasts: A study of the monastic diet in theory and practice (c. 1025–1525)* // *Journal of Animal Ethics*. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 115–134.

Harvey 1993 – *Harvey B.F. Living and dying in England, 1100–1540: the monastic experience*. Oxford: Oxford University Press, 1993. 291 p.

Holder 2011 – *Holder N. The Medieval friaries of London. A topographic and archaeological history, before and after the dissolution*: Diss. L.: University of London, 2011. 455 p.

Jotischky 2011 – *Jotischky A. A hermit's cookbook: Monks, food and fasting in the Middle Ages*. L: Bloomsbury Academic, 2011. 209 p.

Kiser 2004 – *Kiser L.J. Animal economies. The lives of St. Francis in their Medieval contexts* // *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. 2004. Vol. 11. No. 1. P. 121–138.

Moorman 1952 – *Moorman J.R.H. The grey friars in Cambridge. 1225–1538*. Cambridge: Cambridge University Press, 1952. 277 p.

Robson 2006 – *Robson M. The Franciscans in the Middle Ages*. Woodbridge: The Boydell Press, 2006. 239 p. (Monastic orders)

References

Frayne, C.T. (2020), “The flesh of fasts and feasts: A study of the monastic diet in theory and practice (c. 1025–1525)”, *Journal of Animal Ethics*, vol. 10, no. 2, pp. 115–134.

Harvey, B.F. (1993), *Living and dying in England, 1100–1540: the monastic experience*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Holder, N. (2011), *The Medieval friaries of London. A topographic and archaeological history, before and after the dissolution*, Diss., University of London, London, UK.

Jotischky, A. (2011), *A hermit's cookbook: Monks, food and fasting in the Middle Ages*, Bloomsbury Academic, London, UK.

Kiser, L.J. (2004), “Animal economies. The lives of St. Francis in their Medieval contexts”, *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*, vol. 11, no. 1, pp. 121–138.

Moorman, J.R.H. (1952), *The grey friars in Cambridge. 1225–1538*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Robson, M. (2006), *The Franciscans in the Middle Ages*, The Boydell Press, Woodbridge, UK. (Monastic orders)

Информация об авторе

Ольга С. Силина, кандидат исторических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; silina.os@rggu.ru

ORCID ID: 0009-0005-5758-3360

Information about the author

Olga S. Silina, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; silina.os@rggu.ru

ORCID ID: 0009-0005-5758-3360

Социалистические идеи vs марксизм: германский опыт (вторая половина XIX в.)

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ranw@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются альтернативы марксистской идеологии в германском социал-демократическом движении. Подчеркивается, что еще до формирования марксизма на немецкой почве был предложен свой вариант социалистической эманципации, который связан с появлением немецкого или «истинного социализма». Его лидер – М. Гесс – выступал за сохранение собственности в ее антропологической интерпретации и не поддерживал идею социалистической революции. Последующее развитие германской социал-демократии привело его к сближению с Марксом. В конце XIX в. Э. Бернштейн признал марксизм утопической концепцией. Большой резонанс как в германской, так и мировой социал-демократии произвела публикация его книги «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», в которой он актуализировал практические вопросы в развитии рабочего движения, допускал отказ пролетариата от завоевания политической власти в ходе классовой борьбы и возвышал роль традиции в развитии общества. Его позиция вызвала шквал критики сторонников К. Маркса и Ф. Энгельса А. Бебеля, К. Каутского. Они обвиняли того в непонимании марксовой диалектики и материалистического взгляда на историю. Благожелательно отнесся к Бернштейну либеральный истеблишмент Германской империи в лице Ф. Наумана, который полагал: его критика марксизма будет способствовать утверждению национального идеала. И Гесс, и Бернштейн сыграли важную роль в формировании германской социал-демократии, поскольку они предложили альтернативу марксизму и при этом ориентировались на вызовы своей эпохи.

Ключевые слова: немецкий «истинный социализм», М. Гесс, германская социал-демократия, Э. Бернштейн, критика марксизма, Ф. Науман, укрепление нации

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Социалистические идеи vs марксизм: германский опыт (вторая половина XIX в.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 142–156. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-142-156

Socialist ideas vs Marxism. The German experience (second half of the 19th century)

Natalia V. Rostislavleva

Russian State University for Humanities,

Moscow, Russia, ranw@mail.ru

Abstract. The article considers alternatives to Marxist ideology within the German social-democratic movement, emphasizing that even before Marxism was being shaped in Germany, there were proposals for a distinct version of socialist emancipation, linked to the emergence of German or “true socialism”. Its leader, M. Hess, stood for the preservation of property in its anthropological interpretation and opposed the idea of socialist revolution. Further development of German social democracy led him to align more closely with Marx. In the late 19th century, E. Bernstein considered Marxism a utopia. His publication “The Preconditions of Socialism and the Tasks of Social Democracy” created a significant resonance within both German and global social democracy. In “The Preconditions”, in which he addressed practical issues of labor movement and allowed admitted that the proletariat’s rejection of seizing political power in the course of class struggle while elevating the role of tradition in the societal development. Bernstein’s position provoked a storm of criticism from K. Marx’s, F. Engels’, A. Bebel’s and K. Kautsky’s supporters, who accused him of misunderstanding the materialist conception of history and Marx’s dialectics. The liberal establishment, represented by F. Naumann, responded to Bernstein favorably, believing that his critique of Marxism would contribute to the affirmation of the national ideal. Both Hess and Bernstein played an important role in the development of German social democracy by offering an alternative to Marxism while addressing the challenges of their era.

Keywords: German “true socialism”, M. Hess, German social democracy, E. Bernstein, criticism of Marxism, F. Naumann, nation-building

For citation: Rostislavleva, N.V. (2025), “Socialist ideas vs Marxism. The German experience (second half of the 19th century)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 142–156, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-142-156

Введение

Проблема соотношения социалистических идей с марксистской концепцией стала в мировой историографии актуальной научной повесткой со второй половины XX в. [Conze 1954; Na’amen 1982], а в отечественной историографии после 1985 г. [Штекли 1989; Рости-

славлева 1992]. В конце XIX – начале XX в. этот вопрос был вписан в практическую борьбу социалистов со сторонниками Маркса.

В 1840–1890-е гг. Германия наряду с Францией выделялась крупными и самобытными сторонниками социалистических идей, которые оказывали влияние на европейское социалистическое движение в целом. В данной статье речь пойдет о двух мыслителях с неодинаковыми траекториями эволюции – о Мозесе Гессе и Эдуарде Бернштейне, которые в значительной степени явились олицетворением «истинного социализма» и бернштейнианства и предложили свои версии развития социалистического движения.

Идеи М. Гесса в контексте «истинного социализма»

Одним из первых социалистических движений в германских землях стал немецкий или «истинный социализм», представлявший собой литературно-теоретическое течение. В его рядах были такие фигуры, как М. Гесс, К. Грюн, Г. Земмиг, И. Вейдемайер, Ф. Шмидт. Бесспорными лидерами являлись Гесс и Грюн, но в философском плане первый был более крупной фигурой. Движение распространилось в германских землях после восстания силезских ткачей (июнь 1844 г.) и противостояло монархическим режимам. В марксистской историографии оно рассматривалось главным образом в контексте критики его Марксом и Энгельсом¹ [Кан 1967; Михайлов 1981]. Вслед за К. Марксом они называли «истинных социалистов» выразителями немецкого мещанства².

Последующий ход исторического развития заставляет с большой осторожностью относиться к таким оценкам. В значительной степени это можно объяснить и тем, что «истинный социализм» оказался вписан в систему немецкой школы социализма, олицетворением которой на долгие годы стал марксизм. В 80-е гг. XX в. и западногерманские исследователи, и ученые из ГДР давали уже более взвешенные оценки: в ФРГ отмечали сильное влияние Гесса на Маркса [Na'amen 1982], тогда как в ГДР указывали на воздействие на немецкое рабочее движение за счет активной агитации и убежденности в необходимости социалистического переустройства общества [Mönke 1980]. Однако сторонники «истинного социализма»

¹ Кандель Е.П. Из истории борьбы Маркса и Энгельса с немецким истинным социализмом // Из истории формирования и развития марксизма. М., 1959.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 452.

стремились изменить общество не путем классовой борьбы и преобразования материального производства, а на основе распространения воспитания и образования, опираясь на мысли Гегеля о мировой гармонии и фейербаховский гуманизм, полагая, что с их помощью может быть преодолен эгоизм буржуазного общества.

Важной и во многом культовой фигурой для «истинных социалистов» являлся П.-Ж. Прудон, который определил вектор развития французского социалистического движения второй половины XIX в. Ярым приверженцем французского социалиста был К. Грюн, которого Гесс позднее назовет «апостолом Прудона»³. Гесс занимал в отношении к Прудону более нейтральную позицию.

М. Гесс (1812–1875) был уроженцем Рейнской области, выходцем из семьи состоятельного еврейского промышленника, получил хорошее образование, но курс в Боннском университете не окончил. Сначала он разделял взгляды рейнских либералов, стал одним из основателей и редакторов «Рейнской газеты», ведущего органа рейнской оппозиции, работал вместе с Марксом ее главным редактором. С 1842 г. он – корреспондент «Рейнской газеты» в Париже, где познакомился с социалистическими сочинениями Кабе, Дезами, Вейтлинга, Прудона. Накануне революции 1848–1849 гг. Гесс являлся уже влиятельным социалистическим теоретиком, входил в ЦК Союза коммунистов. Но после поражения революции поддержал группу Виллиха – Шаппера, которая была уверена в скорой победе пролетарской революции. В 1850-е гг. у Гесса обострились противоречия с Марксом, который полагал, что скорая победа над капитализмом невозможна. Гесс в эти годы много занимался еврейским вопросом, написал книгу «Рим и Иерусалим», но никогда не порывал с рабочим движением. В 1863 г., после создания Всеобщего германского рабочего союза, Гесс стал уполномоченным этой организации в Кёльне, а после смерти Лассаля вышел из Союза и был среди основателей в 1869 г. Социал-демократической партии Германии, а также представлял немецких рабочих на Брюссельском и Базельском конгрессах I Интернационала [Silberner 1966, pp. 298, 353].

В рамках «истинного социализма» в идеином плане Гесс был гораздо ближе к Прудону, чем к Марксу. Так, в 1840-е гг. в центре внимания была книга Прудона «Что такое собственность, или Исследование о принципе права и власти». Гесс, ознакомившись с ней, подчеркивал: «...своей критикой собственности Прудон выходит на все практические противоречия и коллизии социальной жизни». Гесс и Прудон практически звучали в унисон. Так, Прудон писал:

³ Hess M. Philosophische und sozialistische Schriften. Berlin, 1980. S. 398.

«Уничтожьте собственность и сохраните владение... вы уничтожите все зло на земле»⁴. Гесс практически вторил ему: «...современное состояние собственности противоположно тому, чем оно должно быть», быть она должна «внутренне слившимся с человеком владением, чтобы служить его общественной деятельности», будучи неотчуждаемой как все, что является для человека средством к жизни⁵. Присвоение чужой собственности и, следовательно, продвигаемый Марксом и Энгельсом принцип экспроприации рассматривались им как зло, поэтому «собственников-разбойников надо превратить в честных справедливых и человеческих собственников»⁶. Как известно, Маркс уже в «Экономико-философских рукописях» выступал за экспроприацию собственности и недопустимость ее существования в принципе, так как именно таким путем он предлагал решить главный философский вопрос, обеспечивавший эмансиацию пролетариата – проблему отчуждения⁷. Однако между Прудоном и Гессом также есть различия – Прудон старался только улучшить собственность, сделать ее более гуманной, он осмысливал ее как социально-экономическую категорию. Гесс подвергал ее критике с точки зрения морали. «Истинная собственность» Гесса – некая абстракция, ограниченная человеческими потребностями, т. е. для него это антропологическая категория. В отличие от Маркса и Гесса, и Прудон ратовали за сохранение одобряемых ими ипостасей собственности, поскольку оба, но в разных аспектах выступали за сохранение индивидуальной свободы. Для французских социалистов, включая Прудона, суть социализма заключалась в свободной деятельности человека.

Гесс в интерпретации свободы приблизился к Марксу, так как свободу труда, конкуренции, распоряжение плодами своего труда он назвал «фальшиво понимаемыми консервативными элементами свободы»⁸. Он писал: «Социальная свобода есть либо следствие свободы духа, либо она беспочвенна»⁹. Гесс воспринимал свободу как этическую категорию, полагая существование у человека права религиозного выбора за пределами христианства, возможно вплоть до атеистических позиций. Известно, что позже в 1860-е гг. он опубликовал работу «Рим и Иерусалим», в которой отстаивались ценности иудаизма.

⁴ Прудон П.Ж. Что такое собственность. Пг., 1919. С. 199.

⁵ Hess M. Op. cit. S. 293.

⁶ Ibid. S. 307.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М., 1974. С. 86–99.

⁸ Hess M. Op. cit. S. 260.

⁹ Ibid. S. 214.

Еще один аспект, который является основополагающим – это соотношение свободы и равенства. Для марксизма социально-экономическое равенство – это априорная конструкция. Тогда как Гесс воспринимал эти категории довольно образно. Он отмечал: «Свобода и равенство играют в человеческой жизни, истинной жизни вообще существенную роль. Они охватывают процесс, где свобода – жизнь, а равенство – смерть. Но смерть – естественный процесс»¹⁰. Свободу он связывал с созидающими, позитивными и довольно консервативными элементами, равенство является деструктивным, революционным моментом социального развития, таким образом свобода для «истинного социализма» приоритетна. Для Прудона она также является важной категорией, но вмешательство государства в экономические отношения нарушает конкуренцию, принуждает платить большую цену во имя равенства. Главный тезис обоих мыслителей – частная собственность должна существовать, так как она гарант свободы, а ее неодинаковая интерпретация порождает нюансы в понимании свободы.

В 1845 г. Маркс и Энгельс начали борьбу с «истинным социализмом». Сначала они прервали сотрудничество с К. Грюном. Гесс сохранил дружеские отношения с Марксом и Энгельсом, но даже в 1846–1847 гг. – время наибольшего его сближения с марксизмом – он защищал мелкую ремесленную собственность, не призываая к ее экспроприации [Ростиславлева 1992, с. 47].

Прудон, который выступал за реформы на базе существующей системы, обрел огромную популярность как во Франции, так и за ее пределами, что проявилось в рамках создания I Интернационала. На его первом конгрессе в Женеве, который проходил очень тяжело, преобладали прудонисты и бакунисты. Они не поддерживали идею о единстве социального и политического освобождения. И только на Лозаннском конгрессе 1867 г., в результате борьбы этот принцип был принят. В 1869 г. большинство членов Международного товарищества рабочих не без интриг, которыми активно занимался Энгельс, одобрили идею общественной собственности, однако французские члены организации продолжали отстаивать принцип индивидуальной собственности. Идея социального освобождения рабочих без политических катаклизмов оказалась очень живучей и на немецкой почве. Под влиянием Прудона находился Фердинанд Лассаль с его призывами к государственному социализму и производственной кооперации.

¹⁰ Ibid. S. 258.

Бернштейн vs марксистская идеология

Пересмотр уже устоявшихся принципов марксизма случился в Германской империи. В конце XIX в., когда германская социал-демократическая партия была довольно хорошо организована, стояла на прочных марксистских позициях, выступил Э. Бернштейн (1850–1932), автор книги «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899 г.).

Он родился в еврейской семье и был шестым ребенком из пятнадцати. Его отец по профессии – машинист локомотивного депо, семья была небогатой, но экономной. Эдуард обучался в гимназии, однако в шестнадцатилетнем возрасте был вынужден из-за финансовых проблем покинуть ее и в течение трех лет постигать ремесло банковского служащего. После обучения он до 1878 г. служил в банке. В политическом плане Бернштейн был сначала приверженцем прогрессистской партии (прусская партия, которая стояла на либеральных позициях. – *H. P.*). В 1863 г. Фердинанд Лассаль основал Всеобщий немецкий рабочий союз, но вскоре погиб на дуэли. В 1870-е гг., когда Бернштейн серьезно задумался о политическом выборе, он не вступил в лассальянскую организацию. В 1872 г. Бернштейн стал членом основанного Марксом в 1864 г. I Интернационала, принимал участие в объединительном съезде в Готте (1875 г.), где поддержал Бебеля, выступавшего за скорейшее объединение созданной в 1869 г. в Эйзенахе германской социал-демократической партии с лассальянским союзом, главным образом потому, что его финансовое положение было намного более устойчивым [Carsten 1993, SS. 10–17]. Именно тогда уже обозначился проявленный Бернштейном позднее pragmatism.

В годы действия исключительного закона против социалистов (1878–1890) Бернштейн был в изгнании: сначала в Швейцарии, потом в Лондоне. В это время он сблизился с Карлом Хехбергом, издававшим «Ежегодник социальной науки и социальной политики» (Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik), журнал «Будущее» (Die Zukunft). Хехберг Ф. Энгельс упрекал в поддержке филантропии средней и мелкой буржуазии вместо того, чтобы призвать пролетариат к классовой борьбе с угнетателями. Таким образом, Хехберг повлиял на Бернштейна именно в плане его приверженности к pragmatической ориентации социалистического движения. Несмотря на это, в 1890-е гг. тот находился в очень дружеских отношениях с Ф. Энгельсом.

Книга Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», как уже отмечалось, увидела свет весной 1899 г. и была воспринята Бебелем и другими социалистами как открытый

вызов и «самоубийство» для социал-демократической партии [Carsten 1993, S. 81]. Советский и российский историк Н.Е. Овчаренко полагал, что концепция Бернштейна – это «это альтернативный вариант реформистского социализма для определенных условий соответствующей исторической полосы развития» [Овчаренко 1994, с. 224]. Об этом же писал и С.В. Кретинин [Кретинин 1995, с. 151–152]. Он также выявил дискуссионные вопросы в связи с выступлением Бернштейна, полагая, что наиболее спорная проблема – это начало отхода того от марксистских доктрин. Кретинин обрисовывает хронологические рамки дискуссионного поля и показывает: среди немецких авторов (П. Гай, Б. Густафсон) бытова точка зрения, что Бернштейн должен был одобрить свои идеи в более ранних произведениях. Кретинин, опираясь на позицию известного западногерманского исследователя Т. Майера [Meyer 1991, S. 62], склоняется к традиционной точке зрения: Бернштейн встал на позиции пересмотра ортодоксального марксизма с осени 1896 г., когда предпринял публикацию в журнале «Новое время» (*Neue Zeit*) серии статей под общим названием «Проблемы социализма»¹¹. Автор утверждает, что в 1898 г. уже началась его дискуссия с приверженцами ортодоксального марксизма во главе с К. Каутским [Кретинин 2007, с. 264–265]. На наш взгляд, эта точка зрения является корректной, с ней в принципе трудно не согласиться. В январе 1898 г. Бернштейн опубликовал статью под названием «Борьба социал-демократии и революция в обществе», в которой прозвучала его знаменитая формулировка «Движение – все, конечная цель – ничто!». С этого времени началась уже открытая полемика, направленная против Бернштейна [Кретинин 2007, с. 272–273], в которой наряду с Каутским приняли участие А. Парвус, Р. Люксембург, чуть позже К. Цеткин. Германский исследователь Ф. Карстен на протяжении всей своей книги о биографии Бернштейна предлагает читателю контекст, которым дает понять, что тот и раньше был склонен к pragmatизму в развитии социал-демократического движения [Carsten 1993, SS. 16–17, 47–49]. Также о более раннем переходе на ревизионистские позиции пишет американский историк М. Стегер [Steger 1997, SS. 66–68]. Поэтому дискуссия далека от завершения. Представляется, что идейная эволюция Бернштейна началась задолго до его открытого выступления на страницах социалистической печати.

¹¹ Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901. Серия статей была переведена в 1901 г. на русский язык и вышла под таким названием.

В 1901 г. сочинение Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» вышла в переводе на русский язык под названием «Социальные проблемы»¹². В этом произведении Бернштейн, действительно, уже четко понимал, что его идеи идут вразрез с марксизмом. Так, в предисловии мыслитель отмечал, что ориентирован на практические достижения, что предполагает отказ пролетариата от завоевания политической власти и полагал: изложенная в «Манифесте коммунистической партии» теория – это путь к катастрофе¹³. Ему нелегко далось подобное утверждение, поскольку он считал себя другом Энгельса, который оказал ему доверие. Упомянутая выше дискуссия во многом опиралась на указание самого Бернштейна, отмечавшего в этой книге, что отступление от марксизма совершилось не сразу, – это продукт многолетней внутренней борьбы, а дружба с Энгельсом долгое время заставляла его избегать критики марксизма.

Бернштейн призывал учитывать реальные обстоятельства, а не только теоретические постулаты, заявляя, что они должны взаимодействовать. Он разделил марксистское учение на «чистую часть» (чистую науку. – *H. P.*) и прикладную часть. Сочинения Маркса для него – это как бы чистая наука, а Энгельса – прикладная, хотя Бернштейн подчеркивал, что в целом и в трудах Энгельса есть и чистая наука, и прикладная тоже¹⁴. В этом произведении очень чувствуется присущая эпохе позитивизма наукообразность, но в итоге автор подчеркивал практическое значение марксизма.

Важный посыл Бернштейна заключался в том, что если «современный социальный строй, покоящийся на частной собственности и свободной конкуренции, является частным случаем в истории человечества, то для современных культурных народов он служит общим и продолжительным случаем». Он как бы все время оправдывался: «Я не имел в виду исчерпать изложение или критику учения Маркса – главное, проанализировать программу исторического материализма, учение о классовой борьбе в принципе и классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией, учение о прибавочной стоимости вместе с учением о способе производства в буржуазном обществе – это главные составные части марксизма как чистой науки»¹⁵. Глубинная основа пересмотра марксистской теории – стремление избежать развития, соединенного с катастро-

¹² Бернштейн Э. Социальные проблемы. М., 1901.

¹³ Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899. S. III.

¹⁴ Ibid. S. 2.

¹⁵ Ibid. S. 4.

фами. Поэтому Бернштейн призывал социалистов избавиться от фразеологии и стать социал-демократической партией реформ. Важнейшей предпосылкой социализма он называл демократию, которая, по его мнению, была «не только средством, но и субстанцией»¹⁶, без которой социализм невозможен в принципе.

Рассуждая о марксизме, Бернштейн подверг сомнению утверждение Маркса и Энгельса, что пролетариат не имеет отечества. В его представлении «полное упразднение наций – это не прекрасная мечта, равным образом не стоит этого ожидать в будущем»¹⁷, полагая, что исчезновение наций может случиться только в результате эксперимента, опирающегося на доктринерскую пропаганду¹⁸. Причем национальные идеи у Бернштейна тесно переплетаются с демократическими, так как только народное представительство должно гарантировать национальный интерес и нацеливать на маленький каждодневный успех, который вносит свой вклад в будущее¹⁹.

Мыслитель признавал: создание потребительских сообществ и поддержка ремесленного производства не является целью социал-демократии, «однако это не означает, что она не должна ими интересоваться»²⁰, поскольку эти сообщества социал-демократии необходимы, так как они предопределяют создание социалистической системы.

Бернштейн выступал против бланкизма, против заговоров и восстаний, против насилия. По его мнению, все это разрушает традицию. Он подчеркивал: «Едва ли нам удастся когда-нибудь совершенно устраниТЬ ее (традицию. – *H. P.*), поскольку у людей всегда есть пристрастие к традиции, как бы ни были они революционны»²¹.

После публикации книги Бернштейна началась ее критика со стороны представителей германской социал-демократии. Так, А. Бебель приводил аргументы, что социал-демократия не является партией насилия, она далека от бланкизма. Он обвинил Бернштейна в противоречиях, неясном изложении своих мыслей, в сомнении в истинности материалистического понимания истории и непонимании марковской диалектики и теории прибавочной стоимости²².

¹⁶ Ibid. S. 140.

¹⁷ Ibid. S. 144.

¹⁸ Ibid. S. 144–145.

¹⁹ Ibid. S. 147.

²⁰ Ibid. S. 161.

²¹ Бернштейн Э. Социальные проблемы. С. 279.

²² Бебель А. Бебель о Бернштейне: Речь Августа Бебеля, произнесенная им на Ганноверском партейтаге 10 октября 1899 г. Лондон, 1902. С. 5–8.

Самым яростным критиком Бернштейна, как уже отмечалось, стал К. Каутский, который одновременно являлся его личным другом [Кретинин 2007, с. 263–289]. Работа Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» вышла в свет в Штутгарте в 1899 г. Он собрал свои статьи, опубликованные им против Бернштейна на страницах газеты «Ворвэртс» (Vorwärts) и «Нейе Цайт» (Neue Zeit), и издал их отдельной брошюрой²³. В предисловии Каутский не забыл упомянуть, что обязан ему духовным подъемом, мощным расширением умственного кругозора и дружной совместной работой в течение многих лет, однако назвал точку зрения Бернштейна «гибельной»²⁴. Как и Бебель, он отмечал неверную интерпретацию Бернштейном материалистического понимания истории и марксовой диалектики²⁵. Главное внимание критик сосредоточил на вопросе об огосударствлении крупной промышленности. Поскольку Бернштейн не считал, что концентрация капитала – это сила, «которая увеличивает шанс социалистических идеалов», он, как было показано, видел большой потенциал в развитии мелкого производства, то Каутский вновь его обвинял в непонимании марксизма, который заточен на неотвратимости социалистической революции²⁶. Он не признавал саму возможность существования «критического» марксизма, к которому призывал Бернштейн, и только его считал истинным. Также Каутский упрекал Бернштейна в эклектизме и отсутствии научной исследовательской методологии.

Позднее, в годы Первой мировой войны, Каутский согласился со многими идеями Бернштейна, прежде всего с его критикой «Манифеста Коммунистической партии», и отмечал, что «...широко цитируемые места из Коммунистического манифеста более не актуальны. И он (Бернштейн. – *H. P.*) был прав» [Кретинин 1995, с. 136].

Со стороны либерального истеблишмента Германской империи наблюдалась горячая поддержка позиции Бернштейна. Влиятельный либерал, пастор Ф. Науман написал на основе своего выступления перед общественностью Берлина брошюру «Бебель и Бернштейн²⁷. Либерал хвалил книгу Бернштейна, уточняя: она затронула много вопросов, не только в национал-социальном, но

²³ Kautsky K. Bernstein und das Sozialdemokratische Programm: Eine Antikritik. Stuttgart, 1899.

²⁴ Ibid. S. VIII.

²⁵ Ibid. S. 14–15, 20–23.

²⁶ Ibid. S. 52–56.

²⁷ Naumann F. Bebel und Bernstein. Berlin, 1899.

в политическом плане²⁸. Он полагал: Бернштейн сосредоточился на постановке своевременных и актуальных вопросов от материалистического понимания истории до колониального вопроса. Хвалил того за то, что еще никто и никогда не отваживался на такую критику социал-демократии. Главным для Наумана являлось то, что критика Бернштейном марксизма будет способствовать утверждению национального идеала и соединению национального с социальным²⁹. Бернштейна он назвал величайшим ученым столетия, крупным теоретиком, доказывая, что марксизм себя изжил, поэтому тот встал на точку зрения практического социализма. Либерал отмечал: в высшей степени желательно, если «эти капли Бернштейна будут дальше попадать внутрь социал-демократии и работать там и если ход мыслей Бернштейна не исключается, но распространяется в широком социал-демократическом движении»³⁰. По поводу Бебеля Науман отмечал: народ не поддерживает социал-демократию, которую тот олицетворяет, есть другие формы социализма, например, лассальянство. По мнению либерально-го мыслителя, ключевое слово для понимания Бернштейна – «это реформа, а не революция, реформа в дальнейшем, в духе демократии, реформа основополагающая, но реформа, соответствующая практическим задачам внутри общества, и выступает вместе с буржуазным либерализмом»³¹. Позиция Наумана – свидетельство амбивалентной оценки программы Бернштейна политическими движениями Германии, что доказывает своевременность его выступления, так как оно пролагало путь к консенсусу с широкими либеральными слоями Германской империи.

Заключение

Таким образом, критика марксизма наблюдалась как на этапе его становления, когда шел поиск основ эманципации пролетариата и гуманистические идеалы немецкой классической философии толкали критиков дистанцироваться от марксистской парадигмы в вопросах равенства и отрицания собственности. Однако последующее развитие и актуализация практических вопросов заставили обозначать марксизм как утопическую линию развития социалистических идей, что и сделал в конце XIX в. Э. Бернштейн, вызвав-

²⁸ Ibid. S. 1.

²⁹ Ibid. S. 15–16.

³⁰ Ibid. S. 5.

³¹ Ibid. S. 11–12.

ший критику среди марксистов-ортодоксов и нашедший горячую поддержку среди сторонников либерализма, понимаемого в конце XIX в. в национал-социальном плане. Последующая история показала плодотворность союза социал-демократии с либерализмом. Данные рассуждения заставляют поставить еще одну проблему, кого из них считать основоположником современной германской социал-демократии – Гесса, Лассаля, Бернштейна? Наверное, к ее решению нужно подойти с комплексных позиций, так как каждый из них, конфликтую с марксизмом, но желая эманципации рабочих, для своей эпохи внес вклад в становление германской социал-демократии, а различие этого вклада связано с контекстом их эпохи, поскольку только завершение индустриализации окончательно сформировало рабочий класс и позволило представить аутентичную его потребностям программу.

Благодарности

Публикация выполнена в соответствии с реализацией государственного задания по теме «Комплексные исследования процессов в странах постсоветского пространства, Центральной и Восточной Европы», код научной темы FSZG – 2024–0006.

Acknowledgements

This work was prepared in accordance with the implementation of the state assignment on the topic “Comprehensive studies of processes in the states of the post-Soviet space, Central and Eastern Europe”, scientific topic code FSZG – 2024–0006.

Литература

Кан 1967 – Кан С.Б. Из истории социалистических идей. М.: Высшая школа, 1967. 294 с.

Кретинин 1995 – Кретинин С.В. Карл Каутский: опыт переосмысления (1854–1938 гг.) // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 141–160.

Кретинин 2007 – Кретинин С.В. Карл Каутский: 1854–1914. Воронеж: Научная книга, 2007. 557 с.

Михайлов 1981 – Михайлов М.И. К вопросу об «истинном социализме» // Из истории социальных движений и общественной мысли. М.: Наука, 1981. С. 24–40.

Овчаренко 1994 – Овчаренко Н.Е. Две жизни Эдуарда Бернштейна // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 195–226.

Ростиславлева 1992 – *Ростиславлева Н.В.* Мозес Гесс о Прудоне // Анархия и власть. М.: Наука, 1992. С. 41–49.

Штекли 1989 – *Штекли А.Э.* Равенство и свобода: к изучению понятия «казарменный коммунизм» // История социалистических учений – 1989. М.: АН СССР, 1989. С. 3–34.

Carsten 1993 – *Carsten F.L.* Eduard Bernstein, 1850–1932. Eine politische Biographie. München: C.H. Beck, 1993. 239 S.

Conze 1954 – *Conze W.* Vom „Pöbel“ zum „Proletariat“. Sozialgeschichtliche Voraussetzungen für den Sozialismus in Deutschland // *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1954. Bd. 41. No. 4. S. 333–364.

Meyer 1991 – *Meyer T.* Karl Kautsky im Revisionismusstreit und sein Verhältnis zu Eduard Bernstein // Marxismus und Demokratie. Karl Kautskys Bedeutung in der sozialistischen Arbeiterbewegung / Hrsg. J. Royan, T. Schelz, H.-J. Steuberg. Frankfurt/M.; New York: Campus, 1991. S. 57–71.

Mönke 1980 – *Mönke W.* Vorwort // *Hess M. Philosophische und sozialistische Schriften*, 1837–1850: Eine Ausw. Berlin: Akademie, 1980. S. IX–XIII.

Na'amen 1982 – *Na'amen S.* Emanzipation und Messianismus: Leben und Werk von Moses Hess. Frankfurt a/M.; New York: Campus, 1982. 562 S.

Silberner 1966 – *Silberner E.* Moses Hess: Geschichte seines Lebens. Leiden: E.J. Brill, 1966. 691 S.

Steger 1997 – *Steger M.B.* The quest for evolutionary socialism. Eduard Bernstein and social democracy. N.Y.: Cambridge University Press, 1997. 302 p.

References

Carsten, F.L. (1993), *Eduard Bernstein, 1850–1932. Eine politische Biographie*, C.H. Beck, München, Germany.

Conze, W. (1954), „Vom „Pöbel“ zum „Proletariat“. Sozialgeschichtliche Voraussetzungen für den Sozialismus in Deutschland“, *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Bd. 41, no. 4, S. 333–364.

Kan, S.B (1967), *Iz istorii sotsialisticheskikh idei* [From the history of socialist ideas], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.

Kretinin, S.V. (1995), “Karl Kautsky. An attempt at rethinking (1854–1938)”, *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 1. pp. 141–160.

Kretinin, S.V. (2007), *Karl Kautsky: 1854–1914*, Nauchnaya kniga, Voronezh, Russia.

Meyer, T. (1991), „Karl Kautsky im Revisionismusstreit und sein Verhältnis zu Eduard Bernstein“, in Royan, J., Schelz, T. und Steuberg, H.-J., Hrsg., *Marxismus und Demokratie. Karl Kautskys Bedeutung in der sozialistischen Arbeiterbewegung*, Campus, Frankfurt a/M., Germany, New York, USA, pp. 57–71.

Mikhailov, M.I. (1981), “On the question of ‘true socialism’”, *Iz istorii sotsial’nykh dvizhenii i obshchestvennoi mysli* [From the history of social movements and social thought], Nauka, Moscow, USSR, pp. 24–40.

Mönke, W. (1980), „Vorwort“, in Hess, M., *Philosophische und sozialistische Schriften, 1837–1850: Eine Ausw.*, Akademie, Berlin, Germany, S. IX–XIII.

Na’amen, S. (1982), *Emanzipation und Messianismus: Leben und Werk von Moses Hess*, Campus, Frankfurt a/M, Germany, New York, USA.

Ovcharenko, N.E. (1994), “Two lives of Eduard Bernstein”, *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 3, pp. 195–226.

Rostislavleva, N.V. (1992), “Moses Hess about Proudhon”, *Anarkhiya i vlast’* [Anarchy and power], Nauka, Moscow, Russia, pp. 41–49.

Shtekli, A.E. (1989), “Equality and freedom. On a study of the concept of barracks communism”, in *Istoriya sotsialisticheskikh uchenii – 1989* [History of socialist teachings – 1989], AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 3–34.

Silberner, E. (1966), *Moses Hess: Geschichte seines Lebens*, E.J. Brill, Leiden, Netherlands.

Steger, M.B. (1997), *The quest for evolutionary Socialism. Eduard Bernstein and social democracy*, Cambridge University Press, New York, USA.

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ranw@mail.ru

ORCID ID: 0000000177848390

Information about the author

Natalia V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ranw@mail.ru

ORCID ID: 0000000177848390

Стратегия взаимоотношений евангельских общин с советской властью в БССР в 20–30-е годы XX в.

Татьяна В. Лисовская

*Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь, Lisouskaya@bsu.by*

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации отношения верующих позднепротестантских общин БССР с советской властью в 1917–1939 гг. Автором выделены три периода, отличающихся стратегией выстраивания отношений евангельских верующих с советской властью (1917–1926 гг., 1926 – начало 30-х годов, вторая половина 30-х годов). На первом этапе белорусские общины заняли стратегию нормализации религиозной деятельности в существующих политико-правовых условиях и были настроены на легальную деятельность в рамках правового поля. Во второй половине 20-х годов в связи с принуждением руководства центральных общин к признанию обязательности военной службы, запретом религиозного обучения детей, административными ограничениями в деятельности общин тональность в отношении белорусских общин к советской власти изменяется – идет нарастание недоверия. Активная антирелигиозная политика в БССР с начала 30-х годов, репрессии в отношение верующих определили трансформацию отношения евангельско-баптистских и адвентистских верующих БССР к советской власти в сторону от нейтральности до неприятия. Выработанная стратегия отношений позднепротестантских общин БССР к советской власти в 30-х годах базировалась на принципе демонстративной аполитичности и дистанцирования от любой политической активности, белорусские общины перешли к стратегии самосохранения, используя нелегальные формы организации религиозной деятельности.

Ключевые слова: поздний протестантизм, евангелизм, государственно-церковные отношения, Беларусь

Для цитирования: Лисовская Т.В. Стратегия взаимоотношений евангельских общин с советской властью в БССР в 20–30-е годы XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 157–175. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-157-175

Strategy of relations between evangelical communities
and the Soviet government in the BSSR
in the 20–30s of the 20th century

Tatsiana V. Lisouskaya

Belarusian State University, Minsk,

Republic of Belarus, Lisouskaya@bsu.by

Abstract. The article analyses transformation of the believers attitude in the late Protestant communities of the BSSR to the Soviet government in 1917–1939. The author identifies three periods different in their strategy of building relations between evangelical believers and the Soviet government (1917–1926, late 1920s – early 1930s and the second half of the 1930s). At the first stage, the Belarusian communities adopted a strategy of normalizing religious activity under the existing political and legal conditions. They were determined to operate within the legal framework. In the second half of the 1920s, as the heads of the central communities are forced to recognize compulsory military service, ban on religious education for children, administrative restrictions on communities' activities, Belarusian communities' attitude to the Soviet government changes towards greater mistrust. Active anti-religious policy in the BSSR from the beginning of the 1930s, repressions against believers resulted in the transformation of the attitude of Belorussian Evangelical-Baptists and Adventists to the Soviet power changing it from neutrality to rejection. The developed strategy of the late Belorussian Protestant communities' attitude to the Soviet power in the 1930s was based on the principle of their demonstrative apolitical nature and distancing from any political activity. At the last, Belarusian communities adopt the strategy of self-preservation, using illegal forms of religious activity.

Keywords: late Protestantism, evangelism, state-church relations, Belarus

For citation: Lisouskaya, T.V. (2025), “Strategy of relations between evangelical communities and the Soviet government in the BSSR in the 20–30s of the 20th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relationships” Series*, no. 5, pp. 157–175, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-157-175

Введение

Проблематика взаимоотношений верующих позднепротестантских общин БССР с советской властью в 1917–1939 гг. является одним из белых пятен в исторической науке Беларуси. Появившиеся в белорусских губерниях в конце XIX в. евангельско-

баптистские и адвентистские общины легализуются в правовом поле только с 1906 г. Однако с началом Первой мировой войны вновь попадают под ограничительные нормативно-правовые акты и мероприятия властей. В связи с этим формирование отношения позднепротестантских общин к новой советской власти – это прежде всего вопрос отношения верующих к властям в принципе, вопрос появления надежды на реализацию свободы совести и вероисповедания в условиях новой государственно-конфессиональной системы и трансформации этих взглядов в ходе становления советской власти.

При изучении религиозной сферы в БССР в 20–30-е годы основное внимание белорусских исследователей уделено вопросам анализа государственно-конфессиональных отношений, государственной политики СССР и БССР в отношении отдельных конфессий, их правовому и социально-экономическому статусу в работах Н.В. Довгяло [Довгяло 2012], И.И. Янушевича [Янушевич 2005], Т.В. Лисовской [Лисовская 2024]. Среди российских исследователей можно выделить работы Н. Потаповой [Потапова 2019], З.В. Калиничевой [Калиничева 1972], Л.А. Королевой [Королева 2013], М.Ю. Крапивина [Крапивин 1997], Т.К. Никольской [Никольская 2009], анализирующие формирование официальной позиции центральных позднепротестантских организаций в отношении советской власти. При разработанности проблематики государственно-конфессиональных отношений вопросы отношения верующих в советской власти в белорусских и российских исследованиях затрагиваются достаточно редко. Вопрос отношения верующих БССР к государству в 30-е годы отражена в работе А.С. Калининой [Калинина 2012], где систематизированы проявления сопротивления верующих всех конфессий в рамках пассивных и активных форм. В работах И.И. Романовой [Романова 2019; Романова 2012] рассмотрены вопросы участия верующих в переписи 1937 г. и восприятие верующими советской власти в период активных репрессий 30-х годов. Вместе с тем вопросы формирования и трансформации позиции позднепротестантских общин БССР в 20–30-е годы практически не изучены. Целью статьи является выявление особенностей формирования и трансформации позиции белорусских позднепротестантских общин в отношении советской власти в БССР в 1917–1939 гг.

Источниковую базу исследования составили материалы съездов Всероссийского союза евангельских христиан, Российского союза евангельских христиан и баптистов, Всесоюзного союза адвентистов седьмого дня, съездов Минского окружного союза евангельских христиан, материалы административных процессов

и делопроизводства органов местной власти, отчеты НКВД и ОГПУ, местных органов власти об общественно-политическом положении в районах БССР. К сожалению, в связи с переходом общин на нелегальное положение в конце 30-х гг. и немецкой оккупацией БССР, документация общин 20–30-х годов не сохранилась. При анализе процесса разработки позиции центральных структурных организаций были применены историко-типологический и историко-сравнительный методы, для выявления особенностей отношения верующих к государственным властям применен дискурс-анализ.

*Позиция евангельских движений
в условиях политического кризиса
и первых лет советской власти*

Вопрос об отношении белорусских позднепротестантских общин к новой советской власти в первые послереволюционные годы и до начала Великой Отечественной войны достаточно деликатный. На формирование позиции белорусских общин оказало влияние, прежде всего то положение, в котором находились белорусские общины до установления советской власти. Положение позднепротестантских верующих в белорусских губерниях накануне 1917 г. находилось в зависимости от того факта, что Русская православная церковь являлась оплотом русского государства в поликонфессиональных белорусских губерниях, что подразумевало нивелирование любой возможности снижения ее влияния за счет распространения иных вероисповеданий. Развитие евангельско-баптистских общин преимущественно за счет белорусского православного населения вызывало не только правовые ограничения их деятельности, репрессии в отношении верующих и формирование представления о девиантности членов «сект, отпавших от православия», но активное использование административного ресурса для ограничения деятельности. Несмотря на либерализацию религиозной политики в 1905–1906 гг., местные власти максимально стремились ограничить возможность переходов из православия в «секты», затягивали процесс регистрации общин, нередко вероисповедные переходы в секты запрещались¹. В короткий период до Первой мировой войны были зарегистрированы только 5 общин на территории всего Северо-Западного края, мест-

¹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48 596. Л. 294.

ные власти чинили препятствия для деятельности общин². Начало Первой мировой войны, продвижение немецких войск и частичная оккупация территории Северо-Западного края к 1915 г. вызвала волну гонений в отношении неправославных религиозных движений, в особенности на территории белорусских губерний. С 1915 г. руководителям общин и организаций, попавшим под подозрение в нелояльности к Российской империи и связях с Германией, было предписано переселиться вглубь России, в прифронтовых белорусских территориях особое внимание властей уделялось пресечению антивоенной пропаганды сектантов, которые были поставлены под особый надзор³ и т. д.

Дискриминационное положение евангельского движения Беларуси, преследования белорусских евангельских верующих, усиление давления на них во время Первой мировой войны создали условия для осторожного, но позитивного восприятия позднепротестантскими верующими новой власти в первые годы установления советской власти в БССР. Законодательное закрепление базовых принципов религиозной политики большевиков в Декрете Совета народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. (аналогичный Декрет СНК ССРБ от об отделении церкви от государства и школы от церкви 11 января 1922 г.⁴) – отделение церкви от государства и школы от церкви, свобода вероисповедания, равенство всех конфессий, ликвидация доминирования православной церкви. Декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 г.⁵ продемонстрировал евангельским общинам заинтересованность новой власти в отношениях с протестантами и во-многом обеспечил лояльность верующих.

Докладная записка И. Проханова, уполномоченного Советом Всероссийского союза евангельских христиан (ВСЕХ), в Совет народных комиссаров РСФСР в октябре 1920 г. декларировала лояльность евангельских христиан новой власти «После многих лет

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 162. Л. 124–126.

³ Там же. Оп. 10. Д. 597. Л. 5–6.

⁴ Конфессиональная политика советского государства: 1917–1991 гг.: Документы и материалы: В 6 т. Т. 1: В 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 1 / отв. сост. М.И. Одинцов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 821–822. (Серия «История сталинизма»)

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 8155. Л. 1; Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 282–283.

жестоких гонений за веру при старом режиме евангельские христиане с великою радостью приветствовали наступление свободы провозглашенных революцией⁶. Первые шаги советской власти в отношении протестантов, восприятие новой власти евангельскими христианами и, в частности, И. Прохановым как демократичной и открытой в первые годы позволили рассчитывать на построение конструктивного диалога. XXV Всероссийский съезд баптистов в 1923 г. также декларировал лояльность к советской власти: «Съезд подтверждает неизменно лояльное отношение к советскому правительству с момента его возникновения до сего времени... считает для баптистов недопустимым участие в союзах и организациях, ставящих целью свержение советской власти»⁷. Всесоюзный союз адвентистов седьмого дня (ВСАСД) в марте 1923 г. в заявлении ВЦИК официально признал советскую власть: «не может быть речи о реакции, контрреволюции, кулачества, стремления возвратить старый строй»⁸.

Такая позиция ВСЕХ, Всероссийского союза баптистов, ВСАСД, в которые входили белорусские общины на правах региональных (союзных) структур, в целом былаозвучна позиции белорусских общин. Аполитичность позднепротестантского движения, концепция непротивления и подчинения властям, закрепленные в вероучении баптистов, евангельских христиан, адвентистов седьмого дня, полностью принимались белорусскими общинами. Белорусские общины, будучи по своему социальному составу преимущественно крестьянскими, бедняцко-середняцкими (по отдельным данным за 1926 г.: бедняки – 55%, середняки – 45%)⁹ и учитывая предыдущий опыт взаимодействия с властями, стремились избегать прямого взаимодействия и конфронтации с новой властью, предпочитая занимать нейтральную позицию. Несмотря на отдельные попытки приобщить верующих (особенно евангельских христиан) к общественной активности, сделать их частью активной политической жизни [Калиничева 1972], белорус-

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 286. Л. 24–27.

⁷ Конфессиональная политика советского государства: 1917–1991 гг. ... Кн. 4: Религиозные объединения, духовенство и верующие, общественные организации и граждане о вероисповедной политике советского государства и религиозной ситуации в стране. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

⁸ Голос истины. 1927. № 4. С. 30–31.

⁹ Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2325. Л. 23; Д. 1699. Л. 24.

ские общины оставались в стороне от политической активности. Политические действия отмечены лишь в исключительных случаях: в 1924 г. община евангельских христиан Могилевской губернии включила в список кандидатов на выборах в сельский совет двух кандидатов, которые и были избраны в сельсовет¹⁰.

Основную свою задачу белорусские общины видели в осуществлении нормальной повседневной религиозной деятельности. В связи с этим в начале 20-х годов после урегулирования геополитического положения БССР по окончании Советско-польской войны общины заняли стратегию нормализации религиозной деятельности в действующих политико-правовых условиях и были настроены на легальную деятельность в рамках правового поля. Следует отметить, что при проведении I организационного съезда Минского окружного союза евангельских христиан 3–4 февраля 1922 г. вопрос отношения к государству не поднимался даже в форме формальных благодарственных высказываний. При обсуждении организационных вопросов в рамках съездов Минского окружного союза в 1922–1923 гг. роль государства была воспринималась исключительно как регистрирующая, а не регулирующая, решениями съездов общины и организационные структуры должны были пройти обязательную государственную регистрацию¹¹.

С момента формирования нормативно-правовых основ деятельности религиозных общин общины начали процесс легализации. Одной из первых была зарегистрирована Освейская община евангельских христиан – зарегистрирована Дрисненским исполнкомом РСФСР 12 июня 1922 г. по заявлению 15 членов общины¹². После нормативно-правового оформления процесса регистрации общин (издания Постановления Президиума ЦИК БССР «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли и о порядке надзора за ними» от 13.10.1922 г., Инструкции ЦИК БССР «О регистрации обществ, союзов и объединений» от 13.10.1922 г., Инструкции НКЮ и НКВД

¹⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. документов: В 10 т. Т. 3: В 2 ч.: 1925 г. Ч. 1 / Ин-т рос. истории РАН; Центр. архив ФСБ РФ; Науч. совет РАН по истории соц. реформ, движений и революций; Ренвалл-институт (Хельсинский ун-т) АН Финляндии; Александровский ин-т (Финляндия); Калифорнийский ун-т (Лос-Анджелес, США); Центр исслед. и архивов сталинского периода ун-та Торонто (Канада). М., 2002. С. 111.

¹¹ НА РБ. Ф. 60р. Оп. 3. Д. 560. Л. 4–9; Ф. 34. Оп. 1. Д. 166. Л. 44, 150–153.

¹² Зональный архив Полоцкой области. Ф. 36. Оп. 1. Д. 230. Л. 146.

от 15.04.1923 г.) позднепротестантские общины уже в апреле–июне 1923 г. массово стали подавать документы на регистрацию¹³ и при наличии всех необходимых документов и соответствия уставов общин требованиям законодательства общины регистрировались. По официальным данным Секретариата ЦК КП(б)Б, в БССР в 1925 г. насчитывалось 46 «сектантских» общин общей численностью 2584 человека¹⁴. В Докладной записке «О сектантском движении в Белоруссии» указывалось, что в 1923–1925 гг. рост числа общин составил примерно на 40% [Довгяло 2014]¹⁵. В 1929 г. в БССР действовали 41 община евангельских христиан, 27 общин баптистов, 6 общин адвентистов седьмого дня, общей численностью 4754 верующих [Янушевич 2005]. На начало 30-х годов в БССР насчитывалось уже 86 позднепротестантских общин¹⁶.

В первой половине 20-х годов центральные власти старалась ограничить негативные проявления в деятельности местных органов в отношении общин, основанные на дореволюционной стигматизации позднего протестантизма как «сект, отпавших от православия». Исполком Витебской губернии получил указание отменить практику испрашивания разрешения на проведение молитвенных собраний у евангельских христиан-баптистов¹⁷. Председатель Борисовского поветового исполнительного комитета А. Хацкевич в ответ на запрос Председателя ЦК БССР Т. Червякова 29 мая 1923 г. отметил, что «несмотря на многие постановления волокомячеек и волостных исполнкомов по изъятии молитвенных домов различных культов, Укомам и Уисполнкомам было дано указание воздерживаться от подобных действий и никаких эксцессов или недопониманий по этому поводу не было»¹⁸.

Такие действия советской власти в первые годы позволили противопоставить советскую политику дореволюционной политике в представлении евангельских верующих, и советская власть стала восприниматься как сторонница. Это обеспечило нейтральное отношение белорусских протестантов к советской власти. Секретарь Россонского райкома КП(б)Б в Докладной записке в 1925 г. указывал, что баптисты «по своему убеждению и по религиозным законам повинуются как власти, которую они

¹³ НА РБ. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 187. Л. 1, 13, 35, 57, 65, 97.

¹⁴ Там же. Ф. 4п. Оп. 10. Д. 45. Л. 5.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 2325. Л. 15.

¹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1900. Л. 15.

¹⁷ Проханов И.С. В котле России: 1869–1933. Чикаго, Иллинойс: Изд-во Всемирного союза евангельских христиан, 1992. 263 с.

¹⁸ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1104. Л. 216.

признают как богоданную. Антисоветской агитации за ними не замечено»¹⁹.

*Нарастание противостояния
в отношениях позднепротестантских общин
и государственных властей
(конец 20-х – начало 30-х гг.)*

В ходе подготовки и проведения XIII съезда РКП(б) в 1924 г. в советском руководстве усилились дискуссии по вопросу об отношениях с «сектантами», поэтому вопреки резолюции «О сектантстве», начиная с конца 1924 г. постоянно усиливаются давление на позднепротестантские общины [Крапивин 2003]. Принятое 7 апреля 1927 г. Постановление ЦК ВКП(б) «О сектантстве» определило курс на борьбу с позднепротестантским движением²⁰. В августе 1927 г. в тезисах ЦК КП(б)Б сектантство характеризовалось как «оружие в руках кулачества для уменьшения и притупления классовых чувств трудящихся». В связи с этим по БССР прокатилась волна выявленных случаев финансирования деятельности баптистов из-за рубежа. В первой половине 1927 г. в БССР было организовано «Добрушское дело» – разоблачение группы баптистов, деятельность которых субсидировалась из-за границы²¹. Среди поставленных задач по усилению пропагандистской и разъясняющей антирелигиозной работы Бюро ЦК КП(б)Б в 1928 г. постановило организовать борьбу с сектантством, окружкомам предписывалось обратить особое внимание на очаги распространения «сектантства» – Могилёв, Гомель, Бобруйск и Мозырь.

Двойственность политики советской власти в религиозном вопросе и в отношении к позднепротестантским общинам привел центральные протестантские организации к осознанию необходимости уступок советской власти для демонстрации лояльности. Одним из вопросов, вызвавшим расхождения в позднепротестантской среде между центральными организациями и поместными общинами и повлиявшим на отношение белорусских общин к советской власти, был вопрос службы в армии с оружием в руках.

Всероссийский союз евангельских христиан (ВСЕХ) уже в августе 1923 г. в обращении «Ко всем верующим» призвал «...работать

¹⁹ Государственный архив общественный организаций Гомельской области (ГАООМО). Ф. 6601. Оп. 1. Д. 12. Л. 39.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 627. Л. 10–11.

²¹ НА РБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508. Л. 1.

искренне и беспрекословно во всех советских, военных и гражданских учреждениях, а также нести службу в Красной Армии и не отказываться вообще от таковой». В сентябре 1923 г. IX Съезд евангельских христиан под давлением властей принял вынужденную позицию И. Проханова в пользу признания военной службы. При этом в Послании ВСЕХ к общинам указывалось, что исполнение воинской обязанности «...производится каждым евангельским христианином, по его убеждению, согласно существующим по сему вопросу законов Советской республики». Аналогичные решения под давлением государственных органов были приняты Союзом адвентистов седьмого дня на V Всесоюзной конференции 16–23 августа 1924 г., в 1926 г. – XXVI Всесоюзным съездом баптистов.

В связи с особенностями построения организационной структуры всесоюзных позднепротестантских организаций достаточно сложно вывести общую, солидарную позицию союзных организаций и белорусских общин по поводу общественно-политических процессов, государственной власти, принципов жизнедеятельности общин. В 20–30-е годы каждая поместная община являлась самодостаточным, самостоятельным, автономным образованием, определявшим свою текущую деятельность, центральным структурам было предоставлено лишь право формулировать пожелания, имевшим рекомендательный характер. Поэтому принятые ВСЕХ, Федеративным союзом баптистов, ВСАСД решения по вопросу военной службы, затрагивающее вероисповедные основы, были противоречиво приняты верующими. Как отмечал Е.А. Тучков в сентябре 1923 г. в докладе «О церковниках и сектантах», Постановление Съезда взволновало баптистов, и они стали искать выхода в этой ситуации²². Учитывая независимую позицию региональных отделов и общин, резолюции должны были быть утверждены на местном уровне. На областных съездах в БССР при обсуждении Резолюции ВСЕХ часть общин поддержали решение ВСЕХ, однако часть общин восприняли Резолюцию как противоречащую совести и выступили категорическим против. В Могилевской округе 4 общины евангельских христиан были разделены на два лагеря, прекратили всяческие коммуникации и финансовую поддержку белорусскому центру движения²³. Часть общин баптистов Гомельской области отказались признать резолюцию съезда и были исключены из Союза²⁴. Витебский окружной отдел ГПУ в 1929 г.

²² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 4–6.

²³ ГАОМО. Ф. 6577. Оп. 1. Д. 402. Л. 139.

²⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)... Т. 5: 1927 г. М., 2003. С. 333.

сообщал, что среди позднепротестантских общин Витебского округа обязательность военной службы признали только евангельские христиане. Баптисты, адвентисты и пятидесятники проводили антиимилитаристскую пропаганду²⁵.

Все вышеуказанное постепенно вело к изменению тональности в отношении белорусских общин к советской власти и к росту недоверия. В докладной записке, представленной делегацией Федеративного союза баптистов в 1929 г. в ЦИК СССР указывалось о верности баптистов правительству СССР, но ОГПУ отмечало, что баптисты рассматривают политику правительства СССР как отказ от принципа свободы совести и просят об устраниении гонения, предоставлении человеческих прав наравне со всеми гражданами, о предоставлении возможности внешкольного воспитания баптистским детям и т. д.²⁶

*Изменение отношения евангельских верующих
к советской власти в период радикальной
антирелигиозной политики второй половины 30-х годов*

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. окончательно закрепило изменения в политике правительства в отношении евангельских движений. Начиная с 1929 г. практически останавливается процесс регистрации общин. Ситуацию немного поправила статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», а также появившиеся после ее публикации массовые жалобы в прокуратуру и в комиссию по вопросам отделения церкви от государства по незаконному закрытию молитвенных домов всех культов. Так, Бриневской общине евангельских христиан Петриковского района в ноябре 1929 г. было отказано в регистрации, однако 30 декабря 1929 г. Комиссия по вопросам культов утвердила Постановление о регистрации общины²⁷. Во второй половине 30-х гг. практически прекратилась регистрация религиозных общин в БССР, действующие общины постепенно снимались с регистрации за выявление «контрреволюционных элементов» в их составе²⁸. Молитвенные дома под-

²⁵ Государственный архив Витебской области (ГАВт). Ф. 10 051п. Оп. 1. Д. 705. Л. 117.

²⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)... Т. 5. С. 658.

²⁷ НА РБ. Ф. 750. Оп. 1. Л. 567. Л. 29 об.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 64. Л. 53.

верглись национализации: в 1933 г. был изъят молитвенный дом старейшей в Беларуси общины баптистов в д. Уть²⁹, в 1935 г. под электростанцию изъят молитвенный дом баптистов в Гомеле³⁰, под лечебное учреждение изъят молитвенный дом баптистов в Слуцке³¹, в 1939 г. молитвенный дом общины ЕХБ д. Подоресье был передан под школу³² и другие. В 1937 г. официально были ликвидированы все зарегистрированные общины евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, евангельских христиан в духе апостольском и АСД в БССР [Канфесии 1998], большинство пресвитеров были репрессированы. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР отмечала, что на 1 апреля 1936 г. в БССР осталось функционировать 10,9% молитвенных домов всех конфессий по сравнению с 1917 г. В 1937 – в начале 1938 г. органами НКВД БССР был ликвидирован ряд «контрреволюционных сектантских» организаций и групп, по которым арестовано и осуждено 860 человек³³.

Активная антирелигиозная политика в БССР, делегализация религиозной деятельности, репрессии в отношение верующих определили трансформацию отношения евангельско-баптистских и адвентистских верующих БССР к советской власти в сторону от нейтральности до неприятия. В дискурсе белорусских верующих отмечается формирование негативного, враждебного протестантам образа советской власти, антагониста Божьей власти. Агрессивная религиозная политика и ломка традиционного уклада жизни, особенно в сельской местности в связи с насильственной коллективизацией, вела к формированию представлений о колхозах, как о не Божьем пути: «В колхоз вступишь – черту душу отдашь», «Из Библии видно, что кто запишется, тот продастся антихристу и будет отвечать своей смертью». В 1931 г. в докладе помощника начальника УПО и войск ПП ОГПУ по Белорусскому военному округу А.Б. Романенко о политико-экономическом положении по-границы БССР отмечено, что сектанты предрекают неизбежную гибель советской власти и скорый конец света³⁴.

Изменение отношения евангельских верующих к советской власти и противопоставление Божьей власти советской власти ставило вопрос и о способе реакции на государственные меропри-

²⁹ НА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 265.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 63 (т. 1). Л. 52–53.

³¹ Там же. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.

³² НА РБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 43. Л. 71.

³³ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13 219. Л. 56–77.

³⁴ Там же. Д. 2514. Л. 307–329.

ятия. На общих собрания общин и на региональных собраниях на протяжении 30-х годов верующие обсуждали свои возможные действия. В 1936 г. в д. Михайловка Наровлянского района было созвано общее собрание баптистов по вопросу подписки на заем³⁵. В Лепельском районе 28 декабря 1936 г. на совещании верующих по вопросу переписи было принято решение не принимать участия в переписи и не отвечать ни на какие вопросы³⁶. В апреле 1937 г. в д. Дубовица Струкачевского сельского совета было проведено межрайонное собрание общин баптистов, куда приехали верующие из Рогачева, Чечерска и пяти деревень Кормянского района для обсуждения паспортизации³⁷.

Деятельность советской власти верующими белорусских общин воспринималась категорические негативно, в любых, даже нейтральных действиях виделся антицерковный подтекст. Административные процедуры, имеющие религиозно-нейтральный характер (паспортизация, избирательные процессы, выдача пособий и др.), трактовались верующими в религиозном контексте. Это выразилось в неприятии советских административных процедур, отдельных аспектов советской культуры. Выработанная стратегия отношения к советской власти позднепротестантских общин БССР базировалась на принципе дистанцирования от любой политической активности, демонстративной аполитичности. В июне 1937 г. отказались от оформления паспортов в Житковичском районе – 23 баптиста³⁸, в Туровском районе в 1937 г. – 100 человек³⁹, в 1938 г. – уже 183 человека⁴⁰. Верующие отказывались и от пособий по многодетности⁴¹, стремились отгородить своих детей от влияния атеистической советской культуры, запрещая им посещать кино и пропагандистские лекции, разучивать стихи и петь в школе советские песни⁴².

Вопрос неприятия советской власти обострился во время проведения Всесоюзной переписи населения 1937 г. Во время Всесоюзной переписи 1937 г. в позднепротестантском дискурсе о советской власти был сформирован тезис о клеймении, что отражает актуализацию хилиастических верований, в которых советская власть ассоциируется с Антихристом. Перепись воспринималась

³⁵ Там же. Д. 10 879. Л. 50–53.

³⁶ Там же. Д. 12 097. Л. 38.

³⁷ Там же. Д. 12 082. Л. 154–156.

³⁸ Там же. Д. 12 099. Л. 348–399.

³⁹ Там же. Д. 12 059. Л. 22–35.

⁴⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1400. Л. 71–77.

⁴¹ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13 219. Л. 74; Д. 12 058. Л. 80–84.

⁴² Там же. Д. 11 868. Л. 398.

как клеймение, а советские власти трактовались как «власти не от Бога», «власти нечистой силы», «власти антихриста»⁴³. В Ветринском районе БССР обсуждалось, что «...верующих будут судить, неверующим ставить клеймо», в Ушачском районе – «Скоро будут ходить антихристы и будут ложить клеймо», «В переписном листе есть клеточки, и если в эту клетку попадешь и распишешься, то не будешь спасен». В Астрашинском, Швабском и других сельсоветах ходили разговоры, что при переписи будут клеймить людей, и тех лиц, которые запишутся неверующими, и будут высылать их за пределы района. В Смиловичском районе евангелист говорил группе граждан: «Пришел конец света, всем верующим будут ставить штампы иголками на груди»⁴⁴. Многие верующие заняли позицию игнорирования переписи и прекратили всяческие коммуникации с государственными властями и с переписчиками. Особую массовость такая позиция приобрела в Лепельском районе: во время проведения предварительной переписи от ответов на вопросы переписчиков отказались отвечать 52 семьи (общей численностью 230 взрослых и детей), в связи с чем они были названы «молчальниками». До 18 января 1937 г. 189 человек продолжали сохранять молчание⁴⁵. Органы НКВ отмечали, что движение «молчальников» распространилось и на другие районы Беларуси⁴⁶, инциденты имелись в 17 проверенных приграничных районах. В Туровском районе под влиянием 14 «молчальников» 46 человек не голосовали, в д. Погост не голосовали 56 верующих, в д. Черничи – 58, д. Запесочье Житковичского района – 58⁴⁷.

Следует отметить, что в период активной антирелигиозной и репрессивной деятельности советских органов среди форм реакции позднепротестантских общин Беларуси активные формы сопротивления, такие как выступления против снятия общин с регистрации и национализации молитвенных домов, сбор подписей и коллективные прошения, о регистрации общин, ходатайства за арестованных пресвитеров, практически не фиксировались. В 1937 г. в 40 районах БССР были поданы 34 заявления об открытии церквей, костелов и синагог и только 1 заявление об открытии молитвенного дома⁴⁸. Отмечены только отдельные призывы

⁴³ Там же. Оп. 21. Д. 923. Л. 2–7; Оп. 21. Д. 988. Л. 175, 180, 181, 185; Д. 1111. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 12 099. Л. 175–189.

⁴⁵ Там же. Д. 12 020. Л. 19.

⁴⁶ Там же. Д. 13 219. Л. 72.

⁴⁷ Там же. Л. 73.

⁴⁸ Там же. Д. 12 099. Л. 348–399.

позднепротестантских верующих к активным выступлениям против советской власти в 1931 г., которые так и не переросли в активные действия: «Братья! Вот теперь забрали мясо, хлеб и полотно. Нам надо сплотиться воедино и сделать такой бунт, чтобы о нем было слышно в Польше и других странах. Пусть видят все, как нас здесь угнетают»⁴⁹.

Ломка жизненных устоев, традиционных форм проявления религиозности, активная антирелигиозная пропаганда, стремление к сохранению собственной религиозной идентичности вели к формированию новых целей, а также форм и способов религиозной самоорганизации. В 30-х годах позднепротестантские общины переходят к стратегии самосохранения, используя нелегальные формы организации религиозной деятельности. В Гомельской области в 1940 г. из 29 остались 2 общины, действующие нелегально. В Минской области в 1940 г. действовали нелегально 18 общин⁵⁰, в Могилевской области – 17 общин⁵¹. Как форма организации религиозной жизни, распространение получили так называемые «домовые церкви», когда община или группа верующих собиралась в доме у единоверца для служения нелегально. Верующие пятидесятники г. п. Елизово Осиповичского района (до 100 человек) до Великой Отечественной войны проводили собрания по квартирам и в лесу⁵². В 1938 г. отмечалось, что в ряде мест выявлены вновь организованные «антисоветские группы сектантов». Особенное оживление отмечалось в Осиповичском, Хойникском, Бегомльском, Наровлянском и др. районах БССР⁵³. Наличие активных нелегальных общин в Полесской области в 1940 г. неоднократно поднималось на заседании Полесского обкома КП(б)Б, особенно в Наровлянском и Ельском районах⁵⁴.

Заключение

Вопрос об отношении белорусских общин к советской власти в 20–30-е годы достаточно сложный. Отсутствие практики принятия общеобязательных решений в системе позднепротестантских организаций СССР, самодостаточность, самостоятельность и авто-

⁴⁹ Там же. Д. 2514. Л. 307–329.

⁵⁰ Там же. Ф. 952. Оп. 3. Д. 41. Л. 41.

⁵¹ Там же. Оп. 4. Д. 22. Л. 92–93.

⁵² Там же. Оп. 2. Д. 434. Л. 15.

⁵³ Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13 219. Л. 56–77.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 357. Л. 132.

номность общин определили отсутствие солидарной позиции центральных организаций и поместных белорусских общин. На формирование стратегии белорусских общин во взаимоотношениях с советской властью оказал влияние ряд внешних и внутренних факторов: положение белорусских общин до 1917 г., политика советской власти и ее трансформация, вероучительные принципы, позиция центральных протестантских организаций и рядовых верующих. В связи с этим в 20–30-е годы практически отсутствовала единая стратегия выстраивания отношений с государством на уровне центральных организаций и белорусских общин, которые не всегда были едины во взглядах на общественно-политические процессы и участие верующих в них.

В 20–30-е годы можно выделить три периода, в которые наблюдается изменение отношения белорусских общин к советской власти в БССР: I период – 1917–1926 гг., II период – 1926 – начало 30-х годов, III период – вторая половина 30-х годов. На первом этапе белорусские общины заняли стратегию нормализации религиозной деятельности в существующих политико-правовых условиях и были настроены на легальную деятельность в рамках правового поля. Со второй половины 20-х годов идет нарастание недоверия верующих к советской власти. Триггером стали не только начинавшиеся притеснения верующих, но в большей степени выраженное стремление советской власти внедряться в вероисповедные основы, что особенно проявилось в вопросе военной службы, ограничении религиозного воспитания детей и политике воспитания нового человека «советского» типа через контроль личностных мировоззренческих основ человека. С середины 30-х годов активная антирелигиозная политика в БССР, репрессии в отношение верующих и политика по формированию человека «нового» типа определили категорическое отношение к советскому государству и его институтам. Стратегия позднепротестантских общин БССР в отношении к государству в 30-х годах была направлена на сохранение религиозной идентичности в агрессивном атеистическом государстве. Необходимость адаптации к постоянно изменяющейся религиозной политике в СССР привела к трансформации форм и методов осуществления религиозной деятельности: от легальных форм в первой половине 20-х годов к нелегальным формам с середины 30-х годов. Задача сохранения религиозной идентичности реализовывалась белорусскими общинами посредством замыкания в социокультурном пространстве общинны, дистанцирования от участия в любых политических и административных мероприятий советской власти, что должно было защитить верующего от внедрения государства во внутреннюю сакральную сферу человека.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках Гранта ректора БГУ на 2024–2026 гг.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the BSU Rector's Grant for 2024–2026.

Литература

Довгяло 2012 – *Довгяло Н.В.* Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924–1939 гг. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 77–81.

Довгяло 2014 – *Довгяло Н.В.* Религиозность населения БССР в 1920–1930-х гг. // Беларускае Падзівінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследванняў. Мн., 2014. С. 74–81.

Калинина 2012 – *Калинина А.С.* Христианские конфессии советской Белоруссии в 1929–1939 гг.: активные и пассивные формы сопротивления // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4. С. 181–202.

Калиничева 1972 – *Калиничева З.В.* Социальная сущность баптизма (1917–1929). Л., 1972. 141 с.

Канфесіі 1998 – Канфесіі на Беларусі / рэд. У.І. Навіцкі. Мінск: Экаперспектыва, 1998. 340 с.

Королева 2013 – *Королева Л.А., Королев А.А., Артемова С.Ф.* Власть и евангельские христиане-баптисты в России: 1945–2000 гг.: эволюция взаимоотношений. Пенза: ПГУАС, 2013. 336 с.

Крапивин 1997 – *Крапивин М.Ю.* Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград: Перемена, 1997. 366 с.

Крапивин 2003 – *Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г.* Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х гг.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 100.

Лисовская 2024 – *Лисовская Т.В.* Трансформация модели государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в конце XIX – 1917 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 4. С. 128–141.

Никольская 2009 – *Никольская Т.К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2009. 370 с.

Потапова 2019 – *Потапова Н.* Евангельские христиане и баптисты России в революционном процессе 1917–1922 гг.: трансформация идентичности (по ма-

териалам конфессиональной прессы) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 396–416.

Романова 2012 – Романова И. Кляйменне Чырвонага дракона: Усесаюны перапіс насельніцтва 1937 года і яго трактоўка ў сялянскім дыскурсе // ARCHE. 2012. № 3. С. 246–262.

Романова 2019 – Романова И. «Вашей власти нам не надо»: противостояние верующих и власти (Лепельский район Белорусской ССР) // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2019. С. 280–290.

Янушевич 2005 – Янушевич И.И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории: 1917–1928 гг. Мин.: Изд-во БГУ, 2005. 141 с.

References

Dovgyallo, N.V. (2012), “Legislative basis of the BSSR policy in the field of religion in 1924–1939”, *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 77–81.

Dovgyallo, N.V. (2014), “The BSSR population religiosity in the 1920s – 1930s”, in *Belaruskae Padzinne: vopryt, metodyka i vyniki paljavyh i mizhdyscyplinarnyh dasledvaniy* [Belarusian history. Experience, methods and results of field and cross-disciplinary studies], Minsk, Belarus, pp. 74–81.

Kalinina, A.S. (2012), “Christian confessions of Soviet Belarussia in 1929–1939: Active and passive forms of resistance”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3/4, pp. 181–202.

Kalinicheva, Z.V. (1972), *Sotsial'naya sushchnost' baptizma (1917–1929)* [The social essence of Baptism (1917–1929)], Leningrad, USSR.

Koroleva, L.A., Korolev, A.A. and Artemova, S.F. (2013), *Vlast' i evangel'skie khristiane-baptisty v Rossii: 1945–2000 gg.: evolyutsiya vzaimootnoshenii* [Power and Evangelical Christians-Baptists in Russia. 1945–2000: Evolution of relationships], PGUAS, Penza, Russia.

Navitski, U.I., ed. (1998), *Kanfesii na Belarusi* [Confessions in Belarus], Ekaperspektyva, Minsk, Belarus.

Krapivin, M.Yu. (1997), *Nepridumannaya tserkovnaya istoriya: vlast' i tserkov' v Sovetskoi Rossii (oktyabr' 1917-go – konets 1930-kh godov)* [Uninvented church history: Power and church in Soviet Russia (October 1917 – late 1930s)], Peremenya, Volgograd, Russia.

Krapivin, M.Yu., Leikin, A.Ya. and Dalgalov, A.G. (2003), *Sud'by khristianskogo sektantstva v Sovetskoi Rossii (1917 – konets 1930-kh gg)* [The fates of Christian sectarianism in Soviet Russia (1917 – late 1930s)], Izdatel'stvo SPbGU, Saint Petersburg, Russia.

Lisovskaya, T.V. (2024), “Transformation of the model of state-confessional relations in Belarus in the late 19th century – 1917”, *Science Journal of Volgograd State*

University. Series 4. History. Areal Studies. International Relations, vol. 29, no. 4, pp. 128–141.

Nikolskaya, T.K. (2009), *Russkii protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 gg.* [Russian Protestantism and state power in 1905–1991], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia.

Potapova, N. (2019), “Evangelical Christians and Baptists of Russia in the revolutionary process of 1917–1922: Transformation of identity (based on the materials of the confessional press)”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 1–2, pp. 396–416.

Romanova, I. (2012), “Stigmatizing the Red dragon. All-union population census of the population of 1937 and its interpretation in peasant discourse”, *ARCHE*, no. 3, pp. 246–262.

Romanova, I. (2019), “We don't need your power”: confrontation between believers and the authorities (Lepel district of the Byelorussian SSR)”, in *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva v 1920–1950-e gg.* [Confessional policy of the Soviet state in the 1920–1950s], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 280–290.

Yanushevich, I.I. (2005), *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva: uroki istorii: 1917–1928 gg.* [Confessional policy of the Soviet state: lessons from history, 1917–1928], Izdatel'stvo BGU, Minsk, Belarus.

Информация об авторе

Татьяна В. Лисовская, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; 220030, Республика Беларусь, Минск, пр-кт Независимости, д. 4; Lisouskaya@bsu.by
ORCID ID 0000-0002-5562-8466

Information about the author

Tatsiana V. Lisouskaya, Cand. of Sci. (History), associate professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; 4, Nezavisimosti Av., Minsk, Republic of Belarus; 220030; Lisouskaya@bsu.by
ORCID ID 0000-0002-5562-8466

Православие в Гватемале: возникновение и особенности

Галина Г. Ершова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ga.gav@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается история появления и становления православной конфессии в традиционно католической стране Латинской Америки – Гватемале. Этот чрезвычайно любопытный процесс начался в 1980-х гг. и неожиданно приобрел особую динамику в регионе, распространившись даже в сопредельные страны – Мексику и Сальвадор. Начиная с 1870-х гг. в стране сложилась особая политическая ситуация, в результате которой влияние римско-католической церкви на общество существенно сократилось, что изменило религиозную ситуацию в стране в целом. Однако больше века существовала довольно многочисленная этническая арабская диаспора, представители которой имели православные корни. Они не были объединены в общину и формально относились к различным ближневосточным патриархатам, не представленным до 1980-х гг. в Гватемале. Ситуация изменилась благодаря Инес Айау Гарсия, которая, будучи римско-католической монахиней, самостоятельно пришла к православию, построила монастырь Животворящей Троицы и официально зарегистрировала первую православную церковь антиохийского патриархата. Анализируемые в статье материалы были собраны в период полевых исследований, проведенных в Гватемале в 2013–2024 гг., в мировой историографии тема рассматривается впервые.

Ключевые слова: Гватемала, православие, кризис римского католицизма, патриархаты, игуменья Инес Айау Гарсия

Для цитирования: Ершова Г.Г. Православие в Гватемале: возникновение и особенности // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 176–193. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-176-193

Orthodoxy in Guatemala. Origins and characteristic features

Galina G. Ershova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ga.gav@mail.ru*

Abstract. The article examines the history of the emergence and establishment of the Orthodox confession in Guatemala, which is traditionally Catholic country of Latin America. This extremely interesting process began in the 1980s and unexpectedly gained particular dynamics in the region, spreading even to neighboring countries such as Mexico and El Salvador. Since the 1870s, a special political situation had developed inside Guatemala, resulting in a significant reduction of the influence of the Roman Catholic Church on society and changing of the whole religious situation in the country. However, for more than a century in Guatemala existed a rather numerous ethnic Arab Diaspora whose representatives had Orthodox roots. They were not united into a community and formally belonged to various Middle Eastern patriarchates that were not represented in Guatemala until the 1980s. The situation changed significantly thanks to Inés Ayau García, who independently came to Orthodoxy while being a Roman Catholic nun, then built the Monastery of the Life-Giving Trinity, and officially registered the first Orthodox church of the Patriarchate of Antioch. The materials analyzed in the article were collected during field research conducted in Guatemala from 2013 to 2024, this topic is considered for the first time in global historiography.

Keywords: Guatemala, Orthodoxy, crisis of Roman Catholicism, patriarchates, Abbess Inés Ayau García

For citation: Ershova, G.G. (2025), "Orthodoxy in Guatemala. Origins and characteristic features", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 176–193, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-176-193

Введение

Православие в странах Латинской Америки, безусловно, имеет свои особенности, предопределяемые не только историей своего появления, но и весьма синкретичной культурно-религиозной средой. Эта среда сложилась в регионе после XVI в., когда римско-католическое христианство начало де-факто адаптировать различные индейские верования, которые формально были запрещены.

Присутствие православия обозначается на американском континенте в XIX в. вместе с появлением мигрантов из Старого Света. В XX в. потоки переселенцев усилились, формировались диаспоры переселенцев из стран Ближнего востока, Кавказа, Западной Азии, Балканского региона, Румынии, постсоветских республик и России. Однако первыми стали общины старообрядцев-беспоповцев, бежавшие из Российской империи еще в XVII в., спасаясь от преследований. Другая волна старообрядцев двинулась из Сибири в 1920-х гг. и обосновалась поначалу в Китае, а в конце 1950-х, после начала политики «Большого скачка», переместилась в Южную Америку, сохраняя замкнутый образ жизни. Те немногие, кто в Латинской Америке что-то знают о православии, предполагают, что эта конфессия является некой аналогичной единой структурой, «противостоящей католицизму».

В статье впервые в отечественной и зарубежной историографии затрагивается проблема становления православия в Гватемале. Из обширной темы мною ранее были опубликованы разделы в монографии «Феномен родства в системе социальной организации древних майя» [Ершова 2017], а также статья «Римский католицизм для индейцев Гватемалы: от насаждения до отторжения» [Ершова 2025], в которой рассматриваются особенности массового перехода в православие индейских общин. Публикации, касающиеся Гватемалы, обычно охватывают исторические, политические, культурологические аспекты. Отдельный блок представляют работы по доколумбову периоду. Римско-католическая конфессия изначально стала объектом религиоведческих исследований, учитывая особенности истории этой церкви в Гватемале. К наиболее интересным можно отнести статьи гватемальских авторов. Это работа Вилар Анлеу «Синкетизмы, культура и природа в Гватемале», рассматривающая специфику гватемальского синкетизма [Vilar Anleu 2008]. Подробный анализ современного состояния католицизма содержится в работе Родригес де Ита «Гватемальская церковь в изгнании», где подробно представлены последствия запрета католицизма в 1870-е гг. и проблемы его возвращения в XX в. [Rodriguez de Ita 2022]. В сборнике «Женщина и религия в африканской диаспоре: знания, власть и обряд» собраны интересные исследования религиозных верований и практик общины гарифуна (потомки африканский рабов), составляющих около 2% населения на территории Гватемалы [Griffith, Savage 2006]. Публикации советского периода ограничивались критикой католицизма и не представляют никакого интереса. В современной отечественной историографии исследования религии в странах Латинской Америки обычно проводятся в рамках общего культурного контекста. Примером могут служить работы

Я.Г. Шемякина «Латиноамериканская литература и христианство» [Шемякин 2008] и «Латиноамериканская культура и синкретизм» [Шемякин 2009]. Тот же автор в статье «Историческая реальность в культурно-антропологической перспективе: экзистенциальный предел глобализации» [Шемякин 2018] рассуждает, в частности, о месте религии в современном мире, уделяя особое внимание Латинской Америке.

Общие особенности латиноамериканского православия

Особенности церковной жизни прихожан определяются наличием разных патриархатов, разных национальностей мигрантов разных периодов, разных поколений этих мигрантов, культурной адаптацией, неодинаковыми экономическими возможностями диаспор, малым количеством воздвигнутых церквей и даже политической конъюнктурой.

В настоящее время православные общинны и представительства разных патриархатов присутствуют в том или ином виде практически во всех странах Латинской Америки. В некоторых странах равноправно существуют епархии и представители нескольких патриархатов. Форма их присутствия определяется местным законодательством. Классическим примером, в силу почти полного отсутствия аборигенного населения и постоянного притока самых разных мигрантов, стала Аргентина¹. Эта страна стала одной из первых, где в XIX в. появились крупные этнические диаспоры из носителей православной культуры. В настоящее время здесь присутствуют и существуют представительства епархий и юрисдикций Антиохийского, Константинопольского, Сербского, Московского патриархатов и РПЦЗ (ROCA). Мексика на севере также является средоточием православных епархий: Антиохийский, Иерусалимский, Константинопольский, РПЦ, РПЦ в Мексике, относящаяся к Православной церкви Америки (ОСА).

Следует заметить, что изначально некоторые диаспоры в условиях отсутствия «своего» патриархата были вынуждены входить под управление РПЦЗ или Константинопольского патриархата. Особенно это касается русских мигрантов первой волны. Так произошло с крупнейшей диаспорой русских в Парагвае в 1920-х гг., после того, как общее Собрание русских православных христиан Асунсьона

¹ Максимов Ю. Православие в Аргентине. URL: <https://pravoslavie.ru/3223.html> (дата обращения 15.07.2024).

обратилось за помощью к председателю архиерейского синода РПЦЗ митрополиту Антонию, митрополиту Евлогию (управлял русскими приходами в западной Европе) и управляющему русскими приходами в Южной Америке. Кроме того, попросили помочь у местных православных диаспор сербов и арабов². Так русской общиной была построена православная церковь Покрова Пресвятой Богородицы.

Литургия в странах Латинской Америки предпочтается на испанском языке, так как родной язык помнят только мигранты первого, меньше второго, поколений. Этому способствует и привычный для латиноамериканцев пример римско-католической церкви, где литургия служится на испанском языке. Кроме того, многие мигранты, которые и в своих странах не особенно разбираясь в тонкостях, считают язык страны проживания нормой в качестве языка литургии. Да и большинство священников из местных зачастую не владеют языком «родины» своего православного патриархата.

Нехватка православных священников

Вторая и самая большая проблема – это нехватка православных священнослужителей. Они крайне неохотно едут в чужие страны с чужим языком и чуждой культурой, особенно если говорить о подготовленных священниках с профильным образованием. Православные патриархаты в митрополии работают с подготовленной в культурном плане паствой. У православных священников, которых не готовят к работе в чуждых условиях, полностью отсутствуют навыки миссионерства. Поэтому посылка священников, тем более грамотных, становится крайне сложной задачей. В семинариях митрополий, видимо, не существует программ подготовки священников из граждан стран Латинской Америки. Об этом говорил сербский митрополит Амфилохий (Ристо Радович, 1938–2020) в 2018 г., когда игуменья Инес Айау обратилась к нему с просьбой направить священника для Свято-Троицкого монастыря в Гватемале³. Митрополит Амфилохий, пытавшийся распространить православие в Латинскую Америку, был скептически настроен по отношению к предлагаемым игуменьей

² Русская Православная Церковь за границей. Официальная страница. URL: <https://synod.com/#gsc.tab=0> (дата обращения 05.09.2025).

³ ПМА-2018. Полевые материалы автора. Аудиозапись беседы с митрополитом Амфилохием. 12.09.2018. Церковь Св. Савы, Буэнос-Айрес, Аргентина.

Инес кандидатам из находившихся в Аргентине монахов-сербов, однако уступил ее просьбе. Но митрополит оказался прав – эти кандидаты, так и не выучившие испанский и не желавшие взаимодействовать с местным населением, поочередно не выдерживали и нескольких месяцев работы. Прислать кого-либо из Сербии ни митрополиту Амфилохию, ни сменившему его митрополиту Кириллу так и не удалось. Результатом отсутствия священника стал неизбежный выход Свято-Троицкого монастыря из сербского патриархата.

В Гватемале антиохийский приход с середины 1990-х гг. объединил общины мигрантов уже в третьем поколении – палестинцев, сирийцев, ливанцев, иорданцев и даже немногих «русских», под которыми подразумеваются все русскоязычные. Все они были полностью интегрированы в местное культурное пространство. Но в 2020 г. священник, мексиканец по происхождению, не смог восстановиться после ковида, потерял голос и вернулся на свою родину. После долгого перерыва Антиохийский патриархат прислал священника из Сирии, не говорящего по-испански и, что хуже, придерживающегося совершенно иных культурных традиций, присущих сирийской глубинке. Это вызвало резкое неприятие и раздражение со стороны испаноязычной общины. Священник-сириец, чтобы не растерять богатый приход, вынужден был быстро выучить испанский язык. Тем не менее многие прихожане оказались вынуждены для важных таинств, таких как свадьбы, крещения и отпевания, обращаться в Свято-Троицкий монастырь, находящийся в ведении в то время сербского, а ныне греческого патриархата, где служат в основном местные священники – гватемальцы. До этого в монастыре сменилось три священника серба, которые так и не выучили язык, не захотели взаимодействовать с местным населением и предпочли вернуться на свою родину. Присланный в 2025 г. в Свято-Троицкий монастырь священник – этнический грек, хоть и знал испанский язык, но также был отвергнут в силу недостаточных знаний литургии, культурных различий и нежелания общаться с местными людьми.

Под видом православия...

Следует отметить и несколько неожиданный феномен, обусловленный появлением, прежде всего в США, а затем в некоторых странах Латинской Америки, так называемых «ортодоксальных церквей» с разными названиями. Практически все латиноамериканцы, обращающиеся к православию, в той или иной мере стал-

кивались с этими мошенниками. Так, в беседах с местными православными клириками постоянно упоминались некие *фальшивые* православные священники и даже епископы. Практически все опрашиваемые рассказывают о своем первом негативном опыте общения с ряжеными самозванцами, закупающими одеяния в православных странах и ведущих активную деятельность. Это выглядит особенно странно, так как у подлинных православных приходов множество проблем, и в первую очередь экономических. И потому смысл появления еще и самозваных священников поначалу казался непонятным. Подлог обычно вскрывается, когда встает вопрос о принадлежности к тому или иному патриархату. Но о таких тонкостях обычный человек и не подозревает, искренне полагая, что православная церковь, как и римско-католическая, имеет единое управление. Об этом рассказал колумбийский священник отец Симеон (Серхио Лопес) епархии Сербского патриархата. В 2011 г. он решил обратиться к православию и начал искать контакты с православной церковью. Первой он обнаружил некую позиционированную себя как «православную» церковь, где на литургии в основном велась речь о «добролюбии» в рамках мистического исихазма. Это показалось Серхио Лопесу привлекательным. Он, будучи по крещению католиком, прошел в этой церкви необходимый обряд миропомазания и стал считать себя православным. Лишь спустя несколько месяцев Серхио задался вопросом принадлежности к патриархату – тогда и выяснилось, что принявшая его церковь вовсе не является канонической, а священник был обычным самозванцем. После этого Серхио Лопес начал поиски канонической церкви, нашел Сербский патриархат, вновь прошел обряд миропомазания, познакомился с митрополитом Амфилохием, был послан в семинарию в Сербии и рукоположен, став отцом Симеоном.

Самым неожиданным в деятельности самозваных церквей оказывается тот факт, что якобы «православные» священники, ловко используя термин «ортодоксальный», занимают нишу практически колдунов или эзотериков, «владеющих древними тайными знаниями». Они ходят по домам, изгоняют духов, предсказывают будущее, снимают сглаз и т. д. И эта востребованная разочарованными в католицизме латиноамериканцами «духовная» деятельность, успешно конкурирующая с протестантскими сектами, приносит проходящим весьма неплохие доходы⁴.

⁴ ПМА-2023. Полевые материалы автора. Аудиозапись беседы с отцом Симеоном. 01.08.2023. Свято-Троицкий монастырь, Гватемала.

Проблемы православных приходов и прихожан

В большинстве стран региона прихожане предпочитают сохранять принадлежность к своему «этническому патриархату». Однако в случае необходимости они объединяются или обращаются к «чужому» священнику. В «главных» странах региона – Мексике и Аргентине – прихожане церквей часто посещают праздники и службы в храмах разных патриархатов. При этом складываются две группы по этническому принципу: славяне (русские, сербы, украинцы, болгары и т. д.) и арабы (сирийцы, ливанцы, палестинцы и т. д.). При этом первое поколение мигрантов придерживается правил своей страны, а последующие уже вырастают адаптированными к местным, латиноамериканским культурным традициям. Бывает и так, что в регионах, где существует одна единственная православная церковь на всех, ее деятельность определяет местный священник. А поскольку он может иметь для заработков еще и светскую работу, то тогда именно это расписание выстраивает жизнь прихода. В некоторых странах вообще физически отсутствуют церкви, при которых может действовать приход, и тогда службы происходят лишь по особым событиям, когда община оплачивает приезд священника и арендует помещение, которым может быть как католический храм, так и зал в отеле.

Проблема календаря

Еще одна важная проблема взаимодействия местных общин и «своих» православных патриархатов – это проблема календаря, точнее, христианских праздников. В странах Латинской Америки обычно официально существуют длительные выходные, приходящиеся на главные христианские праздники по григорианскому календарю, как это происходит в римско-католической церкви. Поэтому празднование Пасхи, Рождества и некоторых других событий христианского цикла в рабочие дни, т. е. по юлианскому календарю, становится большой проблемой для местных прихожан. Кроме того, вызывает резкое осуждение со стороны православных патриархатов, где эти праздники вписаны в государственные выходные «по-старому». Некоторые православные священники латиноамериканского происхождения опираются на современный общепринятый григорианский календарь в качестве культурной традиции и потому сразу предпочитают переносить праздники на даты «нового» календаря. В других случаях празднуется дважды: «для себя» и для прихожан.

Правильные святые и идентичность

В Латинской Америке проблемой становятся и почитаемые «святые». Для каждого этноса «святой» – это, в той или иной степени, неотъемлемая часть культурного кода, самоидентификации, эмоциональная метка в общей и в личной истории. Каждый патриархат настаивает на «своих» канонических исторических святых, которые не имеют никакого отношения к мигрантам, интегрированным в иное культурное пространство.

В неиндейских «этнических» православных общинах, там, где мигранты давно вписались в местную культуру, также в силу исторических условий «святые» становятся камнем преткновения в отношениях между патриархатом и зарубежной епархией. Так, например, проблемой антиохийского прихода в Гватемале стало переименование в 2025 г. ранее освященной архиепископом церкви Преображения Господня в церковь Святого Деметрия, который почитаем в Сирии, но является совершенно чуждым для диаспоры в Гватемале.

Проповедовавший в XVII в. нестяжательство «брат Педро», монах, создавший первый приют для сирот, был признан в католической Гватемале святым. Святым его признают и современные городские православные приходы. Но индейские общины не признавали брата Педро ни будучи католическими общинами, ни став православными. Дева Гваделупская и Богоматерь с четками еще в первые века колонии обрели статус абсолютных национальных святых и стали частью культурного кода гватемальцев. Но традиционные патриархаты этот статус даже не рассматривают. Сербский патриархат настаивает на почитании Святого Саввы, который для православных гватемальцев не несет никакой нагрузки, ни эмоциональной, ни культурно-эстетической.

У «новых православных» –aborигенного населения латиноамериканских стран – процесс формирования синкретичного пантеона всегда бывает долгий и очень непростой. Этнос, как правило, с большой неохотой принимает всякое вытеснение и замену в списке не столько главных богов, сколько второстепенных. Так, например, у индейцев майя этот процесс со всей отчетливостью наблюдается после X в., когда общество было вынуждено подчиниться тольтекским захватчикам и принять новую религиозную идеологию. А последующее появление христианства способствовало формированию весьма запутанного синкретичного пантеона. И при переходе в православие в индейских общинах продолжает сохраняться набор привычных для них святынь, трогать которые никто не рискует, что подробно уже рассматривалось в нескольких публикациях [Ершова 1987; Ершова 2017; Ершова 2025].

В индейских православных общинах греческого патриархата священники предпочли оставить лишь святых, утвержденных в первые века христианства. Святыми стали все евангелисты, Иоанн Златоуст, Василий Великий и его сестра Макрина, равноапостольная Елена, Игнатий-богоносец, Ефрем Сирин и др.⁵

И это только некоторые типичные проблемы православных приходов в Гватемале, члены которых желают сохранять принадлежность к «своей» церкви, но чья бытовая культурная и языковая идентичность успела существенно измениться.

Православие в Гватемале

Появление православия в Гватемале не связано с мигрантами или этническими диаспорами. Никто из мигрантской среды неставил перед собой задачу официального сохранения религиозной принадлежности, принимая правила новой родины. Не было и заинтересованных в этом патриархатов.

Инициатором появления православия в Гватемале стала Инес Айау Гарсия, родившаяся в 1951 г. в атеистической семье Мануэля Айау Кордон (1925–2010), известного экономиста, сторонника теории Людвига фон Мисеса и проводника либертарианских идей. Несмотря на сопротивление семьи, в совсем юном возрасте она стала монахиней конгрегации Сестер Успения (Congregación de las Religiosas de la Asunción) римско-католической церкви. Таким образом, будучи католической монахиней, Инес Айау самостоятельно открыла для себя православие⁶. Путь к этому не был быстрым. В 1972 г. она начала изучать теологию в основанном ее отцом Университете Франсиско Маррокин. Затем в 1975 г. продолжила свои занятия в Мексике, Франции и Бельгии, куда ее каждый раз перенаправляла католическая конгрегация, не давая возможности завершить учебу. Наконец, в 1984 г. в Университете Франсиско Маррокин она получила «диплом теолога с отличием»⁷ – и сразу

⁵ ПМА-2023. Полевые материалы автора. Аудиозапись беседы с Мор Эдуардо Агирре. 01.08.2024. Seminario de San-Lucas, Guatemala.

⁶ Клин Б. В Гватемале более миллиона православных: Игуменья Инес Гарсия о чуде распространения веры и интересе жителей республики к русскому языку. URL: <https://iz.ru/925830/boris-klin/v-gvatemala-bolee-milliona-pravoslavnykh> (дата обращения 20.07.2025).

⁷ Ibárgüen G. Madre Inés: ortodoxa, liberal y empresaria. URL: <https://noticias.ufm.edu/2012/09/madre-ines-ortodoxa-liberal-y-empresaria/> (дата обращения 05.09.2025).

же была отправлена орденом в очередную ссылку подальше – на Филиппины.

Занятия во Франции и Бельгии не прошли даром – именно там она познакомилась с учением Серафима Саровского⁸. Записи Николая Мотовилова и тексты Игнатия Брянчанинова в переводе на французский стали настоящим откровением, открывшим молодой монахине истинную сущность христианства. Православие позволило Инес Айау найти ответы на многие духовные вопросы, которые только множились на фоне неприятия поверхностности римского католицизма, усугубившейся после Второго Ватиканского собора. За эти «сомнения» в правильности реформированного католицизма получившая диплом монахиня была сослана в монастырь на Филиппинах, а затем и изгнана из него в буквальном смысле за ворота на улицу. Родители Инес Айау помогли дочери вернуться в Гватемалу. Как бы то ни было, решение перейти в православие и построить православный монастырь изначально носило характер открытия новой духовности для себя и стремления возрождения подлинного духа христианства у других.

Естественно, что, преклоняясь перед Серафимом Саровским, Инес Айау с самого начала предполагала войти в Московский патриархат, куда было направлено письмо с просьбой о принятии – но ответа на него она так и не получила. Однако монахиню, уже начавшую искать деньги на строительство монастыря, это молчание не остановило. Оценив реальную ситуацию, она в 1993 г. обратилась с той же просьбой к Антонио Чедрауи (1932–2017) – митрополиту Антиохийской православной церкви Мексики, Венесуэлы, Карибского бассейна и всей Центральной Америки. Тот сразу же ее поддержал, обеспечив легальный статус. Надо заметить, что ливанец Антонио Чедрауи был дальновидным церковным деятелем и политиком. Получив мексиканское гражданство лишь в 1994 г., он, будучи православным духовным лицом, сумел стать в этой католической стране одним из влиятельнейших людей, имевшим тесные связи с руководством всех конфессий и крупнейшими политиками страны, вплоть до сменявшихся президентов. На приемах по случаю дня рождения митрополита Чедрауи собирались до трех тысяч приглашенных из числа наиболее значимых политиков, предпринимателей, деятелей науки и культуры. Именно во время этих приемов решались очень многие, в том числе международные, вопросы. Таким образом,

⁸ Менделеева Д. Игуменья Инес Айау Гарсия: «В мире так много дел для монахини!». URL: <https://www.pravmir.ru/igumenya-ines-ayau-garsia1/> (дата обращения 19.07.2025).

в 1993 г. митрополит Чедрауи узаконил позицию монахини Инес Айау в Антиохийском патриархате, сразу оговорив при этом, что финансово помогать ей не будет, но и от нее тоже не ждет никаких пожертвований. А в мае следующего года матушка Инес Айау официально стала игуменьей православного монастыря, отстраивавшегося с 1992 г. на пожертвованных для этого землях⁹.

В августе 1994 г. в здании одной из католических церквей столицы была проведена первая православная литургия в Гватемале. Последствия не заставили себя ждать. На следующий год Инес Айау и сопровождавшая ее и тоже принявшая православие монахиня филиппинка Мария Амистосо были официально отлучены от причастия римско-католической церковью и обвинены в ереси, а монастырь Лавра Мамбре объявлен вне закона. Распоряжение об этом было вывешено во всех католических храмах страны¹⁰.

Но это только укрепило решимость Инес Айау легализовать православную церковь. С точки зрения закона она смогла это сделать, будучи, по сути, единственным в Гватемале человеком, имевшим юридическое право на регистрацию религиозного объединения. Это право ей давал тот самый университетский «диплом с отличием» по специальности «теология». Важно отметить, что под теологией подразумевалась только официальная на этот момент римско-католическая направленность и никакая другая. Согласно ст. 37 Конституции¹¹ и соответствующим подзаконным актам Гватемалы, только подобный, полученный в Гватемале диплом позволяет гражданину страны стать учредителем церкви в качестве юридического лица, но церковь должна быть «католической». Церкви *не католические* в стране зарегистрированы быть не могут. Таким образом, используя формальные конституционные рамки, стало возможным 2 декабря 1995 г. юридически оформить *Апостольскую Католическую Антиохийскую Церковь Гватемалы*. Документ был подписан прибывшим из Мексики митрополитом Антонио Чедрауи. Кроме того, свои подписи поставили двадцать пять учредителей, граждан Гватемалы.

⁹ ПМА-2016. Полевые материалы автора. Аудиозапись беседы с игуменьей Инес Айау Гарсиа. 03.07.2016. Свято-Троицкий монастырь, Гватемала.

¹⁰ ПМА-2024. Полевые материалы автора. Аудиозапись беседы с Игуменьей Инес Айау Гарсиа. 25.03.2024. Свято-Троицкий монастырь, Гватемала. Архивный документ Игуменья-34.

¹¹ Constitución de la Republica de Guatemala // Justia Guatemala. URL: <https://guatemala.justia.com/nacionales/constitucion-de-la-republica-de-guatemala/> (дата обращения 03.09.2025).

малы, как того требовал закон страны¹². Из этих 25 большинство представляли родственники и друзья матушки Инес – и это не противоречило законодательству.

Следует заметить, что, регистрируя православную епархию, Инес Айау впервые в истории Латинской Америки отталкивалась не от этнического принципа, что, впрочем, не помешало арабской диаспоре начать считать эту церковь «своей».

В январе 1996 г. правительство страны передало только что созданной православной церкви комплекс зданий в центре столицы под открытие приюта для детей-сирот. Сам комплекс приюта был создан еще в 1857 г. прпрападушкой игумены доном Рафаэлем Айау, однако после страшного землетрясения 1976 г. превратился в квартал руин, пристанище бомжей и маргиналов. Таким образом, три монахини под руководством игумены Инес строили монастырь и одновременно восстанавливали огромный комплекс приюта, в который сразу же стали поступать дети младшего возраста.

В 1997 г. на территории приюта была введена в строй церковь, получившая при освящении имя церкви Преображения Господня. Она-то и стала первой приходской православной церковью в Гватемале, которая собирала всех православных прихожан.

Знаковым событием в становлении православия в Гватемале стало освящение Свято-Троицкой церкви на территории монастыря – Лавры Мамбре. Ее строительство началось в 2002 г. и завершилось в 2007-м. Белая снаружи церковь была воздвигнута по классическим древнерусским образцам. Внутри от пола до купола храм покрыт росписями на библейские сюжеты и фигурами святых. Под ними, в качестве особого элемента по всему контуру стен, проходит полоса со словом «святой/святая» на языках мира, включая и языки местных индейцев майя. Тонкие пастельные цвета, использовавшиеся в росписи, подбирали русские иконописцы – и это сразу отличает православный храм от доминирующего грубого яркого колорита прочих гватемальских церквей всех толков, раскрашенных в местной стилистике. Каждый элемент – от утвари до колоколов – отличает высокое качество. Многими признается, что Свято-Троицкий храм стал самой красивой церковью Гватемалы. И, с учетом состояния полуразвалившихся римско-католических храмов и «гаражных» протестантских церквей, этот факт продолжает играть неожиданно большую роль для создания образа православия в этой стране и даже за рубежом. Стоит отметить, что на

¹² La ortodoxia en Guatemala y el Monasterio Ortodoxo Lavra Mambré // Historia. URL: <https://www.monasteriosantatrinidad.com/historia> (дата обращения 05.09.2025).

освящении Свято-Троицкого храма уже были представители РПЦ. После этого, посетив в 2004 г. Россию, игуменья была с большой теплотой принята патриархом Алексием.

Проблемы с сиротами

В 2008 г. на территории монастыря началось строительство двух новых зданий приюта для сирот общей площадью 4500 кв. м. В 2013 г. строительство завершилось. Строительство и содержание детей обеспечивали зарубежные православные организации. Однако уже в 2015 г. правительство Гватемалы под давлением UNICEF начало закрывать все частные приюты, насилием размещая детей в так называемых «безопасных приютах» на балансе государства. И в тот же год в одном из них заживо сгорели более сорока девочек¹³. Виновные так и не были наказаны¹⁴. Исследования, проведенные в рамках сотрудничества с университетом Сан-Карлос Гватемалы в 2015–2016 гг. Д.А. Хивиновой, показали, что в стране именно структуры, связанные с UNICEF, вели нелегальную торговлю детьми [Jivinova 2017]. Закрытие частных приютов облегчило задачу криминальному бизнесу. После гибели девочек в государственном приюте православная церковь выступила с требованиями защиты сирот. Игуменья Инес собрала многотысячную демонстрацию с обращением к Конгрессу. В результате сама ситуация и выступление в Конгрессе стали мощным позитивным имиджевым фактором для православной церкви Гватемалы. Хотя эти события спровоцировали надуманные судебные разбирательства против игуменьи Инес Айау, вплоть до угрозы ареста.

За период существования приюта «Рафаэль Айау» в нем были крещены и приняли православие более тысячи детей. Примерно половина из них были отданы в усыновление в православные семьи за рубеж. Другие в той или иной степени поддерживают связи с православием, посещая приходскую церковь в столице. Некоторые обращаются в монастырь с просьбой крестить уже своих детей.

¹³ *Escaffi Ya. Hace 7 meses: 41 niñas quemadas vivas en Guatemala.* URL: <https://clavedegenero.wordpress.com/2017/10/09/hace-7-meses-41-ninas-quemadas-vivas-en-guatemala/> (дата обращения 21.07.2024).

¹⁴ *Bayoud A. Seis años después, no hay Justicia para las niñas quemadas en el centro Hogar Seguro de Guatemala.* URL: <https://www.france24.com/es/américa-latina/20230308-seis-años-después-no-hay-justicia-para-las-niñas-quemadas-en-el-centro-hogar-seguro-de-guatemala> (дата обращения 21.07.2024).

Просветительская деятельность

Важнейшим проектом для игуменьи Инес Айау является созданный ею в 2013 г. университет, который она назвала именем своих родителей – Университет Ольги и Мануэля Айау Кордон (UOMAC)¹⁵. Ею была разработана уникальная концепция бесплатного преподавания онлайн с использованием электронных учебников, которые можно скачивать, что обеспечивает доступность образования для любого гражданина Гватемалы и мира, даже с минимальными ресурсами. Курсы заказываются лучшим специалистам из разных стран, и в первую очередь преподавателям РГГУ, и публикуются онлайн. Электронными учебниками активно пользуются по всему миру, что подтверждает ведущаяся статистика.

Игуменья Инес Айау всегда видела свою задачу не только в распространении православия, но и знания о православии. Поэтому монастырь с первых дней начал переводить на испанский язык наиболее важные тексты: литургию, акафисты, катехизис, молитвенники, жития важных святых, Евангелия, каноны. И это лучшие версии православных текстов на испанском языке в мире. Некоторые книги в рамках образовательного курса заказываются известным в мире специалистам в православии, как, например, «История патриархатов» под авторством М.В. Каила¹⁶. Публикуются переводы наиболее значимых христианских авторов, в первую очередь Игнатия Брянчанинова. Все тексты выкладываются в открытом доступе на сайте монастыря в разделе публикаций.

Игуменья сама переводит не только литургические тексты, но и делает аранжировку распевов. Унаследовав абсолютный слух и голос от прабабушки – певицы Ла Скала и прадедушки – дирижера национального оркестра, она адаптирует русские распевы, как, например, «Херувимскую» в Старо-Симоновском варианте.

Важным направлением стала библеистика – изучение основных христианских текстов. Это позволяет готовить православных священников, которых так недостает в странах Латинской Америки. А также, по мнению игуменьи, помогает бороться с невежеством «пасторов» многочисленных «христианских» церквей. Греческий

¹⁵ UOMAC (Universidad Olga y Manuel Ayau Cordón). URL: <https://uomac.net/quienessomos.html> (дата обращения 21.07.2024).

¹⁶ Kail M. Historia de los Patriarcados. URL: <https://www.dropbox.com/scl/fi/q7lu5s77r8v4igqgjk4ys/Historia-de-los-Patriarcados.pdf?rlkey=t8c2tkbenbgv9kf6rcnb547yv&e=1&dl=0> (дата обращения 21.07.2024).

митрополит в Мексике объявил о создании семинарии, в программе которой особое место займет библеистика¹⁷.

После смерти митрополита Антонио Чедрауи в 2017 г. Свято-Троицкий монастырь перешел из Антиохийского в Сербский патриархат, под руководство архимандрита Амфилохия, возглавлявшего Буэнос-Айресскую епархию до своей смерти в 2020 г. Однако по причине долгого отсутствия священников игуменья Инес с монахинями приняли непростое решение о переходе из Сербского патриархата в Константинопольский¹⁸. Выбор был определен фактом наличия в стране клира из гватемальцев, включая епископа Осиоса.

Глава МИД РФ С.В. Лавров дважды посещал приют и монастырь, встречаясь с матушкой Инес. Она была награждена Орденом Дружбы (2010), медалью Минобрнауки «За милосердие и благотворительность» (2010); является Почетным доктором гуманитарных наук Православной семинарии св. Владимира, США (2013) и Почетным доктором РГГУ (2015). Благодаря матушке Инес в Гватемале присутствуют уже три православных патриархата с более чем миллионом верующих. Остается сожалеть, что РПЦ так и не проявила к этому феномену интереса.

Литература

Ершова 1987 – Ершова Г.Г. Пути формирования концептуального синкретизма киче в XVI в. // Проблема национального самосознания и литература Латинской Америки колониальной эпохи. М.: ИМЛИ АН СССР, 1987. С. 28–34.

Ершова 2017 – Ершова Г.Г. Феномен родства в системе социальной организации древних майя. М.: РГГУ, 2017. 174 с.

Ершова 2025 – Ершова Г.Г. Римский католицизм для индейцев Гватемалы: от наследия до отторжения // Латинская Америка. 2025. № 8. С. 89–105.

Шемякин 2008 – Шемякин Я.Г. Латиноамериканская культура и синкретизм // Культурология. 2008. № 1 (44). С. 181–185.

Шемякин 2009 – Шемякин Я.Г. Латиноамериканская литература и христианство // Вестник культурологии. 2009. № 1. С. 79–91.

Шемякин 2018 – Шемякин Я.Г. Историческая реальность в культурно-антропологической перспективе: экзистенциальный предел глобализации // Перспективы. 2018. № 2 (14). С. 6–32.

¹⁷ На сайте <https://arzobispado.org/> размещена прямая ссылка на УОМАС (дата обращения 05.09.2025).

¹⁸ La ortodoxia en Guatemala y el Monasterio Ortodoxo Lavra Mambré // Historia. URL: <https://www.monasteriosantatrinidad.com/historia> (дата обращения 05.09.2025).

Griffith and Savage 2006 – Women and religion in the African diaspora: knowledge, power, and performance / ed. by R.M. Griffith, B.D. Savage. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. 374 p.

Jivinova 2017 – *Jivinova D.* Los proyectos internacionales sobre la protección de la infancia en Guatemala. Guatemala: USAC, 2018. 63 c.

Rodriguez de Ita G. 2022 – *Rodriguez de Ita G.* La Iglesia Guatimalteca en el Exilio, a través de sus documentos publicados (1980–1990) // *CariCen 31-35 Revista de Analisis y Debate sobre el Caribe y Centroamérica*. 2022 (марцо-дiciembre). P. 52–68. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/caricen31_35_06.pdf (дата обращения 25.03.2025).

Vilar Anleu 2008 – *Vilar Anleu L.* Sincretismos, cultura y Naturaleza en Guatemala // *Tradiciones de Guatemala*. Guatemala. 2008. No. 70. P. 137–214.

References

Ershova, G.G. (1987), “The ways of formation of conceptual syncretism of Quiche in the 16th century”, in *Problema natsional'nogo samosoznaniya i literatura Latinskoi Ameriki kolonial'noi epokhi* [Problem of national identity and Latin American literature of the colonial era], IMLI AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 28–34.

Ershova, G.G. (2017), *Fenomen rodstva v sisteme sotsial'noi organizatsii drevnikh maiya* [The phenomenon of kinship in the social organization system of the ancient Maya], RGGU, Moscow, Russia.

Ershova, G.G. (2025), “Roman Catholicism for the Guatemalan Indians. From invasion to rejection”, *America Latina*, no. 8, pp. 89–105.

Griffith, R.M. and Savage, B.D., eds. (2006), *Women and religion in the African diaspora: knowledge, power, and performance*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.

Jivinova, D. (2017), *Los proyectos internacionales sobre la protección de la infancia en Guatemala*, USAC, Guatemala, Guatemala.

Rodriguez de Ita, G. (2022), “La Iglesia Guatimalteca en el Exilio, a través de sus documentos publicados (1980–1990)”, *CariCen 31-35 Revista de Analisis y Debate sobre el Caribe y Centroamérica*, marzo – diciembre, pp. 52–68, available at: file:///C:/Users/User/Downloads/caricen31_35_06.pdf (Accessed 25 March 2025)

Shemyakin, Ya.G. (2008), “Latin American culture and syncretism”, *Kul'turologiya*, vol. 44, no. 1, pp. 181–185.

Shemyakin, Ya.G. (2009), “Latin American literature and Christianity”, *Vestnik kul'turologii*, no. 1, pp. 79–91.

Shemyakin, Ya.G. (2018), “Historical reality in a cultural and anthropological perspective. The existential limit of globalization”, *Perspektivy*, vol. 14, no. 2, pp. 6–32.

Vilar Anleu, L. (2008), “Sincretismos, cultura y Naturaleza en Guatemala”, *Tradiciones de Guatemala*, no. 70, pp. 137–214.

Информация об авторе

Галина Г. Ершова, доктор исторических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ga.gav@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4607-6436

Information about the author

Galina G. Ershova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ga.gav@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4607-6436

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 78:37(470)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-194-210

Формирование и деятельность Музыкального отдела Наркомпроса РСФСР в 1918–1920 гг.

Михаил А. Андреев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mixandreev@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания Музыкального отдела Наркомпроса РСФСР в 1918–1920 гг., а также его основные направления и результаты деятельности. Автор статьи выделяет в качестве одной из важнейших проблем становления новой организационной структуры отсутствие административного опыта, а также стиль руководства заведующим отделом А.С. Лурье. Организационная структура Музыкального отдела в рассматриваемый период значительно усложнилась и за счет прежде всего обслуживающего и технического персонала произошло резкое увеличение количества сотрудников Отдела в начале 1919 г.

Одним из важнейших направлений деятельности Музыкального отдела являлось построение системы музыкального образования в стране. Другими значимыми направлениями деятельности Музыкального отдела в указанный период стали налаживание учета и контроля за музыкальными инструментами, нотными издательствами и нотопечатнями, заводами и мастерскими по производству музыкальной продукции, организация внешкольной и просветительской работы в области приобщения граждан Советской республики к достижениям музыки.

Общие результаты деятельности Музыкального отдела Наркомпроса РСФСР, равно как и отчет комиссии Рабоче-Крестьянской инспекции о его деятельности за указанный период, свидетельствуют о низкой эффективности его работы. Музыкальный отдел в сложных условиях Гражданской войны, разрухи, полуголодной городской жизни так и не смог стать авторитетным культурно-музыкальным центром, руководящим всей музыкальной жизнью Советской республики, и выполнить поставленные перед ним задачи.

© Андреев М.А., 2025

Ключевые слова: музыка, Наркомпрос РСФСР, Музыкальный отдел, организационная структура, деятельность, музыкальное образование, государственное музыкальное строительство

Для цитирования: Андреев М.А. Формирование и деятельность Музыкального отдела Наркомпроса РСФСР в 1918–1920 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 194–210. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-194-210

How the Music Department of the RSFSR People's Commissariat of Education developed and operated (1918–1920)

Mikhail A. Andreev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, mixandreev@yandex.ru*

Abstract. The article considers the process of creating the Music Department of the People's Commissariat of Education of the RSFSR in 1918–1920, as well as its main directions and results of activity. The author of the article highlights the lack of administrative experience and the leadership style of the head of A.S. Lurie, the Department head, as one of the most significant concerns in the establishment of a new organizational structure.

Within the period under review the organizational structure of the Music Department became much more complicated and, above all, due to the servicing and technical staff, there was a sharp increase in the number of Department employees at the beginning of 1919.

One of the most important activities of the Music Department was aimed at building a music education system in the country. Other significant areas of activity for the Music Department during that period included establishing accounting and control over musical instruments, music publishing houses and note-printeries, factories and workshops for the production of musical ware, extracurricular and educational work in the field of introducing citizens of the Soviet Republic to the achievements of music.

However, the overall results of the activities of the Music Department of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, as well as the report of the commission of the Workers' and Peasants' Inspection on its activities for the specified period, indicate the low efficiency of its work. Under the conditions of the Civil War, devastation, and half-starved urban life, the Music Department failed to become an authoritative cultural and musical center that guides musical life of the Soviet Republic and fulfill its tasks.

Keywords: music, People's Commissariat of Education of the RSFSR, Music Department, organizational structure, activity, music education, state musical construction

For citation: Andreev, M.A. (2025), "How the Music Department of the RSFSR People's Commissariat of Education developed and operated (1918–1920)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 194–210, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-194-210

Введение

Деятельность Наркомпроса РСФСР в первые годы становления Советского государства являлась и до сих пор является одной из востребованных тем в отечественной историографии. Отметим публикации Е.М. Балашова [Балашов 2003], М.Б. Кейрим-Маркус [Кейрим-Маркус 1980], Т.М. Кернаценской [Кернаценская 1965], М.П. Кима [Ким 1957], Т.Ю. Красовицкой [Красовицкая 2002], Н.Н. Смирнова [Смирнов 1994] и других авторов, в которых с разных сторон изучалась структура, деятельность, кадровый состав Наркомпроса РСФСР. Другой вопрос – это формирование и деятельность Музыкального отдела Наркомпроса РСФСР (далее – МУЗО) как отдельная научная тема, которая вплоть до начала XXI в. практически не попадала в поле зрения научных исследований.

При этом важно отметить, что изучение МУЗО и его деятельности находится на стыке сразу нескольких наук – истории, музикования, истории искусства. Именно поэтому авторы рассматривали данную тему с разных ракурсов и точек зрения. В особенности данная тема интересовала музыковедов и историков музыки. К таким можно отнести Ю.В. Федотову (Страхову), подготовившую несколько интересных статей и защитившую кандидатскую на тему «Становление и развитие концертно-филармонических организаций на Урале в 1917–1970-е гг.» [Страхова 2005; Федотова 2013; Федотова 2016]. Также к этой группе можно отнести диссертации и публикации А.О. Аракеловой [Аракелова 2012а; Аракелова 2012б], Е.С. Власовой [Власова 2010], Л.Л. Мельниковой [Мельникова 2009], Л.В. Толмацкой [Толмацкая 2002] и других.

В своих работах указанные выше авторы указывают ряд законодательных актов МУЗО Наркомпроса РСФСР в 1918–1920-х гг., акцентируя внимание на фигуре руководителя МУЗО А.С. Лурье и на отдельных проектах в области музыкального образования и культурно-просветительной деятельности. Для большинства исследователей данный сложный и неоднозначный период (1918–

1920 гг.) становится своеобразным прологом перед полномасштабной реализацией советской культурной политики и идеологии сталинской эпохи. Именно поэтому авторы делают больший акцент в исследованиях на деятельности различных органов государственного управления музыкой с середины 1920-х гг. до конца 1930-х гг., когда более очевидными становятся результаты внедрения новой концепции музыкального образования в стране.

Образование МУЗО Наркомпроса РСФСР и его Положение

В современной историографии образование Музыкального отдела Наркомпроса РСФСР связывают с июлем 1918 г. Причем одни авторы указывают в качестве даты основания 1 июля, обращаясь к завершению деятельности Музыкального совета Государственной комиссии по просвещению РСФСР и преобразованию его в указанный отдел [Воробьев], другие авторы связывают начало работы МУЗО с первым возможным результатом его деятельности – декретом от 12 июля 1918 г. «О переходе Петроградской и Московской и консерваторий в ведение Народного Комиссариата Просвещения» [Власова 2010, с. 56].

С точки зрения автора статьи точную дату основания определить затруднительно, так как процесс формирования МУЗО мог быть и многоэтапным. Кроме того, у автора статьи есть предположение, что основной причиной образования МУЗО стало утверждение в должности его руководителя А.С. Лурье, а также формирование вокруг последнего небольшого аппарата управления и группы единомышленников.

Также сложно датировать и появление первого организационно-распорядительного документа, на основании которого МУЗО стал работать и взаимодействовать с другими государственными органами и их структурными подразделениями. В историографии выделяют в качестве таковых документов как Положение о МУЗО Наркомпроса РСФСР [Воробьев], так и его Декларацию [Власова 2010, с. 56–58]. Однако содержательно именно Положение о МУЗО стало тем документом, который не только регламентировал его работу, но и использовался при взаимодействии с другими государственными органами, например, именно на него ссылались сотрудники МУЗО Наркомпроса РСФСР при конфликтных ситуациях с местными учреждениями¹.

¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 25. Д. 3. Л. 83.

Содержащийся в архивных документах фонда А-2306 ГА РФ проект Положения о МУЗО приведен без даты и подписей наркома просвещения А.В. Луначарского и заведующего А.С. Лурье². На проекте присутствует лишь подписью секретаря с печатью и заверением подписи³. Судя по составу и содержанию всего комплекта документов, входящих в 6 дело, проект Положения о МУЗО следует датировать февралем 1919 г. Только тогда, спустя полгода после начала своей работы, МУЗО Наркомпроса РСФСР и его руководителю потребовался документ, который бы регламентировал его работу.

Содержание данного проекта Положения о МУЗО включало в себя также и ряд дополнений: Регламент внутренней организации отделений на местах, а также схему деятельности и административного устройства Музыкального отдела⁴. Краткое изложение Положения о МУЗО было опубликовано в качестве новости в «Вестнике театра» № 30 за 1919 г. (3–8 июня)⁵. В новости сообщалось, что «...согласно этому положению, музыкальный отдел Н.К.П. является единственным центральным органом, объединяющим, руководящим, контролирующим и управляющим всей музыкальной жизнью Советской Республики». Кроме того, были выделены основные функции МУЗО, включая разработку программ, установление компетенций и направление деятельности всех организаций и учреждений, «насаждающих музыкальное искусство во всех его видах», «обследование всех музыкально-просветительных учреждений и начинаний в стране, подготовка работников по музыкальному просвещению, посылка инструкторов на места, издание руководств и пособий по вопросам музыкального просвещения, поддержание и создание государственных, общественных и частных учреждений, насаждающих музыку...», а также организация съездов и конференций общероссийского и местного значения⁶.

Вслед за этим была указана организационная структура центрального аппарата МУЗО, которая включала в себя 7 подотделов: административный, специального образования, общего образования, академический, издательский, концертный и производственно-распределительный. Кроме того, была подробно представлена

² Там же. Д. 6. Л. 35.

³ Подпись неразборчива, можно предположить, что это секретарь А.А. Крейн. – *M. A.*

⁴ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 25. Д. 6. Л. 38–40.

⁵ Вестник театра. 1919. № 30. С. 7.

⁶ Там же.

структурой местных органов МУЗО Наркомпроса РСФСР: вся территория страны делилась на 6 музыкальных округов (Московский, Петроградский, Витебский, Нижегородский, Саратовский и Тамбовский), во главе каждого из которых стояло окружное музыкальное отделение во главе с коллегий. В каждом губернском городе должен был действовать эмиссар МУЗО, который должен работать совместно с губернской коллегией. В уездных городах должны были действовать заведующие местными отделами государственного музыкального университета⁷.

Отмеченная чуть выше Декларация МУЗО Наркомпроса РСФСР, подготовленная и утвержденная заведующим А.С. Лурье и членами коллегии в марте 1919 г., носила не столько практический, сколько концептуально-художественный характер. В ней не были указаны конкретные направления деятельности, а именно декларировались художественные и новые эстетические принципы музыкального просвещения и, в первую очередь, необходимость широкомасштабной внешкольной работы по распространению достижений музыки в стране [Власова 2010, с. 56–58]. В качестве примера приведем небольшую цитату: «...В плоскости зримой действительности Музыкальный Отдел ОСУЩЕСТВЛЯЕТ в плане государственного строительства музыкальной культуры основы полного приобщения народных масс, статически таящих в глубинах своих дух музыки, к активному самовыявлению, вооружая их знанием и опытом» [Власова 2010, с. 58].

В связи с этим можно рассматривать данную Декларацию не как конкретную программу государственного музыкального строительства, а именно как декларацию, объявление, призыв к сотрудничеству для всех, кто придерживается близких идеально-художественных взглядов относительно музыки и музыкального образования в стране.

Формирование организационной структуры МУЗО и подбор кадров

Формирование организационной структуры МУЗО в указанный период столкнулось с множеством трудностей и препятствий. Однако с точки зрения автора статьи одной из главных трудностей стал административный дилетантизм пришедшего к власти руководства, отсутствие у него опыта управления коллективами, государственными органами. Попросту говоря – непонимание того, как

⁷ Там же.

формировать государственные органы, как принимать решения, как готовить документы и как контролировать их исполнение. Этот опыт накапливается годами, десятилетиями и даже столетиями, а большевикам и сочувствующим им пришлось осваивать эту науку блицкригом в условиях нарастающей Гражданской войны, при дефиците товаров, дров для обогрева помещений, голоде, распространении в городах болезней⁸.

Достаточно спорной и крайне противоречивой оказалась и фигура первого руководителя МУЗО Наркомпроса РСФСР – А.С. Лурье. Если обратиться к его предшествующей биографии, то мы можем выделить, что А.С. Лурье ранее нигде не служил, не был знаком ни с одной управленческой системой, а по сути, являясь музыкальным деятелем, композитором-новатором, он вел салонный образ жизни, подрабатывая разными заработками, связанными с исполнением музыки и сочинительством [Нестьев 1991, с. 76–78]. С учетом всего вышесказанного очень сложно назвать А.С. Лурье наиболее подходящим кандидатом для цели государственного музыкального строительства в РСФСР и руководства отделом Наркомпроса РСФСР. Скорее всего решающим фактором в этом назначении стало личное знакомство А.С. Лурье с народным комиссаром по просвещению А.В. Луначарским.

С учетом всего вышесказанного не случайным кажется и тот факт, что новый руководитель МУЗО использовал дореволюционные схемы и сформировал фактически при своей должности (а номинально – при Коллегии отдела) Управление делами и Юрисконсультскую часть, которые помогали ему контролировать все подотделы и руководить, можно сказать, единолично⁹.

Также интересным представляется и тот факт, что в МУЗО вплоть до середины 1920 года фактически не был наложен коллегиальный принцип управления. Фактически Коллегия МУЗО в 1919–1920 гг. не собиралась регулярно, в повестку дня включались как важные, так и второстепенные вопросы¹⁰. Если приводить более точные цифры, то, например, с 1 января 1920 г. по 15 июня 1920 г., т. е. почти за 6 месяцев деятельности МУЗО было проведено только 4 заседания ее Коллегии¹¹. С ведущими сотрудниками своих подотделов А.С. Лурье периодически конфликтовал,

⁸ Луначарский А.В. Как мы заняли Министерство народного просвещения // Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 184.

⁹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 25. Д. 6. Л. 46 об.

¹⁰ Там же. Д. 106, 107, 109, 110.

¹¹ Там же. Д. 292. Л. 6.

не давая им возможность проводить собственные инициативы и реализовывать их через общую коллегию МУЗО. Сложные и даже конфликтные взаимоотношения сложились к концу данного периода в важнейшем для МУЗО подотделе – Подотделе общего музыкального образования, что привело к последующему выходу из состава подотдела целого коллектива сотрудников во главе с известным музыкальным деятелем Н.Я. Брюсовой¹².

Сам же А.С. Лурье объяснял сложившийся в МУЗО принцип управления достаточно просто: «При Отделе нет коллегиального управления им. Вся власть, как по определению сотрудников на должности, так и по назначению их содержания сосредоточена в руках Заведующего Отделом»¹³.

В дополнение к вышесказанному отметим, что формирование организационной структуры и подбор кадров в МУЗО не проходили гладко и столкнулись с рядом сложностей. Для заполнения центрального аппарата МУЗО и его 7 подотделов требовались сотрудники, но их недоставало и в самом Наркомпросе РСФСР. В этой связи сотрудники МУЗО регулярно обращались с просьбами в Управление делами Наркомпроса РСФСР подобрать соответствующих работников, прежде всего обслуживающего и технического персонала, например, машинисток¹⁴. Рост кадрового состава МУЗО происходил постепенно. Так, в ведомости МУЗО на декабрь 1918 г. из 98 вакансий числится закрытыми лишь 58, т. е. 59% сотрудников. Причем рядом с пятью фамилиями, дописанными ручкой, а не отпечатанными на машинке, указан вопросительный знак, что скорее всего подтверждает сомнения в возможности трудоустройства данных сотрудников в МУЗО¹⁵.

К февралю 1919 г. организационная структура МУЗО Наркомпроса РСФСР уже существенно изменилась и включала в себя 12 подотделов: административный, финансовый, редакционно-информационно-статистический (из 6 подразделений), хозяйственный, концертный, общего музыкального образования, специального музыкального образования, библиотечный, государственного музыкального издательства, академический, иногородний, производственно-распределительный¹⁶.

Таким образом, по сравнению концом 1918 г. в структуре МУЗО появились сразу 5 подотделов: иногородний, библиотечный, хозяйствен-

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 6. Л. 33.

¹⁴ Там же. Л. 60–65. Д. 75. Л. 1–3 об.

¹⁵ Там же. Л. 2 об. – 15.

¹⁶ Там же. Л. 50–53.

ственний, финансовый, редакционно-информационно-статистический, а издательский подотдел был преобразован в подотдел государственного музыкального издательства. Здесь же следует добавить, что не только названия, но и функционал вновь созданных подотделов в большей степени отвечал не за основную деятельность отдела (музыкальное образование и просвещение), а скорее за обеспечивающие функции (финансирование, хозяйственное обеспечение, статистический учет и контроль и т. п.).

Что же касается кадрового состава, то к февралю 1919 г. в соответствии со списком сотрудников Отдела числился уже внушиительная цифра в 183 человека¹⁷. Тем не менее резкий рост количества сотрудников скорее всего был вызван желанием большой массы горожан трудоустроиться и получить хоть какую-либо сносную работу, паек, питание и дрова в это сложное время. Именно поэтому в МУЗО преимущественно поступали на должности бухгалтеров, делопроизводителей, машинисток и заведующими различными хозяйственными объектами, тогда как специалистов с музыкальным образованием и музыкальных педагогов поступало в разы меньше¹⁸.

Из уже указанной цифры в 183 сотрудника только на финансовый, хозяйственный и производственно-распределительный отделы приходилось не менее 63 сотрудников, т. е. $\frac{1}{3}$ всех сотрудников МУЗО. Для сравнения можно привести сведения, что в подотделе специального музыкального образования числилось всего 7 сотрудников, а в подотделе основного музыкального образования числилось лишь 19 сотрудников. Итого на два важнейших подотдела МУЗО приходилось всего 26 сотрудников (14% от общего состава МУЗО)¹⁹.

Основные направления деятельности МУЗО

Традиционно в историографии основной акцент в деятельности МУЗО Наркомпроса РСФСР в 1918–1920 гг. отводился анализу построения системы музыкального образования в Советской республике [Аракелова 2012б; Мельникова 2009; Толмацкая 2002]. Однако это далеко не единственное из направлений деятельности данной структуры. В качестве примера классификации направлений деятельности МУЗО можно выделить интересную структуру

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 16, 18, 21.

¹⁹ Там же. Л. 50–53.

содержания «Сборника декретов, постановлений и распоряжений по Музыкальному отделу Народного комиссариата по просвещению. Выпуск 1», включившую следующие разделы: «Обще-административные мероприятия», «Учебное дело», «Учет и регистрация», «Музыкальная промышленность и торговля» и «Музыкальное издательство и авторские права»²⁰.

Следует сразу отметить, что представленная структура содержания сборника лишь группирует те разнообразные законодательные акты, объявления, инструкции, положения и другие виды документов, собранные в конкретном сборнике, однако на основании этой публикационной и информационной деятельности СНК РСФСР, Наркомпроса и МУЗО в области управления музыкой можно сделать несколько выводов.

Построение системы музыкального образования или «Учебное дело» было одним из стержневых, фундаментальных задач в сфере управления музыкальной жизнью всей страны, и в зависимости от данного направления деятельности появлялись и формировались остальные направления деятельности.

Для построения системы музыкального образования в стране необходимо было наладить учет, организовать контроль за всеми музыкальными учреждениями в стране, за музыкальными инструментами, за оборудованием, связанным с музыкой, за нотными библиотеками, нотопечатнями, за заводами и мастерскими, производящими музыкальные инструменты и музыкальное оборудование, получить права на использование музыкальных произведений. Одним словом, вторым важнейшим направлением стало формирование и управление музыкальным достоянием Советской республики в широком смысле этого слова.

Третьим направлением деятельности, связанным с вышеперечисленными, является формирование системы музыкального просвещения в стране, что предполагало не только формирование разнообразной системы внешкольной просветительной музыкальной деятельности, открытие музыкальных кружков, студий, секций, хоров, но и контроль за любыми музыкальными мероприятиями в стране, использование музыки с целью пропаганды Советского государства преимущественно в дни торжеств и праздников. Наконец, одной из важнейших задач в рамках данного направления деятельности стало преодоление музыкального элитаризма (господства бывших правящих классов в области музыки) и воз-

²⁰ Сборник декретов, постановлений и распоряжений по Музыкальному отделу Народного комиссариата по просвещению. Вып. 1. Пг., 1919. 74 с.

можность распространения достижений музыкального искусства среди широких трудовых масс.

Представленная классификация основных направлений деятельности МУЗО Наркомпроса РСФСР в 1918–1920 гг. является исключительно авторской разработкой, так как основные законодательные и программные документы МУЗО не позволяют сформировать комплексную программу преобразований в этом направлении. Автор также хотел бы воспользоваться термином, использованным А.О. Аракеловой в докторской диссертации и как раз посвященный деятельности МУЗО в указанный период – «Государственное музыкальное строительство» [Аракелова 2012а, с. 18–19]. Именно государственным музыкальном строительством и занимались сотрудники МУЗО в рассматриваемый период времени.

Трудности и результаты деятельности МУЗО

Анализ результатов деятельности МУЗО Наркомпроса РСФСР в 1918–1920 гг. представляется автору статьи достаточно сложным ввиду того, что само по себе выполнение указанных выше масштабных планов преобразования музыкальной жизни всей страны осуществлялось в крайне сложный для страны период. Более того, архивные документы описи 25 фонда А-2306 ГА РФ (МУЗО Наркомпроса РСФСР) позволяют говорить о том, что именно хозяйственная деятельность Отдела, связанная с устройством людей на работу и предоставлением удостоверений, выдачей им дополнительного жалованья или продовольственного пайка, освобождением их от реквизиции имущества и выселения из квартир²¹, перевода в другое учреждение – все это отнимало не только огромное время, трудозатраты на оформление и подписание этих документов, но и для многих сотрудников становилось важнейшим условием трудоустройства в МУЗО Наркомпроса РСФСР, а иногда даже средством выживания в этих непростых условиях становления нового Советского государства.

В качестве примера можно привести заявление заведующего столом личного состава МУЗО Н.Н. Флагге, которое можно рассматривать практически как «крик души» усталого, но ответственного сотрудника:

Вследствие расширения деятельности Музыкального отдела и увеличения количества сотрудников, стол личного состава обременен

²¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 25. Д. 75. Л. 1–7.

работой, которая вся выполняется исключительной мною. Я веду все делопроизводство Стола и всю переписку, касающуюся сотрудников, составляю списки и анкеты во множестве экземпляров, даю справки и кроме того исполняю все срочные поручения (как, например, опечатывание музыкальных и нотных магазинов); бумаги приходится брать на дом и работать до позднего времени, поэтому прошу повысить мой оклад до делопроизводителя I-го разряда, с оставлением в прежней должности. Мой брат призван в Красную Армию и теперь я обязан содержать на свое жалованье старушку мать и больную сестру²².

Тем не менее приходится констатировать тот факт, что большая часть из задуманных масштабных планов и мероприятий МУЗО Наркомпроса РСФСР, по сути, остались лишь на бумаге. Одной из основных проблем стало то, что центральный аппарат МУЗО в 1918–1920 гг. не смог наладить управление собственными же местными подразделениями: музыкальными отделениями в музыкальных округах, а также системой эмиссаров МУЗО в губернских городах. Из центра практически не поступали указания, четкие программы и планы деятельности, не произведено было распределение и снабжение музыкальными инструментами, нотами, учебными пособиями местных музыкальных учреждений, включенных в музыкальные округа, ни производилась планомерная их закупка.

В результате отсутствие достаточной коммуникации между центром и местными отделениями сказалось на качестве и масштабе проводимых реформ. Получались и реализовывались лишь отдельными местные инициативы, не было идейного и художественного единства в проводимых мероприятиях. Да и сами реформы фактически не могли быть реализованы ввиду отсутствия достаточного количества музыкальных инструментов, исполнителей, музыкальных педагогов, учебных пособий, а также подходящих для занятий музыкой помещений.

Наглядно все эти проблемы раскрылись в ходе прошедшего в апреле 1920 г. в Москве Съезда представителей окружных музыкальных отделений, в ходе которого неоднократно «раздавались жалобы и протесты по поводу недостаточной связи округов с центром, по поводу отсутствия единообразных программ деятельности, по поводу отсутствия учебных пособий и литературы, по поводу неполучения из центра нотных материалов и музыкальных инструментов»²³.

²² Там же. Д. 6. Л. 17.

²³ Там же. Д. 292. Л. 2.

Заключение

В качестве заключения к данной статье автор хотел бы привести отдельные выводы из докладной записки о музыкальном деле в стране, подписанной заместителем наркома Рабоче-Крестьянской инспекции В.А. Аванесовым. По сути, члены Рабоче-Крестьянской инспекции в сентябре-октябре 1920 г. провели масштабную проверку деятельности МУЗО Наркомпроса РСФСР за двухлетний период и выявили целый ряд недостатков. Основная критика сводилась к следующему:

«1. Отсутствие единой и цельной всероссийской организации. Отсутствие руководства музыкальной деятельностью на местах, неимение плана, инструкций по вопросам художественной, агитационной и производственной деятельности.

2. Глубокое забвение о революционном характере момента и далекость от рабочих масс во всех областях работы, выражющееся в отсутствии популярных концертов, широких агитационных выступлений, революционных конкурсов, рабочих студий и т. д.

3. Бюрократизм в реформе музыкального образования и бездеятельность комиссии по реформе музыкального образования.

4. Абсолютное отсутствие организационной инициативы и авторитета действительно культурно-музыкального центра страны, следствием чего является существование ряда параллельных музыкальных органов в других ведомствах.

5. Бессистемная издательская деятельность, руководимая далеко не объективными потребностями (автором изданий в наибольшем количестве произведений является заведующий МУЗО А.С. Лурье).

6. Отсутствие мер к улучшению и восстановлению музыкальной промышленности. Полная бессистемность в проведении национализации музыкальной торговли.

7. Отсутствие плановой разверстки запасов, нотных изданий и музыкальных инструментов»²⁴.

В качестве организационных выводов руководством Рабоче-Крестьянской инспекции предлагались следующие неотложные меры по налаживанию деятельности МУЗО:

- «а) предложить МУЗО выработать общий программный план всей деятельности и инструкции для всех п/отделов;
- б) предложить МУЗО особенное внимание обратить на его художественную и агитационно-просветительную деятельность;

²⁴ Там же. Л. 5 об. – 6.

- в) ускорить работы Комиссии по реформе музыкального образования в России и вести эти работы в строгом соответствии с основными требованиями революционного момента и с культурными интересами трудящихся масс;
- г) усилить издательскую деятельность МУЗО, обратив особое внимание на выпуск учебной и агитационной музыкальной литературы и приняв все меры к восстановлению работы нотопечатен в максимальном размере;
- д) выработать и провести в жизнь план деятельности МУЗО в области учета и ревизии производства и упорядочивания распределения музыкальных инструментов;
- е) немедленно отстранить заведующего МУЗО А.С. Лурье от занимаемой им должности и восстановить правильную деятельность Коллегии МУЗО»²⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что МУЗО Наркомпроса РСФСР, несмотря на декларирование масштабных планов по реформированию музыкальной жизни всей страны и построению системы музыкального образования, фактически за два года не справился с поставленными задачами, не смог наладить взаимодействие с местными подразделениями, сформировать четкую программу реформ и эффективно ее реализовать. Выводы и критика комиссии Рабоче-Крестьянской инспекции, оценившей деятельность МУЗО осенью 1920 г., стали прологом перед последующими организационными и кадровыми преобразованиями данной структуры, включая и смену ее руководства в 1921 г.

Литература

Аракелова 2012а – *Аракелова А.О. Отечественное образование в области музыкального искусства: исторический опыт, проблемы и пути развития: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения*. Магнитогорск, 2012. 49 с.

Аракелова 2012б – *Аракелова А.О. Профессиональное музыкальное образование в период становления (1918–1930-е гг.)* // Мир науки, культуры и образования. 2012. № 2. С. 312–315.

Балашов 2003 – *Балашов Е.М. Школа в российском обществе: 1917–1927 гг.: Ставновление «нового человека»*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 236 с.

Власова 2010 – *Власова Е.С. Агитационный путь развития искусства: Первые большевистские музыкальные организации* // *Opera musicologica*. 2010. № 1. С. 54–72.

²⁵ Там же. Л. 6 об.

Воробьева – *Воробьева М.З.* Музыковеды-этнографы 1920-х годов на рисунках Якова Богатенко. URL: <https://music-museum.ru/about/publications/stativorobeva-m.z/muzyikalno-etnograficheskaya-komissiya-na-perelome-epoch.-po-materialam-rossijskogo-nacionalnogo-muzeya-muzyiki.html> (дата обращения 12.05.2025).

Кейрим-Маркус 1980 – *Кейрим-Маркус М.Б.* Государственное руководство культурой: Строительство Наркомпроса: ноябрь 1917 г. – середина 1918 г. М.: Наука, 1980. 198 с.

Кернаценская 1965 – *Кернаценская Т.М.* К истории образования Народного Комиссариата просвещения РСФСР и управления высшей школой: октябрь 1917 г. – август 1918 г. // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 19. С. 93–123.

Ким 1957 – *Ким М.П.* 40 лет советской культуры. М.: Госполитиздат, 1957. 338 с.

Красовицкая 2002 – *Красовицкая Т.Ю.* Российское образование между реформаторством и революционизмом: февраль 1917–1920 гг. М.: ИРИ, 2002. 415 с.

Мельникова 2009 – *Мельникова Л.Л.* Музыкальное просветительство: история и современность. М., 2009. URL: https://pubdoc.ru/doc/231210/monografiya---muzykal._noe-prosvetitel._stvo (дата обращения 12.05.2025).

Нестьев 1991 – *Нестьев И.В.* Из истории русского музыкального авангарда: Статья первая: Артур Лурье – комиссар по делам музыки // Советская музыка. 1991. № 1. С. 81–90.

Смирнов 1994 – *Смирнов Н.Н.* На переломе: Российское учитительство накануне и в дни революции 1917 г. СПб.: Наука, 1994. 410 с.

Страхова 2005 – *Страхова Ю.В.* Становление и развитие концертно-филармонических организаций на Урале в 1917–1970-е гг.: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 28 с.

Толмацкая 2002 – *Толмацкая Л.В.* Государственная политика СССР в области музыкальной культуры в 1920–1930-е гг. XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 179 с.

Федотова 2013 – *Федотова Ю.В.* Централизация концертной системы в России (1917–1941 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 1. № 1. С. 71–75.

Федотова 2016 – *Федотова Ю.В.* Становление идеологического контроля музыкально-концертной сферы в России (1920–1960-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 3. С. 101–107.

References

Arakelova, A.O. (2012), *Otechestvennoe obrazovanie v oblasti muzykal'nogo iskusstva: istoricheskii opyt, problemy i puti razvitiya* [Russian education in the field of musical art. Historical experience, issues and ways of development], Abstract of D. Sc. dissertation (Art Studies), Magnitogorsk, Russia.

Arakelova, A.O. (2012), "Professional musical education in the formative years (1918–1930s)", *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*, no. 2, pp. 312–315.

Balashov, E.M. (2002), *Shkola v rossiiskom obshchestve: 1917–1927 gg.: Stanovlenie "novogo cheloveka"* [School in Russian society 1917–1927. The formation of a "new man"], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.

Fedotova, Yu.V. (2013), "Centralization of the concert system in Russia (1917–1941)", *Bulletin of the South Ural State University. The "Social Sciences and Humanities" Series*, vol. 1, no. 1, pp. 71–75.

Fedotova, Yu.V. (2016), "The formation of ideological control of the music and concert sphere in Russia (1920–1960s)", *Bulletin of the South Ural State University. The "Social Sciences and Humanities" Series*, vol. 16, no. 3, pp. 101–107.

Keirim-Markus, M.B. (1980), *Gosudarstvennoe rukovodstvo kul'turoi: Stroitel'stvo Nar-komprosa: noyabr' 1917 g. – seredina 1918 g.* [State management of culture. Establishment of the People's Commissariat of Education: November 1917 – middle 1918], Nauka, Moscow, USSR.

Kernatzenskaya, T.M. (1965), "On the history of education of the People's Commissariat of Education of the RSFSR and Higher School Administration: October 1917 – August 1918", in Trudy MGIAI [Works of the Moscow Historical and Archival Institute], Moscow, USSR, vol. 19, pp. 93–123.

Kim, M.P. (1957), 40 let sovetskoi kul'tury [40 years of Soviet culture], Gospolitizdat, Moscow, USSR.

Krasovitskaya, T.Yu. (2002), *Rossiiskoe obrazovanie mezhdu reformatorstvom i revoly-utsionalizmom: fevral' 1917–1920 gg.* [Russian education between reformism and revolutionism: February 1917–1920], IRI, Moscow, Russia.

Mel'nikova, L.L. (2009), *Muzykal'noe prosvetitel'stvo: istoriya i sovremennost'* [Musical enlightenment. History and the present], Moscow, Russia, URL: https://pubdoc.ru/doc/231210/monografiya---muzykal._noe-prosvetitel._stvo (Accessed 12 May 2025).

Nestiev, I.V. (1991), "From the history of the Russian musical avant-garde. The first article. Arthur Lurie – Comissar for Music", *Sovetskaya muzyka*, no. 1, pp. 81–90.

Smirnov, N.N. (1994), *Na perelome: Rossiiskoe uchitel'stvo nakanune i v dni revolyutsii 1917 g.* [At a turning point. The teachers of Russia on the eve and in the days of the 1917 Revolution], Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Strakhova, Yu.V. (2005), *Stanovlenie i razvitiye kontsertno-filarmonicheskikh organizatsii na Urale v 1917–1970-e gg.* [Formation and development of the concert and philharmonic organizations in the Urals in the 1917–1970-s], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Chelyabinsk, Russia.

Tolmatskaya, L.V. (2002), *Gosudarstvennaya politika SSSR v oblasti muzykal'noi kul'tury v 1920–1930-e gg. XX v.* [The state policy of the USSR in the field of musical culture in the 1920s – 1930s of the 20th century], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Moscow, Russia.

Vlasova, E.S. (2010), "The agitation path of the art development. The first Bolshevik musical organizations", *Opera musicologica*, no. 1, pp. 54–72.

Vorob'eva, M.Z., *Muzykovedy-ethnografy 1920-kh godov na risunkakh Yakova Bogatenko* [Musicologists and ethnographers of the 1920s in drawings by Yakov Bogatenko], available at: <https://music-museum.ru/about/publications/statii/vorobeava-m.z/muzykalno-etnograficheskaya-komissiya-na-perelome-epox.-po-materialam-rossijskogo-nacionальнogo-muzeya-muzyiki.html> (Accessed 12 May 2025).

Информация об авторе

Михаил А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; mixandreev@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-6914-8211

Information about the author

Mikhail A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; mixandreev@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-6914-8211

УДК 327.83(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-211-224

Зарубежные поездки советских студентов как инструмент культурной дипломатии СССР (1920-е гг.)

Роман С. Садовников

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, romansadovnikoff@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются поездки советских студентов в европейские страны как инструмент культурной дипломатии СССР в период между двумя мировыми войнами, анализируются проблемы их организации и роль в продвижении советских внешнеполитических интересов. Основу настоящей работы составляют материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ): сообщения и отчеты работников Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). В ходе исследования данных архивных источников было выявлено, что обучающиеся советских высших учебных заведений в 1920-е гг. имели возможность выезжать за границу с научно-образовательной целью – усвоение и использование передового зарубежного технического опыта с упором на подготовку специалистов в разных отраслях хозяйственной жизни СССР. Некоторые из студентов являлись членами международных организаций, которые объединяли как советскую, так и европейскую молодежь. Поездки являлись строго регламентированными, их организацию осуществлял ВОКС посредством сети своих уполномоченных, которые оказывали помощь в предоставлении виз лицам, выезжающим за границу. Особое значение уделялось идеологической подготовке студентов, так как на них возлагались пропагандистские функции. Реализация поездок напрямую зависела от дипломатических и межгосударственных отношений СССР с другими странами.

Ключевые слова: советская культурная дипломатия, зарубежные поездки, студенческие поездки, межвоенный период, международные отношения, советская внешняя политика

Для цитирования: Садовников Р.С. Зарубежные поездки советских студентов как инструмент культурной дипломатии СССР (1920-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 211–224. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-211-224

© Садовников Р.С., 2025

Foreign trips of Soviet students as an instrument of cultural diplomacy of the USSR (1920's)

Roman S. Sadovnikov

*Ural Federal University, named after the first President of Russia,
Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, romansadovnikoff@mail.ru*

Abstract. This article considers foreign trips of Soviet students as an instrument of cultural diplomacy of the USSR in the period between the two World Wars sorting out the difficulties in their organization and highlighting their role in promoting Soviet foreign policy interests. The materials of the State Archive of the Russian Federation (GARF) form the basis of the present paper: messages and reports of the employees from the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS). While studying the archival sources it was revealed that students of Soviet higher educational institutions in the 1920s had the opportunity to travel abroad for scientific and educational purposes – mastering and utilizing advanced foreign technical expertise with a focus on training of specialists in different industries of the economic life of the USSR. Some of the students were members of international organizations which united both Soviet and European youth. The trips were strictly regulated. VOKS carried out their organization through the network of its representatives, who provided those who travelled abroad with visas. Special attention has targeted to the ideological training of students, because they were entrusted with the propagandist functions. The implementation of travels directly depended on the diplomatic and interstate relations of the USSR with other countries.

Keywords: the Soviet cultural diplomacy, foreign travels, student trips, interwar period, international relations, the Soviet foreign policy

For citation: Sadovnikov, R.S. (2025), “Foreign trips of Soviet students as an instrument of cultural diplomacy of the USSR (1920's)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 211–224, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-211-224

Введение

Культурная дипломатия СССР в период 1920-х гг. является актуальным объектом современных исследований. К международным научным и культурным контактам СССР со странами Западной Европы в период между двумя мировыми войнами обращались еще советские ученые – А.Е. Иоффе [Иоффе 1969;

Иоффе 1975], М.С. Кузьмин [Кузьмин 1971] и Е.А. Дудзинская [Дудзинская 1978]. Тогда действия Советского Союза, направленные на установление научных связей с заграницей, в том числе зарубежные командировки советских ученых и их участие в международных организациях рассматривались как проявление миролюбия советского государства, а препятствия, возникавшие на пути данного процесса, в свою очередь, оценивались как враждебность со стороны западноевропейских стран [Дудзинская 1978, с. 13].

По мнению современных исследователей, научные связи с зарубежными странами являлись частью комплекса советской культурной дипломатии и пропаганды [Голубев, Невежин 2016, с. 61], а сама культурная дипломатия была инструментом продвижения интересов и позитивного образа советского государства за рубежом, а потому должна исследоваться в контексте реализации этих задач. Еще в 1960-х, когда термин «культурная дипломатия» только появился в публикациях зарубежных исследователей, данный феномен прямо связывался с целями пропаганды [Barghoorn 1961, р. 16].

Научная дипломатия раннесоветского периода как одно из направлений культурной дипломатии, ее формы и методы требуют более глубокого и всестороннего изучения. Современные исследования феномена советской научной дипломатии межвоенного периода посвящены вопросам возобновления и развития контактов советских ученых и научных учреждений с международными научными организациями, зарубежных командировок с научными целями [Ратманов 2021], а также участия советских научных деятелей в международных научных обществах и конгрессах [Долгова 2020]. Вопрос об организации научно-образовательных поездок и экскурсий граждан СССР наиболее полно изучен в контексте феномена так называемого «пролетарского туризма» 1920–1930-х гг., который связывают с развитием краеведческого дела в СССР [Шульгина 2018], а также советского выездного туризма уже послевоенного времени вплоть до распада Советского Союза [Орлов, Попов 2016]. Однако феномен студенческого выездного туризма и студенческих зарубежных командировок в межвоенный период до сих пор изучен недостаточно.

Целью данной статьи является определение роли поездок советских студентов в страны Западной Европы в 1920-е гг. как инструментов реализации задач советской культурной дипломатии и описание механизма их организации.

Приезды иностранцев в СССР и особенности советского экскурсионного дела в 1920-е гг.

Необходимо отметить, что в период 1920-х гг. стали развиваться зарубежные связи СССР, после «полосы дипломатического признания» участились визиты в советскую страну европейских делегаций. Согласно данных отчета Бюро по приему иностранцев, структуры, входившей во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (далее – ВОКС), в период с 1924 по 1926 г. существенно возросла международная коммуникация Советского Союза с внешним миром. Секретарь комиссии по приему иностранных делегаций Т.Ф. Гецова¹ сообщала председателю ВОКСа О.Д. Каменевой о том, что в декабре 1924 г. состоялся первый приезд иностранной делегации в составе представителей английских тред-юнионов. Летом 1925 г. в СССР с экскурсионными целями приезжали уже французские, немецкие, шведские, бельгийские, люксембургские, португальские и итальянские рабочие и учителя. В сентябре 1925 г. Советский Союз своим визитом удостоили уже английские парламентарии, а в течение осени-зимы 1925–1926 гг. первое в мире социалистическое государство посетили делегации из Чехословакии, Норвегии, Дании и Австрии².

В 1926 г. количество приездов в СССР из-за рубежа только увеличивалось, о чем сообщалось в отчете Бюро по приему иностранцев ВОКСа³. В связи с этим получила развитие деятельность по организации экскурсий для иностранцев: так, за первые шесть месяцев 1926 г. было проведено 75 экскурсий, далее их количество возрастает до 117 за осень того же года⁴. В современных исследованиях, посвященных туризму в СССР, промежуток с 1918 по 1929 г. обозначается не иначе как «золотое десятилетие» в развитии экскурсионного дела [Оборина 2010, с. 111]. Именно в это время в Советской России, а далее с 1922 г. в Советском Союзе, свое развитие получило массовое научное и культурное движение, основанное на опыте еще дореволюционного экскурсионного дела. Так, еще на заре советской власти в 1918 г. при Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе) было создано специальное бюро школьных экскурсий [Шульгина 2018, с. 100]. Но в отличие от туристической и экскурсионной деятельности в стра-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 2. Д. 12. Л. 8.

² Там же.

³ Там же. Л. 111–113.

⁴ Там же. Л. 111.

нах Западной Европы и Америки, предполагавшей отдых и расслабление, советский туризм требовал значительных усилий от человека, выдержки и сосредоточенности. В период путешествия советский человек должен не отдыхать, а накапливать знания и опыт, которые обязательно после окончания поездки отражались в отчете о проделанной работе, становились достоянием коллег, не принявших участие в экскурсии [Оборина 2010, с. 110]. Советский туризм и советское экскурсионное дело, как и другие формы общественной жизни в стране, были пронизаны идеологией. Концепция туризма в СССР предполагала, что путешествия: а) не являются привилегией элиты, так как это законное право широких народных масс; б) должны воспитывать чувство колLECTивизма, а не быть простым развлечением; в) представляют собой одну из форм работы коммунистической партии с массами и являются делом идеологическим [Кулик 2015, с. 36]. Данное положение ве-щей позволяет рассматривать советское туристическое и экскурсионное дело, направленное за рубеж, одной из форм культурной дипломатии советского государства.

Туристический и экскурсионный поток, функционировавший между Советским Союзом и зарубежными странами в 20-е гг. XX в., был взаимным. В промежуток с 1918 по 1930 г. советское государство не только принимало иностранцев, но и направляло за рубеж своих граждан. Однако здесь следует сделать уточнение, что далеко не все граждане могли свободно выезжать за границу, это была прерогатива довольно узкого круга лиц. А.В. Голубев и В.А. Невежин считают, что выезд из СССР определенных категорий граждан являлся скорее исключением [Голубев, Невежин 2016, с. 35]. Но советские деятели науки, имевшие международное признание и широкие научные связи, входили в данное исключение. Многие представители российской интеллигенции еще до Первой мировой войны имели контакты с заграничными структурами, учеными и общественными деятелями. Советские ученые являлись членами международных обществ, например, «Общества друзей Новой России» в Германии, работавшего тогда на культурное и научное сближение Советского Союза и Веймарской республики⁵. Данным обстоятельством пользовалась советская власть, которая посредством научных контактов с зарубежными научными кругами могла реализовывать цели и задачи своей внешней политики.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 2. Д. 15. Л. 194.

*Политико-идеологические функции
зарубежных поездок советских студентов*

Студенты советских высших учебных заведений, как и деятели науки, имели возможность выезжать за рубеж в научно-образовательных целях. Как правило, данные поездки организовывались для реализации задачи получения необходимого технического опыта с упором на подготовку специалистов в значимых отраслях хозяйственной жизни СССР.

При организации поездок за рубеж особое значение уделялось идеологической подготовке выезжающих. Данная установка отчетливо проявляется в сообщении О.Д. Каменевой, адресованном наркомам Просвещения союзных республик (УССР, БССР, ЗСФСР, а также автономных республик в составе РСФСР и некоторых вышеперечисленных республик)⁶. В нем председатель ВОКС просила республиканские Наркомпросы предоставить конкретный список отправляемых за границу студентов, а также информацию касательно мест, куда они направлялись. Каменева прямо указывала, что данные сведения необходимы, так как «буржуазная обстановка», в окружении которой окажутся советские студенты, может «повлиять» на идеологию советских учащихся. Чтобы предотвратить эту возможность, ВОКС, имевшее на тот момент за рубежом сеть своих уполномоченных, было готово «прийти на помощь» советским студентам, правда, следует отметить, что в сообщении форма и вид данной «помощи» не конкретизировались⁷.

На студентов, выезжающих за рубеж, возлагалась функция проведения пропагандистской работы в среде обучающихся зарубежных вузов. В докладной записке председателя Центрального бюро студенчества Г.В. Восканьяна (в документе указан как Восканян. – Р. С.) сообщалось о создании за рубежом Союзов советского студенчества⁸. Первоначально данные Союзы состояли из студентов-эмигрантов, которые, согласно сообщению, «осознали свои ошибки», осудили «преступную борьбу своих отцов против Советского правительства» и перешли на сторону советской власти. Затем в состав организаций начали входить уже советские студенты, командированные за границу. Сначала наиболее активно Союзы работали в Германии, Австрии и Чехословакии, а потом их деятельность распространилась на Францию и Бельгию. Основная задача данных студенческих организаций состояла в

⁶ Там же. Д. 12. Л. 100.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 244–245.

знакомстве с отдельными областями хозяйственной и культурной жизни СССР, подготовке к будущей работе в Советском Союзе, освещении жизни советских высших учебных заведений, установлении связей между советскими и зарубежными студенческими организациями, борьбе против «эмигрантской травли и лжи» в отношении СССР, в «разложении» студенческих эмигрантских организаций, в первую очередь, монархического толка. Последнее иллюстрирует, что Союзы советского студенчества выполняли прежде всего идеологические и пропагандистские задачи. При этом ядро организаций составляли члены местных коммунистических партий. Как видно из записки Г.В. Восканьяна, деятельность Союзов не ограничивалась только пропагандой, но предполагала прямое политическое действие в отношении противников советского государства. Так, председатель Центрального бюро студенчества информировал о том, что в Чехословакии местный Союз Советского студенчества несколько раз срывал митинги эсеров, кадетов и меньшевиков⁹.

Влияние международных отношений на реализацию зарубежных экскурсий советских студентов

В 1925 г. для студентов экономического факультета Ленинградского политехнического института имени М.И. Калинина была организована экскурсия в Германию, Францию и Великобританию¹⁰. Подобного рода экскурсии, по сообщению правления Ленинградского политеха, адресованному НКИД, в дореволюционное время проводились ежегодно в образовательных целях. В том же сообщении указывалась прямая польза заграничных поездок. Говорилось, в частности, о том, что данная экскурсия чрезвычайно полезна для становления новых «красных организаторов хозяйственной жизни Советского Союза», то есть для получения ценных организационных и технических знаний. В качестве второй цели было обозначено знакомство с культурным опытом «капиталистических стран Запада», причем не только для использования данного опыта, но и для того, чтобы советские студенты могли убедиться в преимуществах общественного строя Советского Союза по сравнению с укладом западноевропейских стран¹¹.

⁹ Там же. Л. 244.

¹⁰ Там же. Д. 3. Л. 13–14.

¹¹ Там же. Л. 16.

По первоначальному плану экскурсия должна была состояться по следующему маршруту: из Ленинграда направиться в Лондон, где советские студенты должны были ознакомиться с местным метрополитеном, устройством железнодорожных путей и сообщений, посетить достопримечательности: Парламент, Вестминстерское аббатство, Собор Святого Павла, Тауэр, Британский музей, Австралийский дом, Гайд-Парк и другие парки столицы Соединенного Королевства. Помимо достопримечательностей учащиеся Ленинградского политехнического института должны были осмотреть корабельные доки, судостроительные верфи и один из океанских пароходов, ознакомиться с одним из рабочих кварталов Лондона и посетить Британскую имперскую выставку в Уэмбли (в сообщении «Вимблей»). После пребывания в столице экскурсанты посетили бы центры британской хлопчатобумажной, металлической и каменноугольной промышленности, такие как Манчестер, Блэкберн, Лидс, Галифакс, Шеффилд и др.¹²

Спустя месяц экскурсия должна была направиться уже во Францию, а именно в ее столицу – Париж, где предстояло посетить достопримечательности города. Следующим пунктом проведения поездки намечался Берлин. Но по пути в германскую столицу советские студенты должны были совершить остановку в местах, разрушенных боевыми действиями мировой войны, для ознакомления с восстановительными работами, посетить районы городов Вердена и Реймса, а также Северную Лотарингию, Саар и Рур, чтобы осмотреть новые предприятия и познакомиться с местной каменноугольной, железорудной и metallurgической промышленностью. Прибыв в Берлин из Рурского района, советская делегация должна была ознакомиться с достопримечательностями города и его промышленными предприятиями. Из Берлина экскурсия поехала бы в Штеттин (ныне город Щецин в Польше), а оттуда советские студенты должны были вернуться в Ленинград. Пребывание в Германии и Франции также дополнялось посещением Гамбурга, Лейпцига, Хемница и других промышленных городов¹³.

Реакция в Германии на новость о планируемом приезде советских студентов была в целом положительной. Так, в сообщении, адресованном Н.И. Лободе, заместителю председателя ВОКСа, профессор Гетч и ректор Берлинского университета приветствовали идею об организации экскурсии, пообещав оказать советской делегации содействие и предупредив о возможных затруднениях в работе с различными правительственными органами, «бюрокра-

¹² Там же. Л. 18.

¹³ Там же. Л. 35.

тизм которых нужно преодолеть»¹⁴. В том же сообщении подчеркивалось благосклонное отношение Министерства иностранных дел Германии к поездке советских студентов, что было характерно для общей ситуации сотрудничества двух стран в 1920-е гг. Экскурсией также заинтересовалось «Общество Изучения Восточной Европы» в Берлине и Кенигсберге (ныне Калининград). Из «Общества» даже поступило официальное приглашение включить Кенигсберг в маршрут путешествия¹⁵.

Как видно из переписки между работниками ВОКСа, занимавшимися реализацией студенческой поездки, германская сторона была наиболее заинтересована в приезде советских обучающихся. После Первой мировой войны Германия (Веймарская республика) и Советская Россия оказались в положении «государств-изгояев» [Голубев, Невежин 2016, с. 67], что особенно ярко проявилось в период проведения Генуэзской конференции 1922 г., во время которой РСФСР и Германия заключили Рапалльский договор о возобновлении дипломатических и консульских отношений друг с другом и отказе от взаимных претензий¹⁶. Именно Веймарская республика была одной из первых, кто признал советскую власть в России. Со стороны большевистского правительства также существовал сильный интерес к Германии как к передовой в техническом отношении стране, с которой уже давно, несмотря на противостояние во время Первой мировой войны, поддерживались научные и культурные связи. Сама же Веймарская республика воспринималась большевиками в 1920-е гг. как ключевой экономический и культурный партнер [Голубев, Невежин 2016, с. 68]. Именно в Германию за период с 1926 по 1927 г. было осуществлено наибольшее число научных командировок советских ученых – 111 человек, или 68,2% из общего количества поездок [Долгова 2020, с. 161].

Если процесс получения разрешения на въезд со стороны Германии и Франции прошел без особых затруднений, то иная ситуация сложилась с английской стороной. В Великобритании экскурсию должна была поддержать местная Рабочая ассоциация путешествий (Workers Travelling Association, WTA), в первую очередь в вопросе по получению визы для экскурсантов. В своем письме уполномоченная ВОКС в Англии В.Н. Половцева указывала на

¹⁴ Там же. Л. 31.

¹⁵ Там же. Л. 34.

¹⁶ Рапалльский договор. 16 апреля 1922 г. // 100(0) ключевых документов. URL: https://www.1000dokumente.de/Dokumente/Der_Vertrag_von_Rapallo?setlang=ru (дата обращения 29.11.2024).

сложность данной процедуры: во-первых, список экскурсантов был направлен в WTA довольно поздно, что повышало вероятность отказа с британской стороны. Во-вторых, в 1924 г. WTA ничего не получили от советской стороны за свою работу, в этой связи советской уполномоченной в Англии пришлось пойти на значительные уступки в отношении Ассоциации. Наконец, в-третьих, особую, негативную роль в процессе получения виз советским студентам играл внешнеполитический климат, установившийся к середине 1920-х гг. между Великобританией и СССР, и рост напряжения между двумя странами¹⁷.

По мнению Варвары Николаевны Половцевой, Форин Оффис (Foreign Office – Министерство иностранных дел Великобритании. – Р. С.) сознательно задерживал ответы по ходатайствам из СССР о визах, несмотря на своевременную отправку данных ходатайств. Представители WTA, которые участвовали в решении вопроса о получении советскими экскурсантами британских виз, также отмечали «враждебное отношение к Советской России» со стороны чиновников Оффиса. Позже выяснилось, что сам Форин Оффис не имеет возражений против приезда советских студентов, а задержка по ходатайствам о получении виз экскурсантам могла произойти в британском Министерстве внутренних дел, куда Оффис обращался за согласием. Впоследствии уже представители WTA подтвердили, что у Форин Оффиса отсутствуют возражения против въезда советских экскурсантов, а британские визы в итоге были получены¹⁸. Но ощущение испорченной поездки не покидало советских организаторов экскурсии¹⁹, которым ввиду задержек пришлось кардинально пересмотреть маршрут экскурсии, начав ее с поездки в Германию, поскольку вероятность отказа во въезде со стороны Великобритании была велика²⁰.

Как видно, одной из причин задержки выдачи въездных виз в Соединенное Королевство были внешнеполитические факторы, организаторам экскурсии откровенно не повезло со временем осуществления поездки. Тогда с 1924 г. у власти в Великобритании были консерваторы, опасавшиеся распространения у себя в стране коммунистических идей и видевшие в СССР угрозу своей внутриполитической стабильности. Опасения британского руководства, связанные с политико-пропагандисткой активностью командированных, как показано на примере деятельности Союзов

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 2. Д. 3. Л. 38.

¹⁸ Там же. Л. 41.

¹⁹ Там же. Л. 40.

²⁰ Там же. Л. 35–37.

советских студентов, имели под собой основания. Причиной ухудшения дипломатического климата в отношениях между Советским Союзом и Соединенным Королевством была также активность агентов Коминтерна на окраинах Британской империи [Сергеев 2022, с. 25].

Вплоть до 1929 г. дипломатические контакты между двумя государствами развивались зигзагообразно: от отчужденности в 1924–1926 гг. до разрыва отношений и «военной тревоги» в 1927 г. Только с приходом к власти лейбористов в 1929 г. дипломатические отношения между Соединенным Королевством и Советским Союзом были восстановлены.

Заключение

Таким образом, в период 1920-х гг. студенты были той категорией граждан СССР, которым могли позволить выезд за границу. Студенческие экскурсии, как и все туристическое дело в Советском Союзе, выполняли не только образовательные, но и политico-идеологические, практические функции, подлежали строгой регламентации и контролю. С одной стороны, необходимость поездок была обусловлена стремлением воспитать новых организаторов хозяйственной жизни СССР через усвоение и использование передового зарубежного технического опыта. Это было важно для решения задач восстановления хозяйства страны после Первой мировой и Гражданской войн и ее динамичного экономического развития на основе передовых технологий. С другой стороны, студенческие экскурсии призваны были выполнять пропагандистские и идеологические задачи советского государства. Сами студенты, командированные за границу, активно взаимодействовали с зарубежными учащимися высших учебных заведений, в частности, с просоветской эмигрантской молодежью, способствовали продвижению позитивного имиджа СССР. Однако подобное взаимодействие включало в себя и реализацию ряда прямых политических акций против противников советского режима. Успех в реализации задач культурной дипломатии напрямую зависел от внешнеполитических отношений СССР с той или иной страной. Напряженные международные отношения создавали препятствия в организации въезда и получении виз, в то время как позитивные практически не создавали проблем с осуществлением поездки и позволяли получить дополнительную помощь со стороны принимающего государства.

Литература

Голубев, Невежин 2016 – *Голубев А.В., Невежин В.А.* Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. / Институт российской истории Российской академии наук. М.: Ин-т российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 238 с.

Долгова 2020 – *Долгова Е.А.* Зарубежные командировки научных работников в 1920-е гг.: риторика и политические оценки // Время Коминтерна: материалы международных научных конференций к 100-летию Коммунистического Интернационала / науч. ред. О.С. Поршнева; сост. Е.Н. Струкова, К.Б. Харитонов. М.: Государственная публичная историческая библиотека России: Ист. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. 2020. С. 157–168.

Дудзинская 1978 – *Дудзинская Е.А.* Международные научные связи советских историков. М.: Наука, 1978. 289 с.

Иоффе 1969 – *Иоффе А.Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза: 1928–1932 / АН СССР: Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1969. 199 с.

Иоффе 1975 – *Иоффе А.Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры: 1917–1932. М.: Наука, 1975. 429 с.

Кузьмин 1971 – *Кузьмин М.С.* Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917–1932 гг.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. 150 с.

Кулик 2015 – *Кулик С.В.* Особенности буржуазного и пролетарского туризма в России начала XX в. // Вестник Новгородского государственного ун-та им. Ярослава Мудрого. 2015. № 90. С. 35–38.

Оборина 2010 – *Оборина Е.А.* «Пролетарский» туризм 1920 – середины 1950-х гг. как социально-культурное явление // Вестник Пермского университета. История. 2010. Вып. 1 (2). С. 110–113.

Орлов, Попов 2016 – *Орлов И.Б., Попов А.Д.* Сквозь «железный занавес»: Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991 / Нац. исслед. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2016. 359 с.

Ратманов 2021 – *Ратманов П.Э.* Советское здравоохранение на международной арене в 1920–1940 гг.: между «мягкой силой» и пропагандой (Западная Европа и США) / П.Э. Ратманов // Дальневосточный государственный медицинский университет. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного гос. мед. у-та, 2021. 388 с.

Сергеев 2022 – *Сергеев Е.Ю.* «Мировая революция» на окраинах Британской империи во второй половине 1920-х гг.: миф или реальность? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 10–32.

Шульгина 2018 – *Шульгина О.В., Шульгина Д.П.* Феномен «пролетарского туризма» в 30-е годы XX в.: объекты посещения, информационное обеспечение, идеология // Исторический журнал: Научные исследования. 2018. № 5. С. 99–112.

Barghoorn 1961 – Barghoorn F.Ch. *The Soviet cultural offensive: The role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1960. 353 p.

References

Barghoorn, F.C. (1961), *The Soviet cultural offensive. The role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA.

Dolgova, E.A. (2020), “The foreign business trips of Soviet scientists in the 1920s. Rhetoric and political assessments”, in Porshneva, O.S., ed., *Vremya Kominterna: materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii k 100-letiyu Kommunisticheskogo Internatsionala* [Time of the Comintern. Proceedings of the international scientific conferences. On the 100th anniversary of the Communist International], Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii: Istoricheskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, Moscow, Russia.

Dudzinskaya, E.A. (1978), *Mezhdunarodnye nauchnye svyazi sovetskikh istorikov* [International scientific relations of Soviet historians], Nauka, Moscow, USSR.

Ioffe, A.E. (1969), *Internatsional'nye, nauchnye i kul'turnye svyazi Sovetskogo Soyuza: 1928–1932* [International, scientific and cultural relations of the Soviet Union. 1928–1932], AN SSSR: In-t istorii SSSR, Nauka, Moscow, USSR.

Ioffe, A.E. (1975), *Mezhdunarodnye svyazi sovetskoi nauki, tekhniki i kul'tury: 1917–1932* [International relations of Soviet science, technology and culture. 1917–1932], Nauka, Moscow, USSR.

Golubev, A.V. and Nevezhin, V.A. (2016), *Formirovaniye obraza Sovetskoi Rossii v okruglykh stolicheskikh mire sredstvami kul'turnoi diplomati, 1920-e – pervaya polovina 1940-kh gg.* [The formation of the image of Soviet Russia in the outside world by means of cultural diplomacy. 1920s – first half of the 1940s], Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initiativ, Moscow, Russia.

Kulik, S.V. (2015), “Specifics of bourgeois and proletarian tourism in Russia in the early 20th century”, *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*, no. 90, pp. 35–38.

Kuz'min, M.S. (1971), *Deyatel'nost' partii i Sovetskogo gosudarstva po razvitiyu mezhdunarodnykh nauchnykh i kul'turnykh svyazei SSSR (1917–1932 gg.)* [Activities of the party and the Soviet state in developing international scientific and cultural relations of the USSR (1917–1932)], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR.

Oborina, E.A. (2010), “‘Proletarian’ tourism of the 1920s – middle 1950s as a socio-cultural phenomenon”, *Perm University Herald. History*, vol. 2, iss. 1, pp. 110–113.

Orlov, I.B. and Popov, A.D. (2016), *Skvoz' “zheleznyi zanaves”: Russo turisto: sovetskii vyezdnoi turizm, 1955–1991* [Through the iron curtain. Soviet outbound tourism in 1955–1991], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.

Ratmanov, P.E. (2021), *Sovetskoe zdravookhranenie na mezhdunarodnoi arene v 1920–1940 gg.: mezhdu “myagkoi siloi” i propagandoi* (Zapadnaya Evropa i SShA) [Soviet public health in the international arena in the 1920s and 1940s. Between “soft power” and propaganda (Western Europe and the USA)], Izdatel’stvo Dal’nevostochnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, Khabarovsk, Russia.

Sergeev, E.Yu. (2022), “‘World Revolution’ on the outskirts of the British Empire in the second half of the 1920’s. Myth or reality?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 10–32.

Shulgina, O.V. and Shulgina D.P. (2018), “The phenomenon of ‘proletarian tourism’ in the 1930s. Places to visit, information support, ideology”, *Istoricheskiy zhurnal. Nauchnyye issledovaniya*, no. 5, pp. 99–112.

Информация об авторе

Роман С. Садовников, аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; romansadovnikoff@mail.ru.
ORCID ID: 0009-0007-8609-7681

Information about the author

Roman S. Sadovnikov, postgraduate student, Ural Federal University, named after the first President of Russia, Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; 19, Mira St., Ekaterinburg, Russia, 620002; romansadovnikoff@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-8609-7681

Научная жизнь

УДК 930

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-225-238

«Будущее нашего прошлого»: современные тенденции в историографии и исторических исследованиях (к юбилейной конференции)

Елена В. Барышева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, barysheva.ev@gmail.com*

Сергей С. Новосельский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, novoselsky.rggu@gmail.com*

Аннотация. В 2011 г. в Российском государственном гуманитарном университете впервые состоялась всероссийская научная конференция «Будущее нашего прошлого». Организатором мероприятия выступила кафедра истории и теории исторической науки. С тех пор прошло 14 лет, и конференция стала традиционной и проводится ежегодно. В статье анализируется проблематика конференции, участники которой обсуждали и обсуждают наиболее актуальные направления исторического знания и его состояние на сегодняшний день. Представлен обзор десяти прошедших конференций «Будущее нашего прошлого», их тематики и проблемных полей. В разные годы конференции были посвящены проблемам актуализации исторического знания, вопросам преподавания истории, поиску новых подходов к изучению прошлого, истории империй и революций, истории повседневности, истории памяти, истории науки и интеллектуальной истории. Показана эволюция конференции, которая за это время проделала путь от небольшого экспертного сообщества до масштабного научного форума. Статья рассчитана на коллег-историков, которые ищут новые площадки для научной дискуссии, на студентов и молодых исследователей, которые еще только начинают свой путь в науке, а также на всех, кто интересуется историей РГГУ.

Ключевые слова: РГГУ, «Будущее нашего прошлого», исторический факультет РГГУ, кафедра истории и теории исторической науки, научная конференция, историческое знание

© Барышева Е.В., Новосельский С.С., 2025

Для цитирования: Барышева Е.В., Новосельский С.С. «Будущее нашего прошлого»: современные тенденции в историографии и исторических исследованиях (к юбилейной конференции) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 225–238. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-225-238

**“The Future of Our Past”:
Modern trends in historiography and historical research
(for the anniversary conference)**

Elena V. Barysheva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, barysheva.ev@gmail.com*

Sergei S. Novoselskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, novoselsky.rggu@gmail.com*

Abstract. In 2011, the Russian State University for the Humanities hosted the first All-Russian scientific conference “The Future of Our Past”. The event was organized by the Department of History and Theory of Historical Science. Fourteen years have passed since then, and the conference has become traditional and is held annually. The article explores the topics of the conference, the participants of which discussed and are still discussing the most relevant areas of historical knowledge and its state today. It presents an overview of ten past conferences including their topics and challenges. In different years, “The Future of Our Past” conferences were devoted to updating historical knowledge, teaching history, searching new approaches to studying the past, that includes the history of empires and revolutions, the history of everyday life, the history of memory, the history of science and intellectual history. The article demonstrates the evolution of the conference, which with time has come a long way from a small expert community to a large-scale scientific forum. The article is intended to fellow historians who search new platforms for scientific discussion, to students and young researchers who have just begun their path in science, as well as to everyone interested in the history of RSUH.

Keywords: RSUH, “The Future of Our Past”, Faculty of History of RSUH, Department of History and Theory of Historical Science, scientific conference, historical knowledge

For citation: Barysheva, E.V. and Novoselskii, S.S. (2025), “‘The Future of Our Past’: Modern trends in historiography and historical research (for the anniversary conference)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 225–238, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-225-238

Введение

В 2025 г. в РГГУ в десятый раз состоялась научная конференция «Будущее нашего прошлого». За все время работы конференции на ней прозвучало 475 докладов. В сборниках материалов конференции было опубликовано 265 статей. Участниками форума были историки из 9 стран (Австрия, Беларусь, Казахстан, Россия, Узбекистан, ФРГ, Чехия, Эстония, Япония) и 51 города (Абакан, Алматы, Астана, Астрахань, Барнаул, Великий Новгород, Вена, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Ейск, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Казань, Караганда, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Курган, Липецк, Луганск, Майкоп, Мариуполь, Минск, Москва, Нижний Новгород, Нижневартовск, Новосибирск, Ноябрьск, Омск, Оренбург, Орел, Пермь, Петрозаводск, Прага, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Сыктывкар, Тамбов, Ташкент, Тверь, Тольятти, Томск, Тула, Улан-Удэ, Уфа, Штутгарт, Ялта, Ярославль). Это служит для организаторов приятным поводом подвести некоторые промежуточные итоги. И вспомнить, как все начиналось.

«Будущее нашего прошлого»: история и современность

Идея конференции родилась в 2011 г. на кафедре истории и теории исторической науки, которая тогда была частью факультета истории, политологии и права. «Будущее нашего прошлого» изначально задумывалось как площадка для обсуждения современного состояния исторического знания и перспектив его дальнейшей трансформации. Участники получили возможность поговорить о новых жанрах в историографии, которые динамично развиваются. Обратиться к трудам и идеям классиков историописания, которые обретают в науке «вторую жизнь». Наметить проблемные горизонты будущих исследований в различных областях исторической науки.

Первая конференция «Будущее нашего прошлого» прошла 15 и 16 июня 2011 г. Это было время, когда интерес власти и общества к истории заметно возрос. Прошлое стремительно становилось предметом дискуссий и интерпретаций и на государственном уровне, и в журналистике, и в медиа, и в Интернете. Стало очевидно, что историку больше не удастся комфортно пребывать в «башне из слоновой кости» – мире своего исследования. Чтобы быть успешным ученым, ему необходимо реагировать на вызовы времени, выходить в мир, становиться не только исследователем, но и экспертом.

Поэтому на конференции в первую очередь обсуждали различные формы и механизмы актуализации исторического знания. Часть докладов касалась использования прошлого в дискурсе государственных праздников и реализации социальных и коммеморативных проектов. Некоторые участники говорили о возможностях исторической экспертизы и потенциальной роли историка как аналитика в органах государственного и муниципального управления. Ряд выступлений был посвящен школьным учебникам истории и особенностям исторического сознания подростков. Некоторые докладчики ставили проблему шире и стремились определить место и роль историка в современном российском обществе [Будущее 2011].

Конференция прошла с большим успехом и вызвала у коллег живой интерес. Поэтому было принято решение продолжить начинание и в апреле 2012 г. «Будущее нашего прошлого» состоялось во второй раз.

На этот раз поводом собраться послужила статья профессора департамента истории Еврейского университета в Иерусалиме Майкла Хейда «Есть ли будущее у изучения прошлого?». Он утверждал, что в начале XXI в. преподавание истории переживало серьезный кризис. Тем не менее историк полагал, что этот кризис можно было преодолеть. На его взгляд, изучение прошлого демонстрирует различия в ценностях и образе жизни, которые существуют в мире. Их понимание помогает нам чутко отслеживать и принимать изменения в настоящем [Хейд 2012].

Дискуссия выстроилась вокруг проблемы преподавания истории. И получилась весьма оживленной. Участники указывали, что главным критерием эффективности студента-историка стало не умение усваивать и воспроизводить «готовое знание», а способность ставить и решать интеллектуальные задачи. У молодых историков сформировался запрос не только на освоение теории, но и на обретение конкретных, прикладных навыков профессиональной деятельности [Будущее 2012]. Отмечалось, что кафедра истории и теории исторической науки активно работает в этом направлении: в учебных планах для бакалавров и магистров многие курсы посвящены различным аспектам профессиональной жизни историка: преподавательской деятельности, научно-исследовательской работе, публикации источников, презентации прошлого в интернете и медиапространстве.

Следующая конференция состоялась 25 ноября 2016 г. В этом году она впервые получила статус международной. Было и еще одно нововведение – с докладами выступили те, кто только начинал свой путь в науке – магистранты-историки РГГУ. С тех пор молодые исследователи неизменно участвуют в «Будущем нашего прошлого».

Участники конференции в своих выступлениях сделали акцент на разработке новых подходов, интерпретаций и объяснительных моделей в историографии. К этому историку подталкивает ситуация, которая сложилась во второй половине XX – начале XXI в. в исторической науке. В это время произошло несколько «историографических поворотов» (антропологический, лингвистический и др.), а сама наука столкнулась с рядом новых вызовов. Все это привело к переосмыслинию предмета истории, теоретических подходов и практик историописания.

Докладчики отмечали, что эта ситуация открывала новые исследовательские перспективы. Появилась возможность изучения особенностей исторической памяти «безмоловствующего большинства» в России в эпоху раннего Нового времени. Особое значение приобрело исследование законотворческих и управленческих механизмов в Российской империи XIX – начала XX в. (как формальных, так и неформальных). Особое внимание было уделено новым подходам к работе с цифровыми источниками и информационными ресурсами.

Проблемное поле конференции радикально расширилось. Звучали доклады, в которых раскрывались новые аспекты истории памяти, истории повседневности, биографики, истории Русской православной церкви, истории дипломатии и идеологической политики в СССР. В ряде выступлений осмыслился феномен массовой культуры в период становления и укрепления советской власти [Будущее 2016].

В 2017 г. исполнилось 100 лет с начала Великой Российской революции. Кафедра истории и теории исторической науки не осталась в стороне от юбилейных торжеств. Конференция «Будущее нашего прошлого» прошла в формате круглого стола под названием «Историография революций и революции в историографии». Он состоялся 13 декабря 2017 г.

К тому времени концепт Великой Российской революции был в историографии только сформулирован. Историкам еще предстояло наполнить его новыми смыслами и интерпретациями. Однако уже наметились некоторые ключевые тенденции. Исследователи все чаще усматривали предпосылки Революции 1917 г. в противоречиях имперского проекта модернизации и подчеркивали устойчивую взаимосвязь Первой мировой войны и революционных потрясений [Петров 2017, с. 3]. Одним из симптомов Революции стал кризис российского парламентаризма и неспособность партий парламентского типа противостоять партиям революционным [Шелохаев 2017, с. 40].

Это во многом определило фокус дискуссии круглого стола. Участники говорили не только о событиях 1917 г., но и о природе

эпох и революционных кризисов, которые им предшествовали. В ходе круглого стола состоялась презентация сборника «Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас. 1906–1914»¹.

Великая Российская революция привела к тектоническим изменениям политического, правового, общественного и культурного пространства. Поэтому серия выступлений на круглом столе была посвящена последствиям революционных событий. Докладчики уделили особое внимание трансформации социально-экономической мысли, праздничных ритуалов и даже революционной риторики в политическом языке новой России.

Революции случаются не только в политической системе. Отдельный блок выступлений был посвящен особому феномену в науке – историографическим революциям. Исследователи рассматривали их предпосылки, содержание и последствия [Будущее 2018].

В следующий раз участники конференции встретились 14 ноября 2019 г. Докладчики решили посмотреть на историческую науку как на коммуникативный проект. Их выступления отражали различные аспекты научной коммуникации: историю перемещений и взаимодействия интеллектуалов на Руси в XVI в., становление советского научного сообщества, профессиональную коммуникацию историков в СССР и в наше время, проблемы возникновения новых методов историописания.

Продолжила расширяться и тематика докладов. Впервые на конференции прозвучали выступления об истории античности и европейского Средневековья. Докладчики затрагивали проблематику дипломатической коммуникации, взаимодействия общественных структур, коммуникативных практик и коммуникатологии в исторической науке [Будущее 2019].

В рамках конференции прошел круглый стол «Республиканская идея в России с древнейших времен до XX в.». Он стал частью исследовательского проекта № 19-48-04-112, реализованного при поддержке РНФ. Участники круглого стола обратились к истории понятия «республика», проследили его зарождение в античности, трансформацию в эпоху Возрождения, адаптацию республиканских идей в России и попытки претворить их в жизнь в XIX – начале XX в. Итогом исследований стала коллективная монография «Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века», изданная в 2021 г. под редакцией профессора

¹ Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас, 1906–1914 / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: Кучково поле, 2017. 672 с.

кафедры истории и теории исторической науки К.А. Соловьёва [Соловьёв 2021].

В этот день произошло важное событие – впервые работала отдельная секция, на которой выступали молодые ученые – магистранты и аспиранты. Ее заседание вызвало большой интерес. С тех пор «молодежная» секция работает в ходе конференции «Будущее нашего прошлого» регулярно.

В 2020 г. в РГГУ был создан исторический факультет. Научная жизнь и профессиональная коммуникация историков в университете стали еще интенсивнее. Очередная конференция «Будущее нашего прошлого» состоялась 27 ноября 2020 г. По сравнению с предыдущими, в ней приняло участие рекордное число исследователей.

В этот раз конференция была посвящена истории повседневности. Во второй половине XX в. это направление проделало огромный путь. От бытописания исследователи постепенно перешли к изучению различных «миров прошлого» и повседневных практик, которые во многом определяют мировосприятие человека. Это определило оптику выступлений на пленарном заседании. Они затрагивали проблему трансформации повседневной истории в направлении исторической антропологии. Обозначали специфику политической повседневности, которая состоит в ее внешней несобытийности, аполитичности и отстраненности от «больших дней» в истории. Указывали на потенциал нового источника – социальных сетей – для изучения повседневных практик.

Своя история повседневности есть и у историков. Поэтому многие доклады были посвящены их повседневным практикам, в том числе и неформальным: от трудностей при подготовке к изданию исторических источников до нюансов карьерного роста советских историков в 1930–1940-е гг.

Доклады вновь отличались разнообразием и тематической полифонией. В них нашли отражение различные аспекты политической, социальной и культурной повседневности Российской империи, СССР и Европы [Будущее 2021].

В 2021 г. число участников конференции «Будущее нашего прошлого» впервые превысило 100 человек. Помимо пленарного, прошли семь секционных заседаний и один круглый стол. Работа конференции растянулась на два дня – 26 и 27 ноября.

И это неудивительно, поскольку конференция была посвящена особенно актуальным сюжетам – исторической памяти и коммеморативным практикам. Память о прошлом живет разными жизнями. В первой из них, научной, образ прошлого формируют историки. В общественном сознании представления об ушедших эпохах

очень часто упрощаются или мифологизируются, что служит серьезным вызовом для профессионального сообщества. Наконец, историческая память обитает в коммеморативном пространстве – праздниках, юбилеях и ритуалах. Пленарные доклады отразили возникновение российской юбилейной культуры и динамику ее развития в СССР и РФ.

Докладчики продемонстрировали, как историки способствовали формированию исторической памяти (например, памяти о народничестве в 1920–1930-е гг.). И на примере конструирования образа В.И. Ленина показали, как исключение профессионального сообщества из процессов коммеморации приводило к мифологизации прошлого. В своих выступлениях участники конференции затронули различные события, которые в разное время становились и становятся объектами коммеморации: Отечественную войну 1812 г., восстание на Сенатской площади, Великие реформы Александра II и цареубийство, Революцию 1917 г., массовые репрессии в СССР, Великую Отечественную войну, события 1990-х гг. Отдельный блок докладов был посвящен такому коммеморативному аспекту, как традиция почитания святых в Русской православной церкви. Участники секции «Зарубежные коммеморативные практики» представили обзор развития праздничной культуры в Европе и Америке: от торжеств в античном Парфеноне до современных празднований 150-летнего юбилея образования Канады [Будущее 2022].

Продолжая традицию прошлых лет, в ходе конференции состоялся круглый стол «Региональная политика памяти в зеркале междисциплинарных исследований». Он прошел при грантовой поддержке РГГУ и РФФИ-ЭИСИ. Его участники представляли различные регионы РФ, что позволило им отразить в своих выступлениях многообразие форм и проявлений политики памяти.

17 февраля 2023 г. конференция «Будущее нашего прошлого» состоялась восьмой раз. Ее темой стала история империй и осмысление имперской проблематики в современной историографии. Сегодня слово «империя» стало метафорой. Им нередко называют государства, которые не были и не являются империями. В последних одна этническая группа контролирует остальные, империям присущ милитаризм, власть (светская и духовная) сосредоточена в руках императора, который в своем правлении опирается на элиту и особую символику власти – имперскую культуру [Рибер 2004, с. 34–35].

Классическое прочтение понятия империя определило структуру конференции. Две секции были посвящены истории европейских империй. На первой говорили об античных и средневековых

империях – Римской, Каролингской, Священной Римской и Тюдоровской. На второй – об империях Нового времени (особенно о Британии и Германии). История Российской империи также удостоилась обсуждения на двух секциях. Отправной точкой одной из них стал имперский проект Петра I и его воплощение. Другая секция была полностью посвящена Российской империи в начале XX в., когда она достигла пика своего общественно-политического и экономического развития. Особый интерес вызвала секция, на которой обсуждался имперский дискурс в СССР и современной России. Докладчики стремились проследить, как образы и символы империи влияли на конструирование государственности и как происходит репрезентация имперского дискурса в интернет-пространстве сегодня [Будущее 2023].

В 2024 г. исполнилось 300 лет Российской академии наук. Юбилей послужил прекрасным поводом поговорить об истории исторической науки, ее современном состоянии и о тех, кто посвятил свою жизнь научной работе. Конференция «Будущее нашего прошлого-9: Жизнь науки и жизнь в науке» прошла 16 февраля 2024 г.

Участники конференции проследили в своих выступлениях историю зарождения и развития исторической мысли и исторического знания в Российской империи. Доклады касались вопросов преподавания истории в гимназиях и университетах, карьерных траекторий женщин-историков, участия ученых в политике и общественной жизни. Специального обсуждения удостоилась советская историческая наука. В докладах затрагивалась как историографическая проблематика, так и особенности профессиональной деятельности научного сообщества в СССР и даже ее репрезентация в кинематографе.

Наука – это живой мир, где многое строится на человеческих отношениях и взаимодействии. Поэтому особую роль приобретают отношения учителя (научного руководителя) и ученика. Иногда они выливаются в новые исследовательские направления и научные школы. Таким направлениям, а также интеллектуальным биографиям историков и проблемам преподавания истории сегодня было посвящено две секции. Докладчики рассказывали о дореволюционных, советских, современных и западноевропейских историках, их подходах и научных принципах. Большой интерес вызвали выступления, посвященные методике преподавания истории, в частности, использованию средневековых письменных источников на семинарских занятиях по истории России.

Впервые на конференции был поднят актуальный вопрос сегодняшнего дня – о перспективах использования нейросетей

в исторических исследованиях [Будущее 2024]. Это положило начало широкой научной дискуссии. 10 апреля 2025 г. по инициативе исторического факультета в РГГУ прошел круглый стол «Историк будущего: искусственный интеллект – новый поворот в исторической науке?». Наряду с историками Москвы, Ижевска, Казани в нем приняли участие специалисты в области развития цифровых технологий.

Юбилейная, десятая по счету конференция «Будущее нашего прошлого» состоялась 20 марта 2025 г. Она была посвящена интеллектуальной истории. За последние десятилетия это направление значительно изменилось. Раньше историки в основном обращали внимание на идеи великих мыслителей. Но круг современников, которые разделяли те или иные взгляды и умонастроения, постоянно расширялся. Поэтому сегодня исследователей чаще интересует то, как общество воспринимало эти идеи. Важную роль в подобного рода исследованиях играет контекст. Чтобы понять значение сказанного всегда важно учитывать политическую обстановку, общественные настроения, интеллектуальный багаж говорящего, а зачастую и языковые формы и выразительные средства, которые он использует.

По традиции, отдельная секция была посвящена истории Российской империи. Докладчики обозначили интеллектуальный контекст Крестьянской реформы 1861 г., рассказали о зарождении и развитии идеи института императорской охраны, об осмыслиении современниками Дальнего Востока и его места в Российской империи, об идеях реформы Государственного совета в период Первой русской революции и учреждения земств на Кавказе. Героями нескольких докладов стали видные российские интеллектуалы конца XIX – начала XX в.

Участники конференции затронули также различные аспекты интеллектуальной истории СССР: идеи в области музыки и архитектуры, развития телевидения и освоения космоса, разработки концепции патриотического воспитания. Докладчики не обошли своим вниманием и интеллектуальную историю русского зарубежья.

Работа историка – это, несомненно, интеллектуальный труд. Поэтому в отдельную секцию были выделены доклады, посвященные концепциям и моделям исследователей, их научному пути. Этот путь не всегда был простым. В 1930-е гг., например, историкам приходилось соизмерять свои научные представления с марксизмом, «усваивать» его. Особый интерес вызвал доклад о том, как в стенах Народного университета им. А.Л. Шанявского зарождались и развивались новые экономические теории.

Сохранился вектор на тематическое и географическое разнообразие докладов. Они были посвящены античным и средневековым идеям и интеллектуалам, истории чтения в Англии и Франции XVIII в., дипломатическим проектам Нового времени, рецепции идеи нигилизма и переосмыслению демократии в Западной Европе. Работа одной из секций сконцентрировалась на интеллектуальной истории Азии и Нового Света. Сборник материалов конференции «Будущее нашего прошлого-10: Интеллектуальная история (идеи, люди, контекст)» выйдет в конце 2025 – начале 2026 г.

Заключение

Приоритетным направлением для «Будущего нашего прошлого» всегда был анализ современного состояния исторической науки, механизмов презентации знаний о прошлом. Эти проблемы и сюжеты волнуют каждого историка. Поэтому организаторы конференции надеются, что интерес коллег и студентов к ней будет со временем только расти, а дискуссии по-прежнему будут насыщенными и плодотворными. У прошлого, несомненно, есть будущее. И то, каким оно окажется, зависит от нас, историков.

Литература

Будущее 2011 – Будущее нашего прошлого: Материалы Всероссийской научной конференции, 15–16 июня 2011 г. / отв. ред. А.П. Логунов. М.: РГГУ, 2011. 301 с.

Будущее 2012 – Будущее нашего прошлого: Сборник / отв. ред. Е.В. Барышева. [Вып. 2]. М.: РГГУ, 2012. 112 с.

Будущее 2016 – Будущее нашего прошлого: новые подходы к интерпретации исторического знания: Материалы международной научной конференции, 25–26 ноября 2016 г. / ред. Е.В. Барышева, С.С. Новосельский, А.С. Заволожина. М.: РГГУ, 2016. 234 с.

Будущее 2018 – Будущее нашего прошлого – 4: Историография революций и революции в историографии: материалы Международного круглого стола. Москва, 13 декабря 2017 г. / под ред. А.П. Логунова. М.: РГГУ, 2018. 122 с.

Будущее 2019 – Будущее нашего прошлого – 5: История как коммуникативный проект: материалы Международной научной конференции, 14 ноября 2019 г. / отв. ред. Е.В. Барышева. М.: РГГУ, 2019. 337 с.

Будущее 2021 – Будущее нашего прошлого – 6: История повседневности и повседневность историка: материалы Международной научной конференции, 27 ноября 2020 г. / отв. ред. Е.В. Барышева. М.: РГГУ, 2021. 365 с.

Будущее 2022 – Будущее нашего прошлого – 7: Историческая память и коммерческие практики: материалы Международной научной конференции, 26–27 ноября 2021 г. / отв. ред. Е.В. Барышева. М.: РГГУ, 2022. 460 с.

Будущее 2023 – Будущее нашего прошлого – 8: Империи в историческом дискурсе: материалы Всероссийской научной конференции, 17 февраля 2023 г. / отв. ред. Е.В. Барышева. М.: РГГУ, 2023. 243 с.

Будущее 2024 – Будущее нашего прошлого – 9: Жизнь науки и жизнь в науке: материалы Всероссийской научной конференции, 16 февраля 2024 г. / отв. ред. Е.В. Барышева. М.: РГГУ, 2024. 161 с.

Петров 2017 – Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.

Рибер 2004 – Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. С. 33–70.

Хейд 2012 – Хейд М. Есть ли будущее у изучения прошлого? // Будущее нашего прошлого: Сборник. [Вып. 2]. М.: РГГУ, 2012. С. 6–23.

Шелохов 2017 – Шелохов В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 32–42.

Соловьёв 2021 – Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / под ред. К.А. Соловьёва. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.

References

Logunov, A.P., ed. (2011), *Budushchee nashego proshlogo: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 15–16 iyunya 2011 g.* [The future of our past: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, June 15–16, 2011], RGGU, Moscow, Russia.

Barysheva, E.V., ed. (2012), *Budushchee nashego proshlogo: Sbornik* [The future of our past: Collection], iss. 2, RGGU, Moscow, Russia.

Barysheva, E.V., Novosel'skii, S.S. and Zavolozhina, A.S., eds. (2016), *Budushchee nashego proshlogo: novye podkhody k interpretatsii istoricheskogo znaniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 25–26 noyabrya 2016 g.* [The future of our past: New approaches to interpreting historical knowledge. Proceedings of the International Scientific Conference. November 25–26, 2016], RGGU, Moscow, Russia.

Logunov, A.P., ed. (2018), *Budushchee nashego proshlogo – 4: Istorioriografiya revolyutsii i revolyutsii v istoriografii: materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola. Moskva, 13 dekabrya 2017 g.* [The future of our past – 4: Historiography of revolutions and revolutions in historiography. Proceedings of the International Round Table. Moscow, December 13, 2017], RGGU, Moscow, Russia.

Barysheva, E.V., ed. (2019), *Budushchee nashego proshlogo – 5: Istoriya kak kommunikativnyi proekt: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 14 noyabrya 2019 g.* [The future of our past – 5: History as a communicative project. Proceedings of the International Scientific Conference. November 14, 2019], RGGU, Moscow, Russia.

Barysheva, E.V., ed. (2021), *Budushchee nashego proshlogo – 6: Istoriya povsednevnosti i povsednevnost' istorika: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 27 noyabrya 2020 g.* [The future of our past – 6: Everyday history and everyday life of a historian. Proceedings of the International Scientific Conference. November 27, 2020], RGGU, Moscow, Russia.

Barysheva, E.V., ed. (2022), *Budushchee nashego proshlogo – 7: Istoricheskaya pamyat' i kommemorativnye praktiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 26–27 noyabrya 2021 g.* [The future of our past – 7: Historical memory and commemorative practices. Proceedings of the International Scientific Conference. November 26–27, 2021], RGGU, Moscow, Russia.

Barysheva, E.V., ed. (2023), *Budushchee nashego proshlogo – 8: Imperii v istoricheskem diskurse: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 17 fevralya 2023 g.* M.: RGGU, 2023. 243 s. [The future of our past – 8: Empires in historical discourse.: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. February 17, 2023], RGGU, Moscow, Russia.

Barysheva, E.V., ed. (2024), *Budushchee nashego proshlogo – 9: Zhizn' nauki i zhizn' v naуke: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 16 fevralya 2024 g.* [The future of our past – 9: Life of science and life in science. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. February 16, 2024], RGGU, Moscow, Russia.

Petrov, Yu.A. (2017), “Russia on the eve of the Great Revolution of 1917: Modern historiographical trends”, *Rossiiskaya istoriya*, no. 2, pp. 3–16.

Riber, A. (2004), “Comparing continental empires”, in Miller, A.I., ed., *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive: Sbornik statei* [The Russian empire in comparative perspective: Collected articles], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 33–70.

Heyd, M. (2012), “Is there a future for studying the past?”, in Barysheva, E.V., ed., *Budushchee nashego proshlogo: Sbornik* [The future of our past: Collection], iss. 2, RGGU, Moscow, Russia, pp. 6–23.

Shelokhaev, V.V. (2017), “Reformatting of the party space in Russia in 1917 (historiographic results and research tasks)”, *Rossiiskaya istoriya*, no. 2, pp. 32–42.

Solov'ev, K.A., ed. (2021), *Res Publica: Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka* [Res Publica: Russian republicanism from the Middle Ages to the end of the 20th century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Елена В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; barysheva.ev@gmail.com
ORCID ID 0009-0007-5853-6456

Сергей С. Новосельский, кандидат исторических наук, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; novoselsky.rggu@gmail.com
ORCID ID 0000-0002-2449-125X

Information about the authors

Elena V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; barysheva.ev@gmail.com

ORCID ID 0009-0007-5853-6456

Sergei S. Novoselskii, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; barysheva.ev@gmail.com

ORCID ID 0000-0002-2449-125X

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 5
2025

Дизайн обложки
E.B. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 6 раз в год

Подписано в печать 05.12.2025
Выход в свет 12.12.2025
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$
Уч.-изд. л. 13,5. Усл. печ. л. 15,0
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2277

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru